Чарлз Джонсон (Даниэль Дефо)

Всеобщая история пиратов

Предисловие

Война, торговля и пиратство –

Три вида сущности одной.

И. Гете. «Фауст»

Даже малые дети, наверное, знают, что археологи ищут в земле остатки ушедшей жизни человечества. Осколки камня, которыми охотились и воевали, обрабатывали шкуры и жали урожай. Невзрачные обломки грубой глиняной посуды. Бесформенные развалины, бывшие когда-то стенами домов. Более эффектные внешне открытия случаются редко: обыденная жизнь и ее атрибуты во все времена многократно превышали количество праздников и необычайных предметов. И все же… Во всех археологических экспедициях, в которых мне приходилось участвовать (а их было более десятка – в Молдавии, на Украине, на Кавказе и даже в Летнем саду, в самом сердце невской столицы), к раскопу всегда наведывались жители близлежащих окрестностей, если, конечно, в пределах горизонта кто-то жил. Некоторое время гости тихонько стояли на краю ямы, в которой копошились покрытые пылью трудяги. И когда кто-то разгибал ноющую спину и нетвердой походкой направлялся к жестяному молочному бидону за глотком теплой, безвкусной воды, завязывался короткий и как бы шуточный разговор – всегда один и тот же:

– Здравствуйте. Копаете, значит? И как, много золота нашли?

Сначала меня это веселило. Потом раздражало. И только много позже я понял, что этот сакраментальный вопрос был продиктован не алчностью, не невежеством и даже не совсем любопытством. Просто в каждом из нас, даже самом циничном и ожесточенном годами рутинной, изматывающей борьбы за выживание, сидит неистребимый романтик с огромными голубыми глазами. И ему совсем не важно, что можно купить на то золото, о котором он спросил: само звучание слова «сокровища» отдается где-то внутри аккордом столь сладостным и тонким, что низменные материи далеки от них, как земная поверхность от источника музыки сфер…

Я видел нестерпимо сияющие глаза ребятишек, толпившихся у невских парапетов в дни регаты «Катти Сарк»: сквозь отражения пестрых парусов в глазах этих плескалась та же романтическая голубизна неповторимого оттенка теплых тропических морей. А в знакомый аккорд вплетались обертона звенящего вантами пассата и змеиного шипения распоротой килем тяжелой волны, клекота неупокоенных моряцких душ в поднебесье и заклинаний много повидавшей диковинной птицы, бормочущей над ухом в ночи:

– Пиастр-ры! Пиастр-ры! Пиастр-ры!

Потому и привлекает тема пиратов «классического» периода на самом исходе кровавого века двух мировых войн, и наверняка еще будет привлекать многие поколения подрастающих романтиков с огромными голубыми глазами: таинственные клады, дальние моря, паруса, звон шпаг, волевые мужчины и их царственно возвышенные дамы сердца, возведенные в рыцарское достоинство сэр Френсис Дрейк и сэр Генри Морган… Феерическая легенда, сотканная Байроном, По, Саббатини и многими, многими другими, одухотворена и гармонична как раз настолько, чтобы побуждать свернутые за нашими спинами крылья к полету, а стоящий за нею силуэт Последнего Кредитора с косой ровно настолько призрачен и не страшен, чтобы кровь

пиратских жертв представлялась не более чем клюквенным соком. И даже антагонисты «благородных разбойников», с черными повязками, деревянными ногами и патологически злобным нравом, со времен Стивенсона, Сю и Конан Дойля вполне вписываются в общую картину: в конце концов, «хорошие парни» побеждают «плохих парней», а добродетель, как и положено, торжествует. В рассуждении возвышенных движений души, которых так не хватает в наше прагматическое время (впрочем, какое время не прагматично?), весь этот миф прекрасен и необходим, и грешно было бы мне, который и сейчас не упустит случая насладиться хорошим «пиратским» романом, пытаться его развенчать. Однако книга, которую вы сейчас держите в руках, совсем иного свойства. И в нашем предисловии речь тоже пойдет совсем о другом.

Обычно представление о феномене пиратства устойчиво связано с XVI – XVIII веками – тем временем, которое чуть выше было названо «классическим». Однако в действительности его возникновение теряется в глубине веков. Само слово «пират» прочно вошло в лексикон древнегреческих обывателей века за четыре до нашей эры, но у него были предшественники, а пиратскими актами не брезговали еще герои греческих мифов – Минос, Одиссей, Геракл, Ясон… Пиратское ремесло уже тогда было столь же обыденно, как землепашество или скотоводство, отличаясь от них разве что большей степенью риска, а в бюджете (как мы бы теперь сказали) многих средиземноморских городов-государств нередко играло даже более существенную роль: тот же минойский Крит, к примеру, во многом жил за счет морского разбоя.

Более того, в римских Дигестах (сборниках законов), в одном из законов, который дошел до римского права еще от времен древнегреческого мудреца Солона, перечисляются три морские «специализации» – мореходы, купцы и пираты. Добавим от себя: не просто три равноправные профессии, а три ипостаси одного морского дела, и быть ли в открытом море дичью или охотником, зависело исключительно от обстоятельств и в античности, и, как мы увидим далее, в «просвещенные» века.

Как бы эксцентрично это ни звучало, именно пиратству обязаны древнегреческие цивилизации своим торговым и техническим расцветом на море, так же, как сухопутным набегам и войнам – развитием военной техники, полководческого искусства и политических систем. Ведь необходимость уберечь свои жизни и имущество толкала мореходов к усовершенствованию судов и оружия, освоению новых торговых путей и развитию искусства навигации, разработке принципов картографии и разнообразных экономических дисциплин. А это неизбежно приводило к бурному развитию мореплавания и торговли. И тут напрашивается аналогия с «санитарами леса» – волками, которые объективно способствуют выживанию и процветанию множества видов-»жертв».

И точно так же, как чрезмерное увеличение численности волков превращает их из блага в бедствие, чрезмерно возросшее могущество пиратов делало их вместо стимула развития его тормозом. Тогда государство устраивало на них облаву, наподобие той, которую учинил Гней Помпей на Сицилии, и количество «санитаров моря» на какое-то время входило в разумные рамки. Так эти два процесса взаимного регулирования и чередовались из века в век, пока полезное начало морского разбоя не исчерпалось окончательно – а признано это было всего-то немногим более века тому назад!

Наконец, помимо прогрессивной и «санитарной» составляющих, помимо все еще близкой многим идеи грабить награбленное, пиратство до самых последних времен его официального признания было связано с работорговлей. «Охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива». Эти слова принадлежат, ни много ни мало, отцу европейской позитивистской науки – Аристотелю, хотя некогда пираты

обратили в рабство его собственного учителя – Платона, и выкупить того удалось только после долгих хлопот.

Правда, к началу эпохи Великих географических открытий европейское пиратство постепенно утратило свою роль одного из основных поставщиков «живого товара» на мировые рынки: к услугам морских государств Европы оказались необъятные охотничьи угодья Гвинеи, то есть, практически все западное побережье Африки. Португальские, а потом голландские, английские, французские официальные экспедиции охотников за рабами быстро вытеснили пиратов из этого прибыльного сектора торговли. И все же на продаже захваченных транспортов с черными невольниками им удавалось урывать неплохие куски, не говоря уже о традиционной практике выкупов за знатных белых пленников. Другая сторона этой темы несколько неожиданна – беглые и захваченные на транспортах негры-рабы оказались обильным источником пополнения числа самих пиратов. При этом команды пиратских кораблей, частично состоявшие из негров, отличались особой стойкостью в бою: бывшим рабам было за что мстить, а в случае пленения их ожидала участь куда более горькая, чем виселица.

Но важнейшим фактором, сформировавшим главные черты того пиратства, которое мы сейчас воспринимаем как «классическое», было, конечно, открытие Америки. Когда в океанские просторы стали робко проникать новоявленные морские государства – Голландия, Англия и Франция, мир уже был целиком поделен между сверхдержавами тех времен: Испанией и Португалией. На законных основаниях другие страны претендовать на создание заморских колоний не могли: такое положение вещей было освящено буллой самого Папы. Захватить силой? Тоже сомнительно: те же колонии нескончаемым потоком поставляли серебро и до той поры редкое в Европе золото в сокровищницы испанской и португальской корон, так что война с этими монстрами была обречена на провал по чисто экономическим причинам. Единственным выходом из этого замкнутого круга было санкционированное пиратство «по национальному признаку».

Так расцвел знаменитый институт каперства, нацеленный на подрыв экономической мощи и колониального всесилия испанцев и португальцев. И в очень скором времени большая часть европейских пиратов, сориентировавшись в обстановке, переместилась в Карибское море и к африканским берегам. Стали возникать пиратские базы на Тортуге, Провиденсе, Мадагаскаре, и уже к середине XVII века карибские пираты стали достаточно сильны, чтобы не только нападать на испанские казначейские галеоны, но и захватывать целые города на Панамском и Дарьенском перешейках. В истории пиратства начался «золотой век».

В европейских странах – претендентах на равноправное членство в «морском клубе» такое положение вещей вызывало двоякие чувства. С одной стороны, даже после гибели Великой Армады Испания оставалась безусловным хозяином морских просторов, поэтому правительство Англии, например, старалось не лезть на рожон и официально открещивалось от «своих» пиратов. С другой стороны, для реализации колониальных устремлений новичков разбойные нападения на испанские транспорты продолжали оставаться чрезвычайно полезными. К тому же, уменьшились опасности судоходства в европейских водах, а в среде буржуазии громкие пиратские походы против «золотых городов» Новой Испании вызывали настоящие приливы патриотизма, иногда даже несколько горячечного.

Да, в общественном мнении конкретный живой пират формально оставался одиозной личностью, даже если само государство прекращало по отношению к нему судебное преследование. Но сами пиратские подвиги, со всей их кровью и грязью, не только случались далеко от родного порога, но и очень сильно подогревали чувство национальной гордости. Не случайно именно в XVI – XVII веках в Англии начинают печатать книги небывалого доселе жанра – путевые дневники и воспоминания пиратов, которые неизменно пользовались определенным читательским спросом. И, наконец, в 1678 г. в Голландии, а вскоре и в ряде

других стран Европы, появилось сочинение, положившее начало обширному семейству книг по истории пиратства – «Пираты Америки» А. Эксквемелина.

До сих пор достоверно неизвестно, какое имя зашифровано было в этой анаграмме. Однако все историки сходятся на том, что под псевдонимом «А. Эксквемелин» скрывался французский врач, волею судеб ставший буканьером на Тортуге и принимавший непосредственное участие в знаменитых панамских походах Генри Моргана. Вернувшись в 1674 г. в Европу, Эксквемелин занялся врачебной практикой в Амстердаме, а на досуге записал то, что счел интересным из своих наблюдений за природой, нравами и обычаями Карибского моря, из своего опыта буканьера и участника пиратских вылазок, перемежая этнографию и натуралистику пространными жизнеописаниями карибских пиратов. Именно эта книга не только сохранила в истории, но и сильно выделила из общего ряда пиратов XVII века имена Л'Оллонэ и Рока Бразильца, увековечила живые подробности экспедиций Моргана.

«Пираты Америки» вызвали в Европе фурор. В считанные месяцы книгу перевели и переиздали в Германии, Испании, Англии, Франции. Характерно для того времени, что переводчики редактировали «Пиратов» в духе своих национальных пристрастий; в результате, если голландский текст живописал зверства испанцев в Новом Свете, то в его испанском варианте испанцы выставлялись невинными овечками, а английские пираты, и особенно сам Морган, являли собой кровавых чудовищ. Нас с вами это обстоятельство могло бы не особенно интересовать, если бы английский перевод книги не был сделан… с испанского. Но случилось именно так, и это обстоятельство определенным образом повлияло на формирование всего «пиратского» жанра.

В 1724 г. на полках лондонских книжных лавок появилась книга, которой была уготована двусмысленная судьба «серого кардинала» литературы о пиратах – «Всеобщая история пиратов» капитана Чарлза Джонсона. В ней излагались биографии десяти карибских пиратов 1710-х годов. Как и «Пираты Америки», книга пользовалась колоссальным успехом у читателей: вскоре увидели свет второе и третье издания, дополненные новыми биографиями, а в 1728 г. появился второй том «Всеобщей истории», повествующий о пиратах Индийского океана.

Многие детали стиля «Истории» говорят о том, что ее автор взял за образец сочинение Эксквемелина. Та же злободневность, поскольку речь в книге шла о событиях нескольких недавних лет. Тот же слегка суховатый, а временами нарочито бесстрастный язык стороннего наблюдателя-хрониста. То же обилие мелких бытовых деталей – а в конце книги, для вящего сходства, даже вшитое в ткань изложения пространное «Описание», повествующее о природных и географических особенностях островов Сан-Томе и Принсипи: бесспорно любопытное, но, в отличие от «Пиратов Америки», почти никакого отношения к основному тексту не имеющее. Наконец, впечатляющие картины зверств английских пиратов (а все главные герои «Истории» – англичане), что продолжало традицию, заложенную, как мы уже знаем, легкой рукой испанского переводчика Эксквемелина. И все же то, что придавало книге Джонсона особую ценность в глазах современников и еще более ценно сегодня, было несомненной авторской находкой: опора на документальные свидетельства.

Вряд ли где еще широкой публике могла представиться возможность прочитать письмо капитана торгового судна с подробным описанием жестокого боя, который он вел с двумя пиратскими кораблями. Или подлинный текст речи, с которой королевский судья обратился к захваченному пирату, прежде чем объявить тому смертный приговор. Местами «История» Джонсона даже напоминает некий статистический отчет, с такой скрупулезностью перечисляются в ней данные о захваченных пиратами кораблях: тип, название, фамилия капитана, количество пушек, численность команды. Доступа к такого рода сведениям

Эксквемелин, по понятным причинам, иметь не мог. Зато в его книге есть то, чего нет у Джонсона: опыт очевидца и непосредственного участника описанных событий.

Чарлз Джонсон таким очевидцем не был, и живые подробности того, о чем писал, мог черпать только из воспоминаний других людей. Отсюда проистекают, по-видимому, те многочисленные мелкие неточности и лакуны, которыми страдают части текста, не основанные на документах. Отсюда же некоторый туман в описаниях мест действия: автор часто плоховато представляет себе, кто, куда и относительно чего перемещается. Но не в этом главный недостаток «Истории пиратов» с точки зрения историка: по прошествии десятилетий постепенно стало выясняться, что многие детали в описании характеров, не говоря уже о диалогах, Джонсон… попросту выдумал! Апофеозом недобросовестности автора оказалось то, что биографии женщин-пиратов Мэри Рид и Энн Бонни были вымышлены им с начала и почти до конца. Такие вещи, как известно, плохо укладываются в головах профессиональных историков. И «Всеобщая история пиратов» ушла в тень.

Совсем игнорировать ее было, конечно, невозможно: рядовому читателю и через сто, и через двести лет после написания этой книги гораздо важнее было ощутить себя в плену ее странно обыденных в своей жестокости событий, чем дотошно выяснять достоверность той или иной детали. К тому же, очень и очень многие сведения, содержащиеся в «Истории», не только не пострадали от вмешательства авторской фантазии, но и отсутствуют во всех остальных источниках. И если бы эти сведения были изъяты из исторического обихода, на их месте образовались бы ничем не восполнимые зияющие пустоты. Поэтому профессионалы, занимающиеся историей пиратства (а такие появились уже к концу 1700-х годов), выбрали соломоново решение. Сведения (а иногда и мифы) из «Истории пиратов» используются во всех книгах на эту тему уже два с половиной века. Сама «История пиратов» как источник этих сведений не упоминается почти нигде. Так по собственной своей недобросовестности Чарлз Джонсон стал «серым кардиналом» истории пиратства.

Впрочем, в недобросовестности, как я уже говорил, упрекали капитана Джонсона только историки, и по-своему они, конечно, правы. Но абсолютна ли эта правота? Ведь, даже не говоря более об определенном лукавстве представителей исторической науки, следует признать за «Историей» и несомненную литературную ценность. Разве не могло случиться так, что «фактологический подлог», сделанный автором, был продиктован не его злой волей, а какими-то более уважительными обстоятельствами? Чтобы по справедливости ответить на этот вопрос, следовало сначала разобраться, что за человек капитан Чарлз Джонсон. Но когда стали разбираться, выяснилось, что такого человека… попросту нет.

Когда было установлено, что в архивных списках Морского министерства Великобритании капитан Чарлз Джонсон не числится, многие исследователи резонно предположили, что и в этом автор «Истории» пошел по стопам своего предшественника – А. Эксквемелина, и, тоже будучи в прошлом пиратом, выпустил книгу под псевдонимом. Такая гипотеза объясняла исключительную осведомленность Джонсона в подробностях из жизни морских разбойников 1710-х годов, но зато оставляла открытым как вопрос о его честности, так и то, каким образом бывший пират мог получить доступ к документам. Загадка личности Чарлза Джонсона оставалась загадкой до 1932 года, когда американский литературовед Джон Мур опубликовал статью, посвященную анализу «Истории пиратов».

Джон Мур предположил, что за псевдонимом «капитан Джонсон» скрывался английский писатель Даниель Дефо – всемирно известный автор «Робинзона Крузо». Для подтверждения своей гипотезы ему пришлось проделать огромную работу. Ученый нашел документы, из которых следовало, что в конце 1710-х – начале 1720-х годов, когда писалась «Всеобщая история пиратов», Дефо живо интересовался кораблестроением и мореплаванием. В эти годы он активно писал на пиратские темы и выпустил несколько книг, хотя и менее документальных, нежели «История», но посвященных тем же людям и основанных на тех же источниках. Проведя текстологический анализ некоторых произведений Даниеля Дефо и нескольких глав

из «Истории пиратов», Мур показал, что в ряде случаев их тексты абсолютно идентичны, а жизнеописание пирата Джона Гоу, которое появилось в третьем издании «Истории», было простой переработкой памфлета Дефо, изданного несколькими месяцами раньше.

Нет ничего удивительного и в том, что писатель опубликовал «Историю» под псевдонимом. Из сотен книг и статей, написанных после 1710 года, только два произведения он выпустил в свет под настоящим именем, а из всех своих работ (их насчитывается более 500) – лишь около десятка.

В настоящее время гипотеза Джона Мура стала общепризнанной за пределами России. Однако в нашей стране по сей день попадаются книги, в том числе известных и уважаемых авторов популярных книг по истории пиратства, где «История пиратов» капитана Чарлза Джонсона представлена как сочинение, из которого Даниель Дефо черпал фактический материал для своих произведений на пиратскую тему. Прелесть ситуации заключается в том, что кое-кто из авторов при этом сдержанно, но недвусмысленно укоряет Дефо в плагиате. Будем надеяться, что теперь, когда книга, наконец, издается на русском языке, подобные недоразумения уйдут в прошлое.

Хотя Даниель Дефо и «вышел» на пиратскую тему достаточно случайно, само обращение к ней было совершенно закономерным: здесь как бы слились воедино две параллельно текущие стороны его жизни. Об одной из этих сторон так или иначе знают все, ибо кто же еще в школьные годы не читал какого-нибудь из изданий «Робинзона Крузо», а значит, и предисловия к нему? Блестящий и весьма плодовитый сатирик, опубликовавший первый политический памфлет в 23 года, а последний – на семьдесят первом году жизни, за считанные месяцы до смерти, неоднократно подвергавшийся за свое творчество арестам, штрафам, а однажды даже приговоренный к стоянию у позорного столба. Издатель еженедельного «Обозрения» и газеты «Политический Меркурий», журналист и редактор. Автор многочисленных сочинений по истории Великобритании и первой беллетризованной биографии царя Московии Петра I. Наконец, создатель 18 романов, первый же из которых, опубликованный, когда Дефо было уже 59 лет, обессмертил его имя…

Вторая сторона его деятельности известна нашему читателю меньше. Готовившийся к принятию духовного сана 18-летний Даниель отказывается от этой карьеры и начинает заниматься самого разного рода торговлей, в том числе связанной с импортом и экспортом товаров в Америку (вот откуда, оказывается, тянется первая ниточка его заинтересованности проблемами морских коммуникаций). Летом 1685 г. участвует в восстании герцога-протестанта Монмута, а через три года связывается с Вильгельмом Оранским – претендентом на английский престол, и даже попадает в состав его свиты во время поездки герцога в Ирландию в июне 1690 г. Затем наступает первый крах на коммерческой почве: в 1692 г. Дефо, занимавшийся к тому времени страхованием судов, разоряется из-за их участившейся гибели (идет война за Пфальцкое наследство); сумма долгов составляет 17 000 фунтов. Теперь все его коммерческие проекты будут связаны с сушей.

На пятом десятке лет, пережив серию штрафов и тюремных заключений, связанных и с острым пером, и с коммерческими неудачами, Дефо приходит к прямому сотрудничеству с правительством. В конце 1704 г. его освобождают из тюрьмы, долги его выплачивает корона, а сам памфлетист становится пропагандистом и осведомителем – сначала при правительстве тори, а с 1715 г. при новом правительстве вигов. Такое изменение статуса не только не помешало его плодовитости как памфлетиста, о чем уже упоминалось выше, но и помогло, видимо, выступить в новом качестве сочинителя романов.

Часть из них долгие годы лежала в ящике стола: «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», роман, опубликованный в 1722 году, датирован, к примеру, 1683 годом! А если посмотреть на тематику крупных произведений Дефо в целом, то лишний раз убеждаешься,

как превратно бывает расхожее мнение о «специализации» писателей. Широко известен анекдот о королеве Виктории, которая, придя в восторг от «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла, затребовала все его сочинения и получила кипу математических трактатов. Анекдот есть анекдот: у Кэрролла хватало и стихотворных сборников, и рассказов, и даже романов. Но широко известна и любима лишь детская сказка. Что-то в этом роде случилось и с Дефо.

Если искать аналогии его творческим пристрастиям, первым приходит на ум… Владимир Гиляровский. «Дядя Гиляй», певец московских трущоб и корифей русской журналистики, живо интересовался обитателями мира грузчиков, извозчиков, воров и попрошаек. Дефо точно так же интересовал мир лондонских проституток (вспомним ту же «Молль Флендерс»), жуликов и авантюристов. И… пиратов. Положение правительственного осведомителя, надо полагать, предоставляло ему все возможности для сбора необходимой информации, а инстинкт человека пишущего не позволял пренебречь таким кладезем сюжетов и тем. Потому «Робинзон Крузо» и два его продолжения, практически неизвестных читающей публике России, стоят в его творчестве особняком, как «Алиса» и «Алиса в Зазеркалье» у Кэрролла. Зато добрая половина крупных произведений Дефо связана с пиратской темой, причем все они были написаны после 1718 года: «Король пиратов», героем которого был Генри Эвери (опубликован в 1719 г.), «Жизнь и пиратские приключения капитана Синглтона» (1720), «История полковника Джека» (1722), «Новое кругосветное путешествие» (1724), «Четырехлетние странствия» (1726), «Мадагаскар, или Дневник Роберта Друри» (1729)… Конечно же, сюда следует включить и «Историю пиратов»; и… «Робинзона Крузо».

Последнее может показаться несколько странным, хотя в «Робинзоне» и есть эпизод, в котором герой попадает в плен к пиратам. Чтобы рассеять недоумение, а заодно попытаться объяснить внезапный интерес Дефо к деятельности пиратов (возникший спустя полтора десятилетия после того, как писатель мог в последний раз сталкиваться с ее последствиями), придется снова сменить тему разговора.

Откуда вообще брались пираты в XVI – XVIII веках? Как обычно, здесь можно найти несколько источников и несколько причин. Если присмотреться к периодам взлетов и падений пиратской активности, выяснится, что всплески ее приходятся на окончание крупных войн между морскими державами Европы. Дефо в «Истории пиратов» очень точно об этом говорит. Действительно, люди с авантюрной жилкой, не слишком озабоченные чистотой своих перчаток, во время очередной войны получали прекрасную возможность законным образом удовлетворить и свою страсть к приключениям, и жажду наживы, получив каперское свидетельство. Когда война кончалась, большинство из них, войдя во вкус, но не имея более законных оснований к морскому разбою, начинала заниматься им незаконно. Через какое-то время правительству приходилось в очередной раз браться за показательную чистку пиратских гнездовий. (Как раз об одном таком периоде, которому суждено было стать последним в истории пиком массированной пиратской активности в Карибском море и у берегов Африки и Индии, и рассказывает «Всеобщая история пиратов».)

Второй источник сегодня может показаться достаточно неожиданным: матросы и даже офицеры захваченных пиратами судов. Но обратимся снова к сухой статистике, приводимой Дефо на страницах этой книги. В главе «Жизнь капитана Инглэнда», в списке судов, захваченных этим пиратом с 25 марта по 27 июня 1719 г., читаем: «Орел»… 17 человек команды… 7 сделались пиратами; «Шарлотта»… 18 человек… 13 сделались пиратами; «Сара»… 18 человек… 3 сделались пиратами; «Бентворт»… 30 человек… 12 сделались пиратами; «Олень»… 2 человека, и оба сделались пиратами; «Картерет»… 18 человек… 5 сделались пиратами; «Меркурий»… 18 человек… 5 сделались пиратами; «Робкий»… 13 человек… 4 сделались пиратами; «Элизабет и Кэтрин»… 14 человек… 4 сделались пиратами». Получается, что пиратскую вольницу, вместе с маячившей в перспективе петлей, предпочитал каждый третий, и даже немного больше!

Можно много говорить здесь о социальной обстановке, провоцировавшей такие решения, но это увело бы нас далеко в сторону, да и отмечалось уже не раз. Можно привести еще несколько источников пополнения пиратских рядов. И все же важнее, на наш взгляд, вопросы «кто?» и «почему?» перевести в другую плоскость. Ведь «триединство» морских профессий купца, морехода и пирата никто не отменял, оно не только сохранилось с античных времен, но и обрело четвертую ипостась: первопроходца новооткрытых земель. И Новый Свет с его золотом, индейцами, пионерами и флибустьерами оказался тем клапаном, через который из стареющей Европы вырвались на волю люди с одним и тем же общим качеством: те, кого Лев Николаевич Гумилев назвал «пассионариями». Именно здесь могло найтись применение их неуемной энергии, а уж направить ее на разрушение или созидание, зависело от обстоятельств.

Один из таких людей, чье имя частенько упоминается на страницах «Истории пиратов», и послужил поводом для столь далекого, казалось бы, отступления от темы. Английский капер Вудс Роджерс, потомственный морской капитан, сначала посылал каперов в рейды против французских кораблей, а когда английское правительство перестало требовать с каперов 20 процентов стоимости добычи, и сам собрался на охоту. Возглавив флотилию из двух фрегатов, в сентябре 1708 года он направился в Тихий океан и после краткой остановки у островов Хуан Фернандес, захватив по пути несколько испанских и французских кораблей, в мае 1709 года неожиданно напал на порт Гуаякиль и разграбил его. В январе 1710 г. захватил манильский галеон – несбыточную мечту подавляющего большинства карибских пиратов, причем был ранен мушкетной пулей в верхнюю челюсть, но всего через три дня попытался захватить еще один галеон. Во время этого боя осколок выбил у Роджерса кусок пяточной кости и срезал больше половины ноги под лодыжкой. Второй лакомый кусок захватить не удалось. Однако уже захваченного добра с лихвой хватило, чтобы окупить экспедицию. В октябре 1711 г. корабли вернулись в Англию, а в 1712 г. вышла в свет книга Роджерса «Морское путешествие вокруг света», основанная на дневниковых записях. Некоторые исследователи считают, что книгу отредактировал… Даниель Дефо. Но к этому эпизоду мы вернемся чуть погодя.

В 1713 – 1715 гг. Роджерс перевозил рабов из Африки на Суматру, а в конце 1717 г. по просьбе плантаторов с Багамских островов был провозглашен первым королевским губернатором острова Нью-Провиденс – главной карибской базы пиратов тех лет. Появившись на Багамах в июле следующего года, он сумел принудить часть пиратов сложить оружие в обмен на королевскую амнистию, остальных разогнал, а кое-кого и повесил. Пираты стали обходить Нью-Провиденс стороной. Однако метрополия не оказывала деятельности губернатора никакой поддержки, и в 1721 г. Роджерс отправляется за помощью в Лондон. Денег на защиту острова (теперь уже от испанцев) он получить не сумел, разорился и попал в долговую тюрьму. В должности губернатора его восстановили только в 1728 г., а через четыре года Вудс Роджерс умер на Нью-Провиденсе.

К сожалению, мне доподлинно неизвестно, насколько тесным было знакомство Дефо с Вудсом Роджерсом. Но то, что такое знакомство было и длилось долгие годы, у меня не вызывает никаких сомнений. Выше уже упоминалось о том, что Дефо, как полагают, редактировал книгу Роджерса. А ведь в этой книге говорится, в частности, об остановке у островов Хуан-Фернандес, и о пирате, высаженном товарищами на один из островов и подобранном капитаном Роджерсом. Пирата этого звали Александр Селкирк, и через несколько лет он стал известен всей Англии, а потом и всему миру, под именем Робинзона Крузо.

После поездки Роджерса в Лондон в 1721 году в распоряжении Дефо оказывается достаточно материалов о пиратах Карибского моря, чтобы написать целую серию книг. И все эти пираты – из числа «обиженных» губернатором Нью-Провиденса в 1718 г., о чем Дефо всякий раз обязательно упоминает в их жизнеописаниях из «Всеобщей истории». Конечно, окончательное суждение о связи этих двух людей можно будет вынести только после обстоятельного исследования темы. Но мне думается, что уже сейчас можно смело утверждать:

интерес Дефо к жизни и деятельности пиратов, ряд его романов, открывающийся бессмертным «Робинзоном», «Всеобщая история пиратов» с ее уникальными историческими данными – все это лишь отраженный свет пассионарности капитана Вудса Роджерса.

Но отдадим должное и автору. Не будем говорить о романах – тому свое время и свое место. Что же касается «Всеобщей истории пиратов», в этой книге престарелый бунтарь и осведомитель сумел донести до нас то, что больше никому не удавалось. Пусть временами в его голове смешивались сухие протокольные факты и собственные буйные фантазии, стремление к созданию достоверной картины событий и старческая склонность к написанию дидактических «жизненных опытов» (но ведь в этом смысле библейская «Книга Премудрости Соломона» ничем не отличается, скажем, от третьего тома «Робинзона»!). Дефо сделал главное: зафиксировал на века обыденное пиратство. Читая Эксквемелина, мы можем вообразить, что вся пиратская жизнь состояла из захвата городов, караванов золота, гигантских флотилий во многие сотни абордажных сабель. На страницах «Истории пиратов» мы видим истину: «трудовые будни» с регулярными чистками днищ, захватами мелких суденышек и хождением в блокированный порт за лекарствами; с судовыми проститутками, захваченными вместе с пиратами и потому ставшими историческим мифом, и бытовым грабежом продовольствия; с низложением капитанов и паническим бегством от военных патрульных кораблей… Все это несет в себе неповторимый аромат подлинности, а изложено так, что прослойки авторской дани Воображению не только его не перебивают, но непостижимым образом оттеняют и обогащают. И странное дело: работая над переводом, я все язвил про себя, величая «Историю пиратов» «производственным романом». А огромные голубые глаза того, кто сидит внутри, отчего-то разгорались все ярче и ярче…

Текст «Всеобщей истории пиратов» издается на русском языке в том же объеме, в котором книга впервые появилась на лондонских прилавках в 1724 году. Разъяснения некоторых культурных реалий, краткие биографические справки и прочее, что, по мнению переводчика, могло представлять интерес для читателя, дано в примечаниях (частично они помещены внизу страниц, частично в конце каждой главы). Географические названия, морские термины, старинные меры веса, длины и пр., а также денежные единицы для удобства пользования выделены в специальные приложения.

Переводчик приносит искреннюю и глубокую благодарность Е. Н. Мальской – за огромную техническую помощь при подготовке перевода; академическому директору «Эдукацентра» Е. В. Кисленковой – за действенную помощь в критической ситуации; сотруднице РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, историку М. А. Говорун – за помощь в работе со справочной литературой и поисках изобразительных материалов; кандидату исторических наук С. В. Лобачеву – за предоставленные материалы, частично использованные при подготовке этой книги.

Игорь Мальский

Жизнь капитана Эвери

Не бывало средь отважных искателей приключений человека, который вызвал бы в свое время столько разговоров, как капитан Эвери. Вокруг него поднято было много шума, как теперь вокруг Меривейса, и его почитали весьма важною персоною. В Европе говорили, что он возвел себя в королевское достоинство и стал основателем новой монархии, что он награбил несметные богатства и женился на дочери Великого Могола[1], которую захватил на индийском корабле, попавшем в его руки, и что от нее у него было множество детей, кои наделены были королевскими привилегиями и окружены великою роскошью. Говорили также, что он строил форты и артиллерийские погреба и командовал эскадрою кораблей, экипажи которых набирал из ловких и отчаянных парней всех национальностей; что отдавал от своего имени приказы капитанам кораблей и командирам фортов, кои почитали его за своего государя. О нем даже

была написана пьеса, которая называлась «Удачливый пират»[2]. Ко всем этим рассказам относились с полным доверием, так что Совету[3] было представлено несколько планов того, как снарядить эскадру, дабы поймать его; иные же предлагали объявить амнистию ему и его товарищам и пригласить их в Англию со всеми их сокровищами, ибо опасались, как бы его растущее могущество не помешало торговле между Европой и Ост-Индией.

Однако все это было не более, чем пустые слухи, подогреваемые доверчивостью одних и безответственностью других, кои любили рассказывать разного рода чудесные истории, ибо в то самое время, когда говорили, что он домогается королевской короны, он просил милостыню, а когда распускали слухи, что он владеет огромным богатством на Мадагаскаре, он умирал с голода в Англии.

Несомненно, читателю будет любопытно узнать, что стало с этим человеком и какова была истинная подоплека столь многочисленных и недостоверных известий, касавшихся его жизни, поэтому я, по возможности кратко, расскажу его историю.

Эвери родился на западе Англии, под Плимутом, в Девоншире. Обучившись морскому делу, он служил помощником капитана на купеческом судне и принял участие в нескольких торговых рейсах. Случилось так (а было сие еще до Рисвикского мира[4], когда действовал союз Испании, Англии, Голландии и других держав против Франции), что французы с Мартиники вели контрабандную торговлю с испанцами на перуанском побережье, что, согласно законам Испании, запрещено было даже друзьям в мирное время, ибо никому, кроме самих испанцев, не дозволено было посещать те места или сходить на берег, под страхом в любую минуту быть заключенными под стражу. Потому испанцы постоянно держали там несколько судов, которые крейсировали вдоль побережья и назывались Гуарда-дель-Коста[5], коим дан был приказ захватывать все корабли, какие бы ни встретились им менее чем в пяти лигах от берега. Французы, однако, поднаторели в той торговле, у испанцев же не хватало кораблей, да и те, коими они располагали, были плохо вооружены. И часто случалось, что, когда испанцы натыкались на французские контрабандеры[6], у них недоставало сил, чтобы атаковать их, по каковой причине Испания приняла решение взять на службу два-три иностранных корабля. Когда о том стало известно в Бристоле, несколько купцов из этого города снарядили два корабля, о тридцати с лишним пушках[7] и с командою в 120 человек каждый, вдоволь снабдив их провизией и амуницией, и всеми прочими необходимыми припасами. Сделка утверждена была испанскими агентами, и кораблям предписано было отплыть в Ла-Корунью, или, по-нашему, Гройн, где им надлежало получить дальнейшие распоряжения и принять на борт пассажирами нескольких испанских джентльменов, направлявшихся в Новую Испанию.

На одном из тех кораблей, который я буду называть «Дьюк» и капитаном коего был коммандер Гибсон, Эвери служил первым помощником[8]. Поскольку был он человеком не столько храбрым, сколько хитрым и коварным, то постепенно вошел в доверие к нескольким самым отчаянным матросам с другого корабля, а также того, на борту коего он сам находился. Он выведал их намерения, прежде чем открыть им свои, и, удостоверившись, что они вполне пригодны для осуществления его плана, предложил им, наконец, бежать на одном из кораблей, увлекши их рассказами о том, какие богатства должны ожидать их на берегах Индии. И лишь только он это сказал, как легко заручился их поддержкой, и решено было привести в исполнение сей план в десять часов вечера следующего дня.

Должно сказать, что капитан корабля был страстным любителем пунша[9], и потому проводил большую часть времени на берегу, в кабачках. Однако в тот день он не сошел на берег как обычно, что, тем не менее, не помешало его пристрастию. Он принял свою обычную дозу спиртного на борту и улегся спать еще до того часа, на который было назначено предприятие. Те моряки, которые не были вовлечены в заговор, тоже разбрелись по гамакам, так что на палубе не оставалось никого, кроме заговорщиков, которые фактически составляли большинство команды. В условленное время появился голландский баркас, который Эвери приветствовал, как было положено. В ответ матросы с баркаса спросили: «На борту ли ваш

пьянчуга-боцман?» Это был пароль, заранее между ними оговоренный, и Эвери отвечал на то утвердительно. Баркас встал борт о борт с кораблем, и шестнадцать крепких парней присоединились к заговорщикам.

Когда наши сударики увидали, что все прошло гладко, они задраили люки и принялись за работу. Они не стали травить якорный канат, а неспешно подняли якорь, и таким образом вышли в море безо всякого волнения и суматохи, хотя в бухте стояло несколько кораблей, среди коих был сорокапушечный голландский фрегат. Капитану его предложено было крупное вознаграждение, если он пустится за ними в погоню, но минхер[10], который, должно быть, никому не желал служить, кроме себя самого, не поддался на уговоры, предоставив сию возможность кому-нибудь другому, благодаря чему позволил мистеру Эвери следовать таким курсом, каким ему заблагорассудится.

Тем временем то ли от качки, то ли от шума при работе с такелажем проснулся капитан и позвонил в колокольчик. Эвери с двумя сообщниками вошел в каюту, где полусонный и немного испуганный капитан спросил их:

– Что здесь происходит?

– Ничего, – хладнокровно отвечал Эвери.

– Что с кораблем, почему такая качка? Какая погода? – спросил капитан, который подумал, что разыгрался шторм и корабль сорвало с якоря.

– Нет, нет, – отвечал Эвери, – мы вышли в море. Ветер попутный и погода стоит отличная.

– В море? – воскликнул капитан. – Не может быть!

– Идемте, – сказал Эвери, – и ничего не бойтесь. Накиньте одежду, а я открою вам наш секрет. Знайте же, что теперь я капитан корабля, а это моя каюта, так что вам лучше покинуть ее. Я направляюсь к Мадагаскару[11], где хочу попытать счастья, и все эти молодцы присоединились ко мне.

Капитан постепенно пришел в себя и начал понимать, что происходит. Однако он по-прежнему был очень напуган. Заметив сие, Эвери сказал, что ему нечего бояться и что если он захочет присоединиться к ним, то они с радостью его примут. Со временем, если он бросит пить и будет справляться со своими обязанностями, его, возможно, сделают лейтенантом. Если же он того не захочет, то на воду уже спущена шлюпка, которая готова доставить его на берег.

Капитан был рад это услышать и принял второе предложение, после чего созвали всю команду, чтобы узнать, кто хочет сойти на берег вместе с капитаном, а кто желает попытать удачи с остальными. Нашлось всего пять-шесть человек, не пожелавших участвовать в этой затее. В ту же минуту их и капитана посадили в шлюпку, предоставив им добираться до берега своими силами.

Заговорщики продолжали свой путь к Мадагаскару. Мне неведомо, захватили ли они по пути какие-нибудь корабли[12]; но когда они прибыли к северо-восточной оконечности острова[13], то обнаружили там два шлюпа, стоявшие на якоре. Завидев корабль, на шлюпах перерубили канаты и устремились к берегу; все люди высадились на сушу и скрылись в лесу. Шлюпы эти были угнаны в Вест-Индии, и, завидев корабль Эвери, матросы решили, что сей фрегат послан за ними в погоню, а поскольку у них не было сил противостоять ему, им ничего не оставалось, как спасаться бегством.

Поразмыслив, где бы они могли скрываться, Эвери послал на берег несколько человек, дабы те сказали им, что пришли с миром, и что они могут присоединиться к команде фрегата ради общей безопасности. Матросы со шлюпов были хорошо вооружены; они укрылись в лесу и выставили часовых, которые наблюдали, как с корабля высаживаются люди. Однако увидели всего двух или трех человек, к тому ж безоружных, которые вовсе не собирались с ними сражаться, а лишь кричали, что пришли с миром и что готовы отвезти их на корабль, где можно будет объясниться. Сначала матросы подумали, что это хитрая уловка, но когда посланцы

сказали, что сам капитан и столько членов команды, сколько они сами разрешат, готовы встретиться с ними на берегу без оружия, они поверили в искренность их намерений и вскоре пришли к взаимному согласию. Несколько человек с корабля отправились на берег, а несколько матросов со шлюпов поплыли на корабль[14].

Последние обрадовались своим новым напарникам, поскольку их суда были небольшими, и они не могли атаковать вооруженный корабль, так что до сих пор они не смогли захватить сколько-нибудь значительной добычи. Но сейчас они были полны надежд ввязаться в большую игру. Эвери также был рад пополнению, которым мог усилить свою команду, и хотя доля добычи, приходившейся на каждого, теперь должна была уменьшиться[15], все же он решил, что для достижения цели все средства хороши, а сам он не позволит себя обделить.

Посовещавшись, что делать далее, они решили пуститься в плавание на галере[16] и двух шлюпах и сразу принялись за работу, дабы вывести шлюпы за полосу прибоя, что вскоре и было исполнено. Флотилия направились к арабскому побережью. Возле устья реки Инд марсовый заметил с топа мачты парус, за которым они бросились в погоню и, приблизившись к нему, увидели, что это большой корабль – возможно, какое-нибудь голландское купеческое судно, возвращавшееся из Ост-Индии домой. Но судьба приготовила им лучший подарок. Когда они открыли огонь, дабы остановить сей корабль, на нем подняли флаг Великого Могола и, казалось, приготовились к обороне. Эвери же только обстреливал корабль с дальней дистанции[17], и некоторые его матросы начали понимать, что их капитан отнюдь не такой герой, каким поначалу казался. Однако в это время в дело вступили шлюпы. Один из них подошел к кораблю с носа, другой с кормы, они атаковали его и взяли на абордаж, после чего корабль тут же спустил флаг и сдался. То было одно из личных судов Великого Могола[18], и на борту его находилось несколько высших придворных чинов, а среди них, как говорили, одна из дочерей Могола, которая свершала паломничество в Мекку[19]. Магометане полагают, что каждый из них обязан раз в жизни посетить сие место, и отправляются туда с богатыми дарами, которые возлагают к гробнице Магомета. Известно, что жители Востока путешествуют с необычайной помпезностью, прихватывают с собою всех своих рабов и служителей, роскошные одежды и драгоценности, нагружают свои корабли золотом и серебром, а сверх того везут огромные суммы денег, дабы оплачивать расходы в путешествии по суше. Вот почему добыча, попавшая в руки пиратам на том призе, не поддавалась исчислению.

Они дочиста ограбили сей приз и погрузили сокровища на борт своих кораблей, не пропустив ни единой вещицы, которая бы им приглянулась, после чего отпустили его. Он же не мог долее продолжать свое плавание и вернулся обратно. Лишь только известие о случившемся достигло ушей Могола и он узнал, что ограбившие его были англичане, он, извергая громогласные угрозы, повелел послать многочисленную армию, дабы огнем и мечом истребить англичан во всех их поселениях на индийском побережье[20]. Британская Ост-Индская Компания[21] весьма была тем встревожена, однако мало-помалу нашла средства утихомирить его, обещая приложить все свои старания, дабы схватить разбойников и передать их в его руки. Однако происшествие сие наделало много шума как в Европе, так и в Индии, став причиною всех тех романтических историй о могуществе Эвери, что стали после того возникать.

Между тем, наши везунчики-грабители сочли за лучшее отправиться обратно на Мадагаскар[22], намереваясь превратить это место в склад, или хранилище, для своих сокровищ, и выстроить там небольшое укрепление, где бы всегда оставалось несколько человек, чтобы приглядывать за ними и охранять от любых покушений туземцев. Но Эвери положил конец этим планам, объявив их излишними.

После того, как они легли на означенный курс, Эвери послал к каждому из шлюпов по шлюпке, дабы пригласить к себе на борт их капитанов, с коими он желал держать совет. Когда же они явились, объявил им, что ради общего блага собирается предложить им нечто, должное оградить их от разного рода неожиданностей. По его мнению, лучшим способом распорядиться

сокровищами было бы спрятать их на берегу в потайном месте, ибо все опасались, что их плавание может окончится неудачей. Он также предупредил их, что их может разъединить плохая погода, и если шторм разбросает шлюпы по океану и один из них встретится с военным кораблем, он может быть захвачен или потоплен, и в таком случае часть сокровищ, находящаяся у него на борту, будет потеряна для оставшихся, не говоря уже об обычных опасностях, подстерегающих на море. Что касается корабля Эвери, то он достаточно силен, чтобы достойно встретить любое судно, которое можно встретить в этих водах; если же ему повстречается столь сильный корабль, что он не сможет его захватить, ему нечего опасаться самому быть захваченным, ибо его судно весьма маневренно и быстроходно, в отличие от шлюпов. Потому он предложил им перевезти сокровища на борт своего фрегата и опечатать каждый сундук тремя печатями. И каждый из капитанов будет хранить одну из них до момента, когда они встретятся, если им по какой-то причине и придется на время расстаться.

Сие предложение показалось всем столь разумным, что его с готовностью приняли, рассудив, что, если что-нибудь произойдет с одним из шлюпов, другой может избежать опасности, и потому ради общего блага нужно последовать совету. Сокровища погрузили на борт к Эвери и сундуки опечатали. В этот и следующий дни корабли флотилии держались вместе, погода стояла прекрасная, а тем временем Эвери тайком собрал своих матросов и сказал им, что теперь у них достаточно денег, чтобы устроить свою судьбу, и ничто не мешает им отправиться в какую-нибудь страну, где их никто не знает, и жить в достатке до конца своих дней. Матросы поняли, что он имел в виду, и вскоре решили провести своих недавних напарников – команды шлюпов. Не думаю, что кто-нибудь из них испытывал столь сильные угрызения совести, чтобы попытаться удержать остальных от такого предательства. Словом, они воспользовались темнотой, изменили курс и к утру пропали из виду.

Пусть читатель сам вообразит, какое замешательство царило поутру на шлюпах, когда там увидали, что Эвери ускользнул: ведь они знали, что при хорошей погоде он должен был следовать условленным курсом, и, значит, его исчезновение не могло быть случайным. Однако оставим их на время, дабы последовать за мистером Эвери.

Эвери и его команда, обсудив, что им теперь предпринять, решили, что лучше всего отправиться в Америку, поскольку в тех краях их никто не знал. Они намеревались разделить сокровища[23], изменить свои имена, высадиться кому в одном месте, кому в другом, после чего приобрести недвижимость на берегу и жить, не зная забот. Первая земля, которую они повстречали на своем пути, был остров Провиденс[24], недавно заново заселенный, где они и провели некоторое время. Там пираты решили, что когда их корабль прибудет в Новую Англию, мощь его может вызвать массу вопросов[25], и, возможно, найдется кто-нибудь из Англии, кто слышал историю о похищенном в Гройне фрегате и может заподозрить, что они и есть те самые разбойники. Потому они решили здесь же, на Провидансе, избавиться от своего корабля. Во исполнение чего Эвери оповестил жителей, что его фрегат снаряжен был для каперского промысла, однако не преуспел в сем деле, а потому он получил приказ от владельцев судна избавиться от него до лучших времен. Вскоре он нашел покупателя, продал корабль[26] и немедля купил шлюп.

На том шлюпе он и его команда отправились в Америку, где они высадились на берег в различных местах, где никто не подозревал, кто они такие. И некоторые из тех, кто сошел на берег, и рассеялись по стране, получив от Эвери ту долю, которую он им уделил[27]. Однако большую часть бриллиантов он утаил от команды, ибо в суматохе, когда грабили корабль Могола, никто не считал награбленного и не знал его истинную цену.

Наконец он прибыл в Бостон, в Новой Англии, и сначала решил было приобрести имение в этих краях, и некоторые из его матросов тоже сошли на берег, следуя его примеру, но тут он изменил свое решение и предложил тем немногим, кто еще оставался, отправиться в Ирландию, на что они ответили согласием. Он заключил, что Новая Англия – не лучшее место

для него, потому что большая часть его богатства состояла из алмазов, и если бы он начал распродавать их здесь, то, вероятнее всего, навлек бы на себя подозрения в пиратстве.

По пути в Ирландию они миновали пролив Св. Георга и, направившись далее на север, бросили якорь в одном из северных портов королевства. Там они избавились от своего шлюпа и, сойдя на берег, разделились: часть двинулась в Корк, а другая часть в Дублин, из коих 18 человек впоследствии получили прощение от короля Вильгельма. Некоторое время Эвери жил в Ирландии, однако все не решался продавать бриллианты, ибо первый же вопрос о том, как они к нему попали, мог бы привести к его разоблачению. Поразмыслив, как поступить, он решил, что в Бристоле ему удастся найти людей, которым он мог бы довериться, для чего, как он рассудил, следует отправиться в Англию; так он и поступил и, прибыв в Девоншир, отправил письмо одному своему приятелю, с просьбою встретиться с ним в городке Биддифорд. Тот, в свою очередь, связался со своими друзьями и посоветовался с ними, каким образом лучше сбыть бриллианты. Они же решили, что безопаснее всего передать их купцам, чье богатство и влияние оградят их от вопросов, каким путем они к ним попали. И тот приятель сказал ему, что близко знаком кое с кем из людей, которые могли бы оказать таковую услугу, и если Эвери пообещает ему хорошие комиссионные, то он честно устроит это дело. Эвери понравилось сие предложение, ибо он не видел другого способа уладить свои дела, поскольку не мог сам встречаться с купцами. Таким образом, приятель его отправился в Бристоль и объяснил купцам суть дела. Те же, в свою очередь, отправились в Биддифорд, где встретились с Эвери, и после заверений в честности и чистоте их намерений он передал им свои сокровища, состоявшие из бриллиантов и нескольких золотых сосудов. После того они дали ему немного денег на текущие расходы и на том распрощались.

Эвери изменил имя и остался жить в Биддифорде, стараясь не выделяться, дабы не привлекать к себе внимания. Он дал знать о своем местопребывании одному или двум родственникам, которые приезжали его навестить. Через некоторое время он потратил данную ему толику денег, однако от купцов ничего не было слышно. Он забросал их письмами, и после многих настойчивых напоминаний они выслали ему небольшую сумму денег, которая, однако, не могла даже покрыть его расходы. В общем, те деньги, которые они время от времени высылали, были столь ничтожны, что их ему не хватало даже на хлеб, да и ту малость не удавалось выбить без великих хлопот и назойливых напоминаний, вследствие чего, измученный таковым существованием, он тайно отправился в Бристоль, чтобы лично переговорить с купцами; но вместо денег он получил ошеломляющий отказ, ибо, когда он попросил их рассчитаться с ним, они быстро заткнули ему рот, пригрозив разоблачением. Воистину, купцы сии были такими же пиратами на суше, каким он сам был на море!

Испугался ли Эвери этих угроз, или заподозрил, что кто-нибудь в Бристоле может узнать его, нам неведомо. Однако он немедля направился в Ирландию, и уже оттуда весьма настойчиво требовал с купцов своих денег. Однако требования сии остались без ответа, и постепенно он опустился до нищеты. Доведенный до крайности, он решился вернуться и бросить купцам вызов – а там будь что будет. Он сел на торговое судно, на коем добрался до Плимута, а оттуда пешком направился в Биддифорд; но через несколько дней по прибытии заболел и умер. Денег, что при нем оказались, не хватило даже на гроб.

Итак, я рассказал вам все, что мог собрать достоверного относительно этого человека, отбросив пустые слухи, которые наделяли его фантастическим могуществом. На самом деле его деяния были гораздо менее значительны, чем у других пиратов, ему подобных, хотя имя его и наделало в мире гораздо больше шума.

Теперь вновь вернемся к тем двум шлюпам, которые Эвери покинул у Мадагаскара, и расскажем читателю о том, что с ними сталось.

Мы уже говорили о ярости и панике, охватившей команды шлюпов, когда они увидели, что Эвери скрылся. Тем не менее, они продолжали идти прежним курсом, ибо некоторые из них все еще надеялись, что он просто потерял их в ночи и что они обнаружат его в условленном

месте. Но когда они прибыли туда и так и не дождались о нем никаких известий, их надежды растаяли. Пришло время решать, что делать дальше, ибо запасы провизии были у них на исходе; и хотя на берегу было много риса и дичи, а в реках много рыбы, все это недолго сохранялось бы на борту корабля, не будучи предварительно просоленным, изготовить же подходящую соль у них не было возможности. Посему они не могли продолжать плавание и подумывали о том, чтобы остаться на острове, с каковою целью разгрузили свои шлюпы, соорудили из парусов палатки и разбили лагерь, при том, что у них доставало амуниции и имелось большое количество ручного оружия.

На острове их ждала встреча с земляками – экипажем приватирского шлюпа, коим командовал капитан Томас Тью[28]. Дабы объяснить, как они туда попали, нам придется сделать небольшое отступление.

Капитан Джордж Дью и капитан Томас Тью, по распоряжению тогдашнего губернатора Бермудских островов, направились к устью реки Гамбия, в Африку. Там, воспользовавшись советами и помощью агентов Королевской Африканской Компании[29], им надлежало попытаться захватить французскую факторию[30] в Гури, расположенную на побережье. Через несколько дней после отплытия во время жестокого шторма на корабле капитана Дью сломалась мачта; сверх того, он потерял из виду корабль сопровождения. Таким образом, Дью пришлось повернуть обратно, дабы произвести ремонт; Тью же, вместо того, чтобы продолжать плавание, повернул к мысу Доброй Надежды и, обогнув означенный мыс, взял курс на Баб-эль-Мандебский пролив, по коему лежит путь в Красное море. Здесь он повстречал большой корабль с богатым грузом, направлявшийся из Индии в Аравию, с тремя сотнями солдат на борту, не считая моряков. Тем не менее, Тью постарался взять его на абордаж, в чем вскоре преуспел; и, как говорят, его людям досталось с того приза около трех тысяч фунтов на каждого[31]. От пленных с того судна они узнали, что еще пять кораблей с богатым грузом вскоре проследуют тем же путем, каковые суда Тью собрался атаковать, хотя те были весьма хорошо вооружены, и, несомненно, сделал бы это, если бы старшина-рулевой, и прочие с ним, не отстранили его от власти.[– –]Сии разногласия посеяли вражду среди команды, так что они решили покончить с пиратством и отправиться на Мадагаскар, который сочли наиболее подходящим для себя местом. Там они хотели остаться и наслаждаться тем, что уже имеют.

Что до самого капитана Тью, он с несколькими своими сторонниками направился на Род-Айленд, где и обрел покой[32].Таковы были те люди, которых наши пираты повстречали на острове.

Должно заметить, что туземцы Мадагаскара относятся к неграм и отличаются от негров Гвинеи длинными волосами, а кожа у них не столь черна и не блестит подобно гагату[33]. У них бесчисленное множество князьков, которые постоянно воюют между собой. Пленников они обращают в рабство, а затем или продают их, или предают смерти – как им захочется. Когда пираты впервые поселились среди туземцев, сии князьки всячески обхаживали их сообщество, склоняя вступать в союзы то с одним, то с другим из них, но чью бы сторону они ни принимали, они всегда были уверены в победе, ибо у негров не было огнестрельного оружия, да никто из них и не знал, как им пользоваться. В конце концов, сии пираты стали внушать неграм такой ужас, что достаточно было двоим или троим из них только показаться на стороне тех, перед кем они приняли обязательства, как противная сторона в страхе бежала, даже не пытаясь вступить в бой.

Этим они не только запугали туземцев, но и приобрели над ними власть. Всех военнопленных они обращали в своих рабов, брали в жены самых красивых негритянок, причем не одну и не двух, а столько, сколько им хотелось, так что каждый из них владел таким же большим сералем[34], как и владыка Константинополя. Их рабы трудились на рисовых плантациях, ловили рыбу и выполняли прочие работы. Кроме того, в услужении у них находилось множество туземцев, кои прибегли к их покровительству, дабы обезопасить себя от треволнений или нападения со стороны воинственных соседей. Этим они снискали себе

большое уважение. Теперь они жили отдельно друг от друга, каждый со своими женами, рабами и служителями, словно удельные князья; но поскольку власть и достаток часто становятся причиною раздора, они временами ссорились между собою и нападали друг на друга, каждый во главе своей собственной армии; и в тех междоусобных войнах многие из них были убиты. Но случилось событие, которое вновь побудило их объединиться ради общей безопасности.

Должно заметить, что сии внезапно достигшие величия люди пользовались своей властью как тираны, ибо опустились в своей жестокости до полнейшего зверства, и не было для них ничего более обыденного, чем за малейшую провинность отправить одного из своих подданных на виселицу или выстрелить ему в сердце. Каков бы ни был проступок, незначителен или тяжек, карою всегда бывала смерть; вот почему негры втайне и сообща решили избавиться от сих истребителей, ото всех в одну ночь. А поскольку те ныне жили отдельно друг от друга, это можно было бы легко сделать, если бы не одна женщина – то ли жена, то ли любовница одного из них, которая за три часа преодолела около двадцати миль, дабы предупредить их об опасности. Немедля поднявшись по тревоге, они собрались вместе так быстро, как только могли, так что, когда негры приблизились, то нашли их в полной боевой готовности, по каковой причине отступили, даже не попытавшись напасть.

После того случая пираты стали вести себя очень осторожно, и было бы не лишним описать политику, которую повели эти неотесанные парни, и рассмотреть, какие меры они приняли, дабы себя обезопасить.

Они обнаружили, что ужас, который внушали своим могуществом, не мог уберечь их от неожиданностей, и даже храбрейшие из них могли быть убиты во сне тем, кто многажды уступал им в силе и смелости. Потому в качестве первейшей меры безопасности они сделали все возможное, дабы разжечь войну между соседствующими негритянскими племенами, сами же они соблюдали нейтралитет, по каковой причине те, кто терпел поражение, непременно вынуждены были прибегнуть к их защите, ибо в противном случае им суждено было либо быть убитыми, либо превратиться в рабов. Таким способом они усилили свои позиции и привязали часть туземцев к себе личною заинтересованностью. Когда же войны не было, они побуждали тех к стычкам между собою, раздувая любую размолвку и каждый спор или взаимное непонимание, побуждая к отмщению то одну, то другую сторону; советовали им, как напасть на своего противника или застать его врасплох, и даже давали на время заряженные пистоли и мушкеты[35] для расправы с ним. В результате чего убийца, спасая свою жизнь, бежал к ним же за защитою вместе со всеми своими женами, детьми и родичами.

Таким вот образом они находили преданных друзей, самая жизнь которых целиком зависела от безопасности их покровителей, ибо, как мы уже говорили, пираты сии наводили такой ужас, что никто из соседей не решился бы напасть на них в открытом бою.

Благодаря таковой изворотливости пираты сумели за несколько лет сильно увеличить свою армию, а затем они вновь стали жить по отдельности и ради удобства поселились в большом удалении друг от друга, ибо каждый из них владел теперь обширными землями. Они разделились на общины, подобно евреям, и каждый содержал при себе своих жен и детей (из коих к тому времени образовались уже большие семьи), а также свою долю вассалов и приспешников. И если отличительные особенности властителей суть сила и власть, то сии головорезы обладали всеми признаками королевского величия; и более того, они были объяты неизбывным страхом, который всегда снедает тиранов, о чем свидетельствуют крайние меры предосторожности, которые они предприняли, укрепляя свои обиталища.

В устройстве сих укреплений жилища их были весьма похожи одно на другое и скорее напоминали крепости, нежели дома. Они выбирали для жилья место, окруженное непроходимым лесом и расположенное рядом с водою, возводили вкруг него крепостной вал или насыпь, столь отвесную и высокую, что на нее невозможно было взобраться – по крайней мере, не пользуясь штурмовыми лестницами. К сей насыпи через чащу вела одна-единственная

тропинка. Жилище, которое одновременно было и военным лагерем, строили в той части леса, кою сочтет пригодною обитающий здесь князек, но всегда было столь надежно укрыто от взоров, что его невозможно было заметить, не подойдя вплотную. Однако главнейшую хитрость таила в себе тропинка, ведущая ко входу, столь узкая, что два человека не смогли бы пройти по ней рядом друг с другом, и устроенная столь замысловато, что являла собою настоящий лабиринт, или морок, петляя и кружа, временами пересекаясь сама с собою, так что человек, коему не слишком хорошо был известен путь, часами мог ходить по ней вокруг да около, но так и не найти жилища. Более того, вдоль тропы на всем ее протяжении высаживался некий вид терновника, вырастающего в той стране в настоящие деревья, увенчанные шипами; и поскольку тропа петляла и извивалась, незваный гость, который попытался бы подойти к дому ночью, непременно искололся бы о те шипы, даже будь у него в руках та путеводная нить, что Ариадна дала Тесею, дабы нашел он обратный путь из пещеры Минотавра[36].

Так жили сии тираны, наводя ужас на других и сами живя в постоянном страхе, в каковом положении их и обнаружил капитан Вудс Роджерс[37], когда прибыл на Мадагаскар на борту сорокапушечного корабля «Делисия» с намерением купить там рабов для продажи голландцам в Батавию или Новую Голландию. Случилось так, что он пристал к берегу в той части острова, где вот уже семь или восемь лет не видели ни одного корабля. Там он и встретил нескольких пиратов, которые к тому времени провели на острове более 25 лет и обзавелись многочисленным потомством, в коем появились уже не только дети, но и внуки. Их же самих к тому времени оставалось в живых 11 человек.

Завидев судно такой мощи и размеров, они сочли его за военный корабль, посланный, чтобы схватить их, и потому юркнули в свои убежища, но когда несколько матросов с того корабля сошли на берег и, не выказывая никаких признаков враждебности, предложили продать им негров, они осмелились выйти из своих нор, уже в сопровождении свиты, подобно владетельным особам; а поскольку они и в самом деле были королями de facto[38], что является разновидностью юридического права, именно так нам и следует их называть.

Можно вообразить, как износилась их одежда после столь многих лет пребывания на сем острове, так что их величества выглядели крайне потрепанными. Я даже не могу сказать, что они выглядели как оборванцы, ибо у них и лохмотьев-то не было, и наготу их прикрывали лишь звериные шкуры, которые даже не были выдублены; притом были они с непокрытыми головами, без башмаков и чулок, так что выглядели подобно изображениям Геркулеса в львиной шкуре[39], а поскольку они к тому же заросли бородами, а волосы у них свисали до плеч, они предстали перед матросами в самом первобытном виде, какой только способно создать человеческое воображение.

Однако вскорости они приобрели все необходимое, продавши множество тех несчастных, кои были в их власти, и получивши взамен одежды, ножи, порох и пули и многие другие вещи, и настолько вошли в доверие к команде, что явились на борт «Делисии», осматривая с большим интересом ее палубу и тщательно изучая изнутри, и весьма были любезны с командою, зазывая ее на берег. Как сами они потом признавались, все это делалось с тою мыслью, чтобы попытаться, если удастся, ночью захватить корабль врасплох, на что они с легкостью пошли бы, если бы корабль охранялся малыми силами, ибо у них доставало и людей, и лодок, но капитан, должно быть, догадался о том и выставил на палубе столь сильную стражу, что они сочли тщетным даже пытаться сие сделать. По каковой причине, когда несколько матросов сошли на берег, они стали соблазнять их и вовлекать в заговор, с тем, чтобы те, встав на ночную вахту, захватили капитана, а спящую команду заперли под палубой; сами же обещали по сигналу подняться на борт и присоединиться к ним. И предлагали в случае успеха сообща заняться морским разбоем, не сомневаясь, что на таком корабле смогут захватить все, что только повстречается им в море. Капитан, однако же, приметил все возрастающее дружество между ними и некоторыми из своих людей и решил, что сие не сулит ничего хорошего, по каковой причине вовремя положил тому конец, не дозволив им более

подолгу разговаривать друг с другом. И когда он послал на берег шлюпку с офицером[40], дабы обсудить условия покупки рабов, матросы оставались в шлюпке, и никому не было дозволено вступать в переговоры, кроме человека, специально отряженного им для этой цели.

Когда же он стал готовиться к отплытию, пираты обнаружили, что ничего не смогли поделать, и признались во всех кознях, кои строили против него. Таким образом, он покинул их такими, какими обнаружил, – обладающих всей полнотою низменной власти и грязного величия, хотя и с меньшим числом подданных, ибо, как мы видели, многие из них были проданы. Но поскольку честолюбие есть одна из дражайших страстей человеческих, они, без сомнения, были счастливы. Один из этих великих властителей некогда был лодочником на Темзе, где совершил убийство, после чего бежал в Вест-Индию и вошел там в число тех, кто угнал шлюпы. Все остальные были простыми матросами, и промеж них не было ни единого человека, который умел бы читать или писать, и даже их государственные секретари были не больше учены грамоте, чем они сами. Вот все, что мы можем сообщить о сих королях Мадагаскара, из коих часть, может статься, правит и по сей день.

Жизнь капитана Мартела

Теперь я перейду к пиратам, кои возникли после заключения Утрехтского мира[41]; в военное же время пиратству не нашлось места, ибо все те, кто питал склонность к приключениям, нанимались в приватиры, так что для существования пиратов просто не было возможностей; сие подобно тому, как наши лондонские шайки, набрав какую-то силу, нанимались на службу к властям и, сделав таковую карьеру, подавляли с той поры тех, кто оставался вором. Я полагаю, в приручении бандитов путем найма их в армию есть свой резон, ибо, будучи приведены в повиновение, они сразу же превращаются из пользующихся дурною славою возмутителей спокойствия в ревностных его охранителей. И если бы наши законники взяли некоторых пиратов под свое покровительство, это не только уменьшило бы их число, но и, мнится мне, позволило бы натравить их на оставшихся, и они были бы более всех прочих пригодны к тому, чтобы тех изобличить, в соответствии с пословицей: «Заставь вора ловить вора».

Дабы осуществить сие, не потребуется никаких расходов: для получения нужных результатов следует лишь дать каперам возможность брать на абордаж пиратские суда; ибо в том, что касается грабежа и наживы, имущество друзей им так же любо, как и добро врагов, однако же им не по нраву, раз уж довелось овладеть чужими вещами, пускать бедолаг по миру (как говорят креолы[42]) безо всякой выгоды для себя.

Множество людей и судов, нанятых таким образом в Вест-Индии во время войны, напротив, преумножило число пиратов в мирное время. В том никоим образом не следует упрекать кого-либо из наших правительственных чиновников в Америке, ни, тем более, самого короля, чьим именем жаловались сии лицензии[43], ибо таковые действия были благоразумны и совершенно необходимы; помимо того, следует принять в рассуждение тех многочисленных бездельников, нанявшихся в приватиры ради грабежа и богатств (каковые богатства всегда проматывали столь же быстро, сколь и получали), которые по завершении войны не могли долее заниматься тем делом и вести тот образ жизни, к коим привыкли, и с тою же готовностью принялись за пиратство, каковое занятие, в сущности, есть то же самое, только без лицензии, а потому они делали весьма малое различие между законностью одного и незаконностью другого.

Я не столь подробно расспрашивал о Мартеле, чтобы выяснить, откуда взялся сей морской разбойник; полагаю, что в минувшую войну он и его шайка были приватирами, приписанными к острову Ямайка[44]. История его довольно коротка, как и период владычества; конец его похождениям наступил в самом расцвете его силы и могущества. Мы обнаруживаем его в сентябре 1716 года капитаном восьмипушечного пиратского шлюпа с командою в 80 человек, крейсирующего меж Ямайкой, Кубой и другими островами. Примерно в это время он захватил галеру «Беркли» капитана Сондерса и ограбил ее на 1 000 фунтов в звонкой монете, а вслед

за тем встретил шлюп под названием «Царь Соломон», с коего взял деньги и провизию, а сверх того товары на большую сумму.

После того они проследовали в порт Кавена[45] на острове Куба, и по пути захватили два шлюпа, которые ограбили и затем отпустили; и на подходе к порту натолкнулись на прекрасную галеру о 20 пушках, называемую «Джон и Марта», под командованием Вильсона, каковую галеру они атаковали, подняв черный пиратский флаг, и присвоили. Часть команды они высадили на берег, а остальных оставили у себя, как делали уже несколько раз, дабы пополнить свои ряды; тем не менее, капитан Мартел поручил капитану Вильсону уведомить своих хозяев, что их судно в точности соответствовало бы своему предназначению, если бы одну из его палуб разобрали[46], а что до груза, состоявшего главным образом из кампешевого дерева[47] и сахара, то он позаботится о том, чтобы тот был доставлен на приличный рынок.

Оснастив захваченный корабль так, как им было потребно, они вооружили его 22 пушками и установили численность его команды в 100 человек, оставив на шлюпе 25 пар рук, и так продолжали свой рейд, держа по правому борту Подветренные острова[48], в коем ждала их еще большая удача. Захвативши шлюп и бригантину, они погнались за лакомым кораблем, который попался им на пути; завидев пиратский флаг, сей 20-пушечный корабль под названием «Дельфин», направлявшийся к Ньюфаундленду, покорился грабителям. Капитан Мартел взял его команду в плен, а корабль забрал себе.

В середине декабря пираты захватили другую галеру, плывшую домой с Ямайки (название ее было «Кент», капитан Лоутон), и, перегрузив с нее всю провизию к себе на борт, отпустили, каковое обстоятельство вынудило ее повернуть обратно к Ямайке за новыми припасами для плавания. После того им попались маленькое суденышко и шлюп, принадлежащие Барбадосу, и с обоих они взяли продовольствие, а затем расстались с ними, прежде приняв на борт нескольких моряков, кои выразили желание присоединиться к ним. Следующим судном, имевшим несчастье попасться им на пути, была галера из Лондона «Грейхаунд» капитана Эванса, следовавшая из Гвинеи на Ямайку, которую они задержали ровно настолько, сколько потребовалось, чтобы перетащить с нее весь золотой песок, слоновую кость и 40 рабов, после чего предоставили ей следовать далее своею дорогою.

Тут они заключили, что сейчас самое время укрыться в какой-нибудь бухте, подлатать судно, отдохнуть самим и выждать удобного случая сбыть свой груз; по каковой причине они сочли за лучшее взять курс на Санта-Крус – островок, лежащий на 18°30.

Когда же все они собрались в бухте, то первым делом постарались охранить себя наилучшим возможным образом; они устроили на островке батарею о четырех пушках, и другую батарею, о двух пушках, на северной оконечности рейда, и верповали один из шлюпов, о восьми пушках, обратно в устье пролива, дабы препятствовать любому кораблю войти внутрь. Когда же сие было устроено, они принялись за работу на своих судах, расснащивая, разоружая и разгружая их, как это принято при чистке[49] и починке, за каковым занятием я и оставлю их ненадолго, пока не приведу к ним другую компанию.

В месяце ноябре 1716 года генерал Гамильтон, командующий флотом всех карибских Подветренных островов, отправил курьерский шлюп на Барбадос к капитану Хьюму, командиру корабля Его Величества «Скарборо», имевшего на борту тридцать пушек и сто сорок человек, дабы известить того, что два пиратских шлюпа, о 12 пушках каждый, досаждают колониям и уже ограбили несколько судов. «Скарборо» же потерял умершими двадцать человек, и около сорока болели, по каковой причине не в состоянии был выйти в море. Капитан Хьюм, однако же, оставил своих больных на берегу и отплыл к другим островам, дабы пополнить команду, взявши двадцать солдат на Антигуа; с Невиса он взял десятерых, и 10 с Сент-Кристофера, а затем направился к острову Ангуилья, где узнал, что незадолго до того два похожих шлюпа видели в порту Спэниш-тауна, как еще называют один из Виргинских островов. Согласно тому известию, на следующий день «Скарборо» пошел к Спэниш-тауну, но не услышал о шлюпах

ничего нового – только лишь, что они останавливались тут примерно под Рождество (а было тогда уже 15-е января)[50].

Капитан Хьюм, не находя, как бы он мог свести счеты с теми пиратами, помышлял назавтра вернуться на Барбадос; но случилось так, что ночью здесь встало на якорь суденышко с Санта-Круса, и прибывшие ему сообщили, что видели пиратский корабль о двадцати двух или двадцати четырех пушках, в сопровождении других судов, направляющийся к северо-западной оконечности вышеупомянутого острова. На «Скарборо» немедля оценили сказанное, и на следующее утро он появился в виду грабителей и их призов и встал там в боевой готовности, однако лоцман отказался рисковать кораблем; пираты же все время обстреливали их с берега раскаленными ядрами. Наконец корабль бросил якорь с наружной стороны рифов, у входа в пролив, и в течение нескольких часов обстреливал суда и батареи. Около четырех часов пополудни шлюп, охранявший пролив, был потоплен выстрелом с военного корабля; после чего тот стал обстреливать двадцатидвухпушечный пиратский корабль, укрывшийся за островком. На следующую ночь, viz.[51] 18-го, настало затишье; капитан Хьюм взвешивал положение. Опасаясь напороться на риф, он еще день-другой стоял в отдалении от берега, блокировав пиратам выход. Вечером двадцатого, увидев, что военный корабль стоит далеко в море, они решили воспользоваться случаем и попытаться выкрутиться, полагая, что смогут улизнуть с острова; но в двенадцать часов они сели на мель, а затем, увидавши, что «Скарборо» вновь стоит невдалеке и положение их сделалось безнадежным, они ударились в полнейшую панику. Они покинули свой корабль и предали его огню, оставив на борту 20 негров, которые все сгорели заживо; 19 пиратов сумели бежать на маленьком шлюпе, однако капитан и все остальные, включая 20 уцелевших негров, удрали в лес, где, должно быть, умерли с голоду, ибо мы ничего не слыхали о том, что потом с ними сталось[52]. Капитан Хьюм выпустил на свободу всех захваченных пиратами пленников, передав им уцелевшие корабль и шлюп, а после того отправился на поиски двух пиратских шлюпов, о коих упомянуто было вначале.

Жизнь капитана Тича

Эдвард Тич по рождению был бристольцем[53], а в конце французской войны[54] какое-то время ходил близ Ямайки приватиром; и хотя он часто отличался своею храбростью и личным мужеством, он все же так и не смог подняться до какой-либо командирской должности, пока не отправился пиратствовать, что, как я полагаю, случилось в самом конце 1716 года, когда капитан Бенджамин Хорниголд[55] передал ему шлюп, захваченный им в качестве приза, с коим Хорниголдом он продолжал плавать в напарниках почти до того времени, как тот сдался.

Весной 1717 года Тич и Хорниголд отправились с Провиденса к американскому побережью и захватили на том пути биллоп из Гаваны со ста двадцатью баррелями муки, а также шлюп с Бермудских островов шкипера Тербара, с коего они взяли только несколько галлонов вина, а потом отпустили; и корабль, шедший из Мадеры в Южную Каролину, с которого взяли добычи на значительную сумму.

Почистившись на побережье Виргинии, они вернулись в Вест-Индию и на широте 24° взяли в качестве приза большой французский гвинеец, направлявшийся к Мартинике, на который, по согласию Хорниголда, Тич взошел капитаном и на нем продолжал плавание; Хорниголд вернулся со своим шлюпом на Провиденс, где по прибытии капитана Роджерса, губернатора, сдался тому на милость, в соответствии с королевским указом.

На борту того гвинейца Тич установил 40 пушек и нарек его «Месть королевы Анны»; и, курсируя подле острова Сент-Винсент, взял большой корабль, называвшийся «Великий Аллен», коммандера Кристофера Тейлора; пираты разграбили с него все, что сочли пригодным, высадили всю команду на берег вышеупомянутого острова, а затем предали корабль огню.

Несколько дней спустя Тич столкнулся с 30-пушечным военным кораблем «Скарборо»[56], и тот несколько часов бился с ним, но, обнаружив, что у пирата довольно людей, и испытав

свою силу, прекратил бой и вернулся на Барбадос, место своего пребывания; Тич же пошел к Испанской Америке.

Следуя тем курсом, он повстречал пиратский шлюп о десяти пушках под командою некоего майора Боннета, бывшего прежде джентльменом с хорошею репутацией и положением на острове Барбадос, и присоединился к нему; но спустя несколько дней Тич, видя, что Боннет ничего не знает о морской жизни, с согласия его людей назначил на шлюп Боннета другого капитана, некоего Ричардса, майора же взял на борт своего корабля, сказав ему, что поскольку тот не привык к трудностям и заботам такового поста, для него было бы лучше отказаться от оного поста и жить спокойно и в свое удовольствие на таком корабле, как этот, где он не будет вынужден исполнять обязанности, но сможет следовать своим склонностям.

На Тюрнефе, не доходя десяти лиг до Гондурасского залива, пираты набрали свежей воды; и пока они стояли там на якоре, увидели, как подходит шлюп, после чего Ричардс на своем шлюпе, называемом «Месть», вытравил якорный канат и вышел тому навстречу; тот же, увидав, что поднят черный флаг, спустил паруса и бросил якорь под кормою коммодора Тича. То было «Приключение» с Ямайки шкипера Дэвида Хэрриота. Они взяли его и его людей на борт большого корабля и послали нескольких матросов и Израэля Хэндса[57], – штурмана корабля Тича, дабы укомплектовать шлюп командою для пиратских целей.

Простояв у Тюрнефа около недели, 9 апреля они снялись с якоря и направились в залив, где нашли корабль и четыре шлюпа, из каковых три принадлежали Джонатану Бернарду с Ямайки, а капитаном четвертого был Джемс; корабль же был из Бостона и назывался «Протестант-Кесарь»[58], капитан – коммандер Уайар. Тич поднял черный флаг и выпалил из пушек, после чего капитан Уайар со всеми своими людьми покинул корабль и направился к берегу в шлюпке. Старшина-рулевой Тича и восемь человек из его команды овладели кораблем Уайара, а Ричардс захватил все шлюпы, один из коих они сожгли назло его капитану; «Протестанта-Кесаря» также сожгли, предварительно разграбив, ибо он принадлежал Бостону, где повесили за пиратство нескольких человек; а три шлюпа, принадлежавших Бернарду, они отпустили.

После того разбойники пошли к Теркилу, а затем к Гранд Кайману, небольшому острову лигах в тридцати к западу от Ямайки, где они взяли небольшое суденышко охотников за черепахами, и затем к Гаване, и оттуда к Багамским Крушениям[59], а от Багамских Крушений они, захвативши по пути бригантину и два шлюпа, пошли в Каролину[60], где пять или шесть дней стояли подле песчаной отмели у Чарлзтауна[61]. Здесь они взяли корабль, под командою Роберта Кларка, когда тот выходил из гавани, направляясь в Лондон, на борту коего было несколько пассажиров, плывших в Англию; на другой день взяли еще одно судно, выходившее из Чарлзтауна, и два пинка, шедших в Чарлзтаун; а также бригантину с четырнадцатью неграми на борту; и поскольку все сие происходило на виду у города, вся провинция Каролина охвачена была великим ужасом, ибо совсем недавно их посетил Вейн, другой печально известный пират, так что они впали в отчаяние, будучи не в состоянии противостоять их силе. В гавани было восемь парусников, готовых выйти в море, но ни один на то не осмелился, ибо почти невозможно было ускользнуть из их рук. Суда, направлявшиеся в гавань, находились пред тою же незавидною дилеммою, так что торговля в тех местах была полностью прервана. Что делало сии несчастья еще тяжелей для них, так это долгая и разорительная война, которую колония вела с туземцами, каковая только успела закончиться, когда те разбойники на них напали.

Тич задержал у себя все корабли и пленников и, поскольку у него не хватало лекарств[62], решает потребовать ящик лекарств у правительства провинции; посему Ричардс, капитан шлюпа «Месть», и с ним еще двое или трое пиратов, посланы были на берег вместе с мистером Марксом, одним из пленников, коего они захватили на корабле Кларка, и весьма дерзко объявили свои требования, угрожая, что если им немедленно не пошлют ящика с лекарствами

и не дадут пиратам-посланным вернуться, не учинивши над ними насилия, то они перебьют всех пленников, пошлют их головы губернатору, а захваченные корабли подожгут.

Пока мистер Маркс обращался в Совет, Ричардс и остальные пираты открыто гуляли по улицам на виду у всех жителей, кои горели крайним негодованием, почитая их разбойниками и убийцами, повинными в их, горожан, несчастьях и притеснениях, но не осмеливались на что-либо большее, нежели думать об осуществлении своей мести, из боязни навлечь на себя еще большие бедствия, и потому они вынуждены были дать злодеям уйти безнаказанными. Правительство недолго обдумывало послание, хотя оно было наибольшим из оскорблений, какое только можно было им нанести; однако ради сохранения жизни стольких людей (и среди них мистера Сэмуэля Рэгга, одного из членов Совета[63]) они уступили необходимости и послали на борт аптечный ящик, ценою от трех до четырех сотен фунтов, и пираты невредимыми вернулись на свои корабли.

Черная Борода (ибо так обычно называли Тича, как вы увидите далее), лишь только получил лекарства и тех негодяев, своих собратьев по ремеслу, отпустил корабли и пленников, прежде взяв с них золотом и серебром около 1 500 фунтов стерлингов, не считая провизии и прочего.

От мели Чарлзтауна они направились к Северной Каролине; капитан Тич – на корабле, который они называли военным, капитан Ричардс и капитан Хэндс – на шлюпах, кои они именовали приватирами, и еще один шлюп, служивший им вспомогательным судном. Тич начинал уже подумывать о том, чтобы распустить команду, придержав деньги и лучшее из имущества для себя и нескольких своих сотоварищей, с коими был особенно дружен, и обмануть остальных. Посему под видом того, что заходит в бухту Топсель, чтобы почиститься, он посадил на мель свой корабль, а после того, будто бы непредумышленно и по случайности, приказал шлюпу Хэндса прийти на помощь и снять его, и тот, пытаясь это сделать, посадил шлюп на отмель рядом со вторым, и так потеряны были оба. Когда сие случилось, Тич взошел на вспомогательный шлюп с сорока матросами и оставил там «Месть»; затем взял семнадцать других и высадил их на песчаном островке, приблизительно в лиге от материка, где не было ни птицы, ни зверя, ни растения, дабы прокормиться, и где они погибли бы, если бы через два дня майор Боннет не снял их.

Тич, а с ним около двух десятков его людей, явился к губернатору Северной Каролины и сдался по указу Его Величества, и все они получили о том свидетельства от его превосходительства; но оказалось, что принятие ими той милости проистекало не из исправления их нравов, а лишь того ради, чтобы дождаться благоприятной возможности и начать ту же игру с начала; что он вскоре после того и проделал, с большею безопасностью для себя и с гораздо лучшими шансами на успех, ибо к тому моменту добился весьма хорошего взаимопонимания с Чарлзом Иденом, эсквайром, вышеупомянутым губернатором.

Первою услугой, каковую сей добрый губернатор оказал Черной Бороде, было утверждение его в правах на судно, которое он захватил, пиратствуя на большом корабле под названием «Месть королевы Анны»; с тою целью в Бастауне созван был суд Вице-Адмиралтейства; и хотя Тич никогда в жизни не имел никакой лицензии[64], и шлюп принадлежал английским купцам и захвачен был в мирное время, все же оный шлюп объявлен был призом, взятым у испанцев означенным Тичем. Сие судебное разбирательство показало, что губернаторы всего лишь люди.

Прежде, чем поплыть навстречу приключениям, он женился на юном создании лет шестнадцати от роду, а обряд бракосочетания проводил губернатор. Как здесь принято, чтобы сочетал браком священник, так там принято, чтобы сие делал мировой судья; и так Тич, как мне сообщили, получил четырнадцатую жену, при том, что из всех его жен около дюжины, видимо, были еще живы. Поведение его в этом отношении было просто невероятным, ибо, пока его шлюп стоял в бухте Окрекок, он сходил на берег на плантации, где жила его жена, и, проведя с нею всю ночь, после имел обыкновение приглашать пятерых или шестерых своих

неотесанных сотоварищей на берег и заставлял ее отдаваться им всем, одному за другим, у себя на глазах.

В июне 1718 года он вышел в очередной поход и взял курс на Бермуды; он встретил на своем пути два или три английских судна, но ограбил их только на провизию и иные припасы, необходимые ему для текущих нужд; но возле вышеупомянутого острова он столкнулся с двумя французскими кораблями, один из которых гружен был сахаром и какао, а другой – порожний, направлявшимися на Мартинику; корабль, на коем не было груза, он отпустил, посадив на него всех матросов с груженого корабля, другой же корабль вместе с грузом привел домой в Северную Каролину, где губернатор с пиратами поделили награбленное.

Когда Тич прибыл туда со своим призом, он и еще четверо из его команды пошли к его превосходительству и заявили под присягою, что нашли французский корабль в море, и на борту его не оказалось ни души; и затем созван был суд, и на корабль наложили арест. Губернатор в качестве своей доли получил шестьдесят хогсхедов[65] сахару, а некий мистер Найт, бывший его секретарем, и сборщик налогов провинции – двадцать, остальное же поделено было между пиратами.

Дело, однако, тем не закончилось: оставался корабль, и в реку[66] мог войти кто-нибудь, кому тот корабль мог быть известен, и таким образом раскрыть мошенничество; но Тич придумал средство сие предотвратить, ибо под тем предлогом, что корабль дал течь и может затонуть и тем самым закрыть вход в бухту, или затон, где он стоял, он, Тич, обзавелся приказом губернатора вывести корабль в реку и поджечь, что и было соответственно проделано, и корабль сгорел до поверхности воды, а днище его затонуло, и вместе с ним опасения, что оный корабль когда-нибудь всплывет на судебном разбирательстве, дабы свидетельствовать против них.

Капитан Тич, или Черная Борода, провел на реке три или четыре месяца, иногда становясь на якорь в затонах, другой раз плавая от одной бухты к другой, продавая награбленное встреченным шлюпам, и часто оделял их подарками за взятые у них припасы и продовольствие; таковое бывало, когда ему случалось быть в настроении давать подарки; в иные же времена он вел себя дерзко и брал все, что хотел, не говоря «с вашего позволения», хорошо зная, что они не осмелятся прислать ему счет. Он часто развлекался с плантаторами, сходя на берег, где кутил день и ночь. Плантаторы хорошо его принимали, но из приязни или из страха, сказать не могу; иногда он обходился с ними достаточно учтиво и преподносил в подарок ром и сахар, в возмещение того, что у них взял; но что касается вольностей, кои (как говорят) он и его спутники частенько позволяли себе в отношении жен и дочерей сих плантаторов, я не могу взять на себя смелость сказать, платил ли он им ad valorem[67] или нет. Порою он вел себя с ними как лорд и господин и облагал некоторых из них налогом; и более того, он дошел до того, что уже задирал губернатора, и как я мог выяснить, не потому, что у них была хотя бы малая причина для ссоры, но, казалось, он делал сие лишь для того, чтобы показать, что осмеливается сие делать.

Шкиперы шлюпов, ведущих торговлю вверх и вниз по реке и столь часто подвергавшихся нападениям Черной Бороды, стали держать совет с торговцами и самыми надежными из плантаторов, дабы решиться что-то предпринять; они ясно видели, что тщетно обращались бы с какими бы то ни было просьбами к губернатору Северной Каролины, коему, по справедливости, и подобало исправить положение; и если им не поможет кто-нибудь другой, Черная Борода будет здесь безнаказанно владычествовать, потому со всею возможною секретностью они послали депутацию в Виргинию, дабы изложить дело губернатору той колонии и ходатайствовать пред ним о направлении со стоящих там военных кораблей вооруженных сил, дабы пленить или уничтожить того пирата.

Сей губернатор посовещался с капитанами двух военных кораблей, viz. «Жемчужины» и «Лайма», кои уже около десяти месяцев стояли на реке Св. Джемса. Согласились на том, что губернатор наймет пару небольших шлюпов, а военные корабли дадут для них людей; так и

было сделано, и командование ими было поручено мистеру Роберту Мейнарду, первому лейтенанту «Жемчужины», опытному офицеру и джентльмену большой храбрости и решительности, как мы убедимся по его доблестному поведению в сей экспедиции. На те шлюпы перевели доброе число людей и в достатке снабдили их боеприпасами и ручным оружием, однако пушки не установили.

Незадолго до их отбытия губернатор созвал Ассамблею, на коей решено было напечатать официальное объявление, обещавшее установленную награду любому лицу или лицам, кои в течение года после того возьмут в плен или уничтожат кого-либо из пиратов. Мы располагаем подлинным текстом того объявления, каковой гласит:

Вице-губернатора Его Величества и главнокомандующего колонии и доминиона Виргиния
ОБЪЯВЛЕНИЕ,
в коем обнародуется вознаграждение за поимку или умерщвление пиратов
Каковое принято Актом Ассамблеи на сессии Ассамблеи, начавшейся в столице Уильямсбурге[68] ноября одиннадцатого дня, в пятый год правления Его Величества, и озаглавлено: «Акт о поощрении поимки и уничтожения пиратов». Наряду с прочим, постановляется, что все и каждое лицо или лица, кои, начиная с ноября четырнадцатого дня года от Рождества Господа Нашего тысяча семьсот восемнадцатого и впредь до ноября четырнадцатого дня, который будет в году от Рождества Господа Нашего тысяча семьсот девятнадцатом, возьмут в плен любого пирата или пиратов, на море или на суше, или убьют любого такового пирата или пиратов при сопротивлении, между градусами тридцать четвертым и тридцать девятым северной широты и в пределах одной сотни лиг от побережья Виргинии, или в пределах провинций Виргиния или Северная Каролина, по убеждении, или представлении губернатору и Совету надлежащего доказательства умерщвления любого и каждого такового пирата или пиратов, будет наделен правом иметь и получить из общественных денег, находящихся в руках казначея сей колонии, нижеследующие награды, а именно: за Эдварда Тича, именуемого обычно капитан Тич или Черная Борода – сто фунтов, за каждого другого командира пиратского корабля, шлюпа или судна – сорок фунтов; за каждого лейтенанта, рулевого, или старшину-рулевого, боцмана или плотника – двадцать фунтов; за всякого иного офицера, низшего по рангу – пятнадцать фунтов, и за каждого рядового матроса, захваченного на борту такового корабля, шлюпа или судна, – десять фунтов; и что за каждого пирата, буде его захватит любой корабль, шлюп или судно, принадлежащие сей колонии или Северной Каролине, в вышеупомянутых пределах времени, в каком бы то ни было месте, будут выплачены такие же вознаграждения, соответственно количеству и рангу таковых пиратов. Посему для поощрения всех лиц, каковые пожелают послужить Его Величеству и своей стране в столь справедливом и почетном предприятии, как подавление такого рода людей, кои воистину могут быть названы врагами человечества, я счел подобающим, по рекомендации и согласию Совета Его Величества, выпустить сие Объявление, настоящим заявляя, что вышесказанные награды будут неукоснительно и честно выплачены в деньгах, имеющих хождение в Виргинии, соответственно указаниям вышесказанного Акта. И я приказываю и предписываю, дабы сие Объявление обнародовано было шерифами во всех общественных местах их округов, и всеми священниками и ридерами[69] в каждой церкви и часовне, по всей земле сей колонии.
Дано в палате нашего Совета в Уильямсбурге, ноября сего 24-го дня года 1718, в пятый год правления Его Величества.
БОЖЕ, ХРАНИ КОРОЛЯ

А. Спотсвуд

17 ноября 1718 года лейтенант отплыл из Кикветана, что на реке Джемс-ривер в Виргинии, и вечером 21-го пришел к устью бухты Окрекок, где увидел искомого пирата.

Экспедиция сия проводилась со всею мыслимой секретностью, и офицер соблюдал все необходимые предосторожности, останавливая все лодки и суда, кои попадались ему на реке, дабы те не поднимались по ней, тем самым не давая Черной Бороде возможности получить какие-либо сведения, и в то же время самому получать от всех сообщения о месте, где скрывался пират; но несмотря на сию предосторожность, Черная Борода уведомлен был о плане его превосходительством губернатором провинции; и его секретарь, мистер Найт, направил ему особое письмо, в коем ставил его в известность, что послал к нему четырех его людей, всех, кого смог встретить в городе и в округе, и потому заклинал его быть начеку. Сии люди принадлежали Черной Бороде и посланы были из Бастауна в залив Окрекок, где стоял шлюп, что составляет около двадцати лиг.

Черная Борода получил уже несколько сообщений, кои оказались неверны, и потому мало поверил этому, и не убедился в его достоверности, пока не увидел шлюпы, и лишь тогда приготовил судно к защите. У него на борту было всего только 25 человек, хотя всем судам, с коими говорил, он заявлял, будто у него 40. Когда же он подготовился к сражению, то сошел на берег и провел ночь, пьянствуя со шкипером торгового шлюпа, каковой, как считали, имел с Тичем больше дел, чем следовало бы.

Лейтенант Мейнард бросил якорь, ибо место было мелкое и пролив сложный, и тою ночью туда, где стоял Тич, войти было нельзя; но утром он снялся с якоря и послал шлюпку на разведку вперед шлюпов; и подойдя к пирату на пушечный выстрел, принял залп на себя; после чего Мейнард поднял королевский флаг и ринулся прямо на него, как только позволяли паруса и весла. Черная Борода обрезал якорь и попытался спастись бегством, продолжая беспрестанно палить из пушек по противнику; мистер Мейнард, за неимением таковых, вел непрерывный огонь из ручного оружия, тогда как часть его людей трудилась на веслах. Через малое время шлюп Тича наскочил на мель, а поскольку шлюп мистера Мейнарда имел осадку больше, чем у пирата, то не мог подойти вплотную; потому лейтенант встал на якорь в половине пушечного выстрела от противника и, дабы облегчить свое судно и иметь возможность пойти на абордаж, приказал выбросить за борт весь балласт и выбить днища у всех бочек с водою, и затем поднял якорь и двинулся к нему; после какового действия Черная Борода окликнул его в своей неучтивой манере:

– Черт тебя побери, кто ты такой? И откуда ты такой взялся?

Лейтенант ответствовал:

– Ты видишь по нашему флагу, что мы не пираты.

Черная Борода просил его явиться на шлюпке к себе на борт, дабы он мог взглянуть, кто он такой, но мистер Мейнард отвечал так:

– У меня нет лишних шлюпок, но я перейду к тебе на борт, как только смогу, с борта своего шлюпа.

Услыхав сие, Черная Борода взял стакан спиртного и выпил за него с таковыми словами:

– Проклятье на мою душу, если я пощажу тебя или приму от тебя пощаду.

В ответ на что мистер Мейнард сказал ему, что не ждет от него никакой пощады, и сам ему никакой пощады не дарует.

К тому времени шлюп Черной Бороды сошел с мели, а поскольку шлюпы мистера Мейнарда гребли к нему, пока он еще не успел подвсплыть ни на фут, каждый человек на них подвергался опасности, и когда они подошли вплотную (а до сего момента обе стороны получили весьма мало разрушений или даже вовсе никаких), пират дал бортовой залп, зарядив пушки всякого рода мелкою дробью. s сие был роковой удар! На шлюпе, на коем находился лейтенант, было убито и ранено двадцать человек, на другом же шлюпе – 9: с этим ничего нельзя было поделать, ибо ветра не было, и они принуждены были идти на веслах, иначе пират ушел бы от него, чему, по-видимому, лейтенант полон был решимости помешать.

После того несчастливого удара шлюп Черной Бороды наткнулся бортом на берег; второй шлюп мистера Мейнарда, называвшийся «Бродяга», отстал, будучи к тому времени выведен из строя; и лейтенант, обнаружив, что его шлюп далеко впереди и скоро будет борт к борту с Тичем, приказал, дабы все его люди спустились в трюм, ибо опасался еще одного бортового залпа, который означал бы их уничтожение и конец экспедиции. Мистер Мейнард был единственным, кто оставался на палубе, не считая человека у руля, коему он указал лечь на палубу, а матросам в трюме приказано было держать пистоли и сабли наготове для рукопашного боя и по его команде подниматься наверх; для каковой цели к люку приставлены были, ради пущей расторопности, две лестницы. Когда шлюп лейтенанта взял пирата на абордаж, люди капитана Тича метнули ему на палубу несколько гранат новомодного вида[70], viz. оплетенных бутылок с порохом и дробью, пулями и кусочками свинца или железа, с быстро горящим фитилем в горлышке, и если оный фитиль подожечь, не трогая бока бутылки, огонь быстро сбегает в бутылку к пороху, и, поскольку бутылку тут же бросают на палубу, сей снаряд обычно приносит большие разрушения, а кроме того, приводит всю команду в замешательство; но по доброй воле Провидения здесь они не произвели такого действия; люди укрыты были в трюме, и Черная Борода, видя, что на борту мало или совсем нет людей, сказал своим людям, что с ними всеми покончено, кроме 3 или 4; и потому, – сказал он, – давайте перепрыгнем к ним на борт и покрошим их на кусочки.

После чего, укрываясь за дымом одной из только что упомянутых бутылок, Черная Борода с 14 матросами взошел на нос шлюпа Мейнарда, и тот его не замечал, пока воздух не очистился; однако сразу после того он дал своим людям сигнал, и те в одно мгновение поднялись и атаковали пиратов со всею храбростью, с какою поступают в таких случаях. Черная Борода и лейтенант разрядили друг в друга по пистолю, отчего пират получил рану, и затем бились на саблях, пока сабля лейтенанта, к несчастью, не сломалась, так что он принужден был отступать, дабы взвести курок, но в тот миг, когда Черная Борода ударял его абордажною саблею, один из людей Мейнарда нанес ему страшную рану в шею и горло, потому лейтенант отделался лишь небольшим порезом на пальцах.

Теперь они сошлись вплотную и бились не на жизнь, а на смерть – лейтенант с двенадцатью матросами против Черной Бороды с четырнадцатью, – пока море вокруг судна не окрасилось кровью; Черная Борода был ранен в туловище из пистоля лейтенанта Мейнарда, и все же не отступал и сражался с великою яростью, пока не получил 20 и еще пять ран, и 5 из них огнестрельные. Наконец, уже выстреливши из нескольких пистолей и взводя еще один, он упал замертво; к тому времени умерло еще 8 из 14, а все остальные, многажды раненные, попрыгали за борт и запросили пощады, каковая была им дарована, хотя это продлило их жизни всего на несколько дней. Подоспел шлюп «Бродяга» и с такою же храбростью атаковал людей, кои оставались на шлюпе Черной Бороды, пока и те не взмолились о пощаде.

Таков был конец этого отважного негодяя, который мог бы прослыть в мире героем, если бы занялся добрым делом; его уничтожение, каковое имело такие последствия для плантаторов, осуществилось единственно благодаря командованию лейтенанта Мейнарда и храбрости его и его людей, кои могли бы разбить его с гораздо меньшими потерями, будь у них судно с тяжелыми пушками; но они принуждены были использовать малые суда, ибо в бухты и углы, где тот скрывался, не могли пройти суда большей осадки; и нелегко было сему джентльмену добираться до него, по меньшей мере сотню раз посадив свое судно на мель за то время, пока он поднимался по реке, не говоря уже о других препятствиях, достаточных, чтобы без позора повернуть назад, для любого джентльмена, менее решительного и храброго, нежели этот лейтенант. Бортовой залп, который причинил так много бед, прежде чем пираты взяты были на абордаж, по всей вероятности, спас от уничтожения все остальное; ибо перед тем боем у Тича почти не было надежды на спасение, и потому он поставил в крюйт-камеру отчаянного парня, негра, коего он воспитал, с зажженным фитилем в руке, распорядившись взорвать корабль, когда он отдаст ему такое приказание, что должно было произойти, как

только лейтенант и его люди взойдут на палубу, и таким образом уничтожить своих победителей. И когда негр обнаружил, как обстоит дело у Черной Бороды, то два пленника, которые находились тогда в трюме шлюпа, с трудом смогли отговорить его от сего безрассудного действия.

Что кажется несколько странным, так это то, что некоторые из тех людей, что так храбро вели себя в сражении против Черной Бороды, впоследствии сами пошли пиратствовать, и 1 из них схвачен был вместе с Робертсом[71]; но мне неизвестно, чтобы кто-либо из них понес наказание, за исключением упомянутого, коего повесили; но сие есть отступление от темы.

Лейтенант приказал, чтобы голову Черной Бороды отделили от тела и подвесили на конце бушприта, и поплыл в Бастаун, дабы оказать помощь своим раненым.

Должно заметить, что, обыскивая пиратский шлюп, они обнаружили несколько писем и документов, кои раскрывали переписку губернатора Идена, секретаря и сборщика налогов, а также некоторых торговцев из Нью-Йорка с Черной Бородою. Похоже, он достаточно внимателен был к своим друзьям и уничтожил бы сии бумаги перед боем – дабы не дать им попасть в те руки, в коих таковое открытие не принесло бы пользы интересам или репутации сих славных джентльменов, – если бы не его твердое решение взорвать все сразу, когда обнаружится, что возможности спастись нет.

Прибыв в Бастаун, лейтенант позволил себе конфисковать со склада губернатора те самые 60 хогсхедов сахару, и у честнейшего мистера Найта двадцать; каковые, видимо, были их долею в добыче, взятой на французском корабле; мистер Найт недолго пережил сие постыдное разоблачение, ибо в ожидании, что его могут призвать к ответу за таковые милые пустячки, от страха занемог и через несколько дней умер.

После того, как раненые достаточно оправились, лейтенант отплыл назад в Виргинию, к военным кораблям на Джемс-ривер, с головою Черной Бороды, все еще висящей на конце бушприта, и 15 пленными, из коих тринадцать было повешено. На суде оказалось, что один из них, viz. Сэмюэл Одел, взят был с торгового шлюпа лишь в ночь перед сражением. Бедняге немного не повезло с первым причащением к новому ремеслу: после боя на нем обнаружилось не менее 70 ран, и несмотря на таковые он выжил и от всех них излечился. Вторым человеком, который избежал виселицы, был некий Израэль Хэндс, штурман на шлюпе Черной Бороды, на коем прежде был капитаном, пока «Месть королевы Анны» не погибла в бухте Топсель.

Случилось так, что вышеозначенный Хэндс не участвовал в сражении, но был схвачен после оного в Бастауне, поскольку за некоторое время до того Черная Борода искалечил его одною из своих дикарских шуточек, и произошло сие следующим образом. s Однажды ночью, пьянствуя в своей каюте с Хэндсом, лоцманом и еще одним матросом, Черная Борода безо всякого повода потихоньку вытащил пару малых пистолей и взвел под столом курки, матрос же, заметив сие, отказался от застолья и вышел на палубу, оставив Хэндса, лоцмана и капитана. Когда пистоли были готовы, Черная Борода задул свечу и, скрестивши руки, выпалил в своих собутыльников; у Хэндса, штурмана, оказалось прострелено колено, и он на всю жизнь остался хромым; второй пистоль дал осечку. s Когда же у Тича спросили, что сие означает, он ответил лишь, осыпая их проклятьями, что если бы он время от времени не убивал одного из них, они бы позабыли, кто он такой.

Когда Хэндса схватили, его судили и признали виновным, но когда его уже собирались казнить, в Виргинию прибыл корабль с указом, продлевающим срок амнистии Его Величества тем пиратам, кои сдадутся до истечения указанного там времени. Несмотря на уже вынесенный приговор, Хэндс просил о помиловании, каковое было ему даровано, и ныне живет в Лондоне, попрошайничая на кусок хлеба.

Теперь, когда мы немного рассказали о жизни и деяниях Тича, неплохо будет поведать и о его бороде, поскольку она немало способствовала его славе, столь ужасной в тех краях[72].

Плутарх и иные авторитетные историки отмечали, что кое-кто из великих римлян брал себе фамилии по неким необычным чертам своей внешности; таковым, к примеру, был Цицерон, чье имя происходит от отметины, или бороздки на носу[73]; так и наш герой, капитан Тич, принял прозвище Черная Борода согласно тому большому количеству волос, кои, как у страшного метеора, покрывали все его лицо и долго пугали Америку больше, чем любая виденная там комета[74].

Борода сия была черного цвета, и он отрастил ее до невероятной длины; что касается ширины, то она доходила ему до глаз; он обычно заплетал ее в косички, перевивая их лентами, на манер наших ветвистых париков[75], и накручивал сии косички себе на уши. Во время боя он цеплял через плечо на манер бандальеры[76] ружейный ремень, с коего свисали три пары пистолей в кобурах, и засовывал под края шляпы зажженные спички[77], и когда они с двух сторон освещали его лицо, глаза его казались воистину свирепыми и дикими, и все это, взятое вместе, придавало ему такой вид, что воображение людское не могло бы породить адской фурии, чей облик был бы более пугающим.

Если обличьем он походил на фурию, то причуды его и страсти были под стать тому облику; расскажем еще о двух или трех из его выходок, кои мы опустили в основной части его истории и из коих будет видно, до каких пределов порока способна снизойти человеческая натура, если не сдерживать ее страстей.

В сообществе пиратов на того, кто решается на самые большие злодейства, смотрят с некоторой завистью, как на человека необыкновенной доблести, и по таковой причине заслуживающего права быть в оном сообществе влиятельною фигурою, и если только у него есть храбрость, он, без сомнения, должен сделаться великим человеком. Герой наших писаний в полной мере обладал сими достоинствами, и некоторые из злодейских его проделок были столь экстравагантны, будто он старался заставить своих людей поверить, что он есть Дьявол во плоти; так, будучи однажды в море и слегка раскрасневшись от выпитого, он объявил: s

– А ну-ка, – сказал он, – давайте сотворим себе ад и посмотрим, сколь долго сможем мы его выносить!

Соответственно с тем он и еще двое или трое спустились в трюм и, задраив все люки, доверху наполнили несколько горшков серою и другими горючими веществами и подожгли, и так продолжалось, пока они почти не задохнулись, и тогда некоторые из тех людей подняли крик, требуя воздуха; в конце концов он открыл люки, немало довольный тем, что продержался дольше всех.

В ночь перед тем, как его убили, он уселся и пил до утра с некоторыми из своих людей и шкипером торгового судна, уже имея сведения о 2 шлюпах, идущих напасть на него, как о том уже говорилось; один из его людей спросил его, на случай, если с ним что-нибудь случится в сражении с шлюпами, знает ли его жена, где он закопал свои деньги[78]? Он отвечал, что ни одно живое существо, кроме него самого и дьявола, не знает, где они, и тот из них двоих, кто проживет дольше, возьмет все.

Те из его команды, кто был захвачен живьем, рассказывали историю, которая может показаться несколько невероятною; однако, мы полагаем, будет несправедливо опустить ее, ибо она получена из их собственных уст. Будто однажды в плавании они обнаружили, что на борту, помимо команды, есть еще один человек; его в течение нескольких дней видели среди прочих, иногда внизу, а иногда на палубе, и все же ни один человек на корабле не мог сказать, кто это был такой и откуда он взялся; и будто он исчез незадолго до того, как их большой корабль потерпел крушение, и кажется, они истово верили, что то был дьявол.

Можно бы подумать, что таковые вещи могут заставить их изменить свою жизнь, но, собравшись в таком множестве, негодяи лишь подстрекали и воодушевляли друг друга в своем злодействе, чему немало способствовал продолжительный курс пития; и в найденном журнале Черной Бороды было несколько записей следующего рода, внесенных его собственной рукою.

s Ну и денек, весь ром вышел. s наш экипаж слегка протрезвел. s Люди чертовски обеспокоены! s Канальи что-то замышляют; s все толкуют о том, чтобы разделиться. s Значит, мне следует поскорей искать приз; s Удачный день, захватил одного с большим количеством выпивки на борту, так что подогрелись всей командой, чертовски подогрелись, после чего дела снова пошли хорошо.

Так сии негодяи прожигали свои жизни с весьма сомнительным удовольствием или удовлетворением, владея тем, что силою взяли у других, и пребывая в уверенности, что в конце концов за это придется заплатить позорною смертью.

Вот имена пиратов, убитых в сражении.

Эдвард Тич, капитан.

Филип Мортон, канонир.

Гэррет Гиббенс, боцман.

Оуэн Робертс, плотник.

Томас Миллер, старшина-рулевой.

Джон Хаск,

Джозеф Кертис,

Джозеф Брукс (1),

Нат. Джексон.

Все остальные, исключая последних двух, были ранены и впоследствии повешены в Виргинии.

Джон Карнз,

Джозеф Брукс (2),

Джемс Блейк,

Джон Гиллз,

Томас Гейтс,

Джемс Уайт,

Ричард Стайлз,

Кесарь,

Джозеф Филипс,

Джемс Роббинс,

Джон Мартин,

Эдвард Солтер,

Стивен Дэниел,

Ричард Гринсэйл,

Израэль Хэндс, помилован.

Сэмюэл Одел, оправдан.

В пиратских шлюпах и в палатке на берегу подле того места, где стояли шлюпы, найдено было 25 хогсхедов сахара, 11 бочек и 145 мешков какао, бочонок индиго и кипа хлопка; что, вместе с тем, что изъято было у губернатора и секретаря, и тем, что выручено от продажи шлюпа, составило 2 500 фунтов стерлингов, помимо наград, выплаченных губернатором Виргинии в соответствии с объявлением; все сие разделено было между командами двух кораблей, «Лайма» и «Жемчужины», кои стояли на Джемс-ривер; храбрецы, что были их предводителями, взяли себе всего лишь обычную долю[79], наряду с простыми матросами, каковые деньги были выплачены им всем в течение трех месяцев.

Жизнь майора Боннета

Майор был джентльменом, пользовавшимся хорошей репутацией на острове Барбадос, где он владел крупным состоянием и пользовался всеми преимуществами гуманитарного образования. Исходя из его положения, он менее всех прочих людей должен бы поддаться искушению направить свою жизнь по такому курсу. На острове, где он жил, всем было весьма удивительно услышать о предприятии майора; и поскольку до того, как он пустился в открытые пиратские действия, его повсеместно ценили и уважали, те, кто был знаком с ним, впоследствии скорее жалели его, нежели осуждали, полагая, что каприз податься в пираты происходил от смятения ума, кое сделалось в нем очевидным еще до того порочного начинания; и на это, как поговаривали, повлияли некие затруднения, с которыми он столкнулся, обретя семейное положение[80]; как бы то ни было, майор плохо был подготовлен для сего предприятия, ничего не понимая в морских делах.

Тем не менее, он снарядил за свой счет шлюп о десяти пушках с командою из 70 матросов, и под покровом ночи отплыл с Барбадоса. Свой шлюп он назвал «Месть»; первое его плавание проходило недалеко от мысов Виргинии[81], где он захватил несколько кораблей и забрал у них провизию, одежду, деньги, амуницию и т. д., а именно: «Анну» капитана Монтгомери, из Глазго; «Тербет» с Барбадоса, который из-за его принадлежности, взяв себе основную часть груза, пираты предали огню; «Усилие» капитана Скота, из Бристоля, и «Юный» из Лейса. После того они пошли к Нью-Йорку и мористее восточной оконечности Лонг-Айленда[82] захватили шлюп, направлявшийся в Вест-Индию, после чего подошли к берегу и высадили несколько человек на остров Гарденер[83], но вели себя миролюбиво и купили провизии для команды, за каковую сполна заплатили и с тем отбыли обратно, без какой-либо докуки.

Некоторое время спустя, а именно в августе 1717 года, Боннет, курсируя вдоль отмелей Южной Каролины[84], захватил направлявшиеся туда шлюп и бригантину; шлюп шкипера Джозефа Палмера принадлежал Барбадосу и был гружен ромом, сахаром и неграми; а бригантина шкипера Томаса Портера шла из Новой Англии, и ее ограбили, а затем отпустили; но шлюп они захватили с собою и в одном из заливов Северной Каролины попытались его кренговать, а потом предали огню.

Очистив свой шлюп, они направились в море, но не могли решить, на какой курс ложиться; команда разделилась во мнениях, одни были за одно, другие за другое, так что, казалось, во всех их планах не было ничего, кроме неразберихи.

Майор был никудышным моряком, как уже было сказано выше, и потому во все время их предприятия принужден был соглашаться на многое, что ему навязывали, ибо ему недоставало опыта и знаний в морских вопросах; наконец случилось так, что он очутился в компании другого пирата, некоего Эдварда Тича (коего за примечательную безобразную черную бороду чаще прозывали Черною Бородою). Сей малый был хорошим моряком, но самым жестоким и закоренелым из злодеев, дерзким и отчаянным до последней степени, и не останавливался перед свершением самых гнусных злодеяний, кои только возможно измыслить; за каковые свойства он избран был главарем той гнусной шайки, и можно утверждать, что должность свою он занимал по заслугам, поскольку Черная Борода, как уже было отмечено, воистину превосходил злодейством всю компанию.

Команда Боннета присоединилась к нему в качестве напарника, сам же Боннет был низложен, несмотря на то, что шлюп был его собственный; он перешел на корабль Черной Бороды и более не вникал ни в какие пиратские дела, и оставался там, пока корабль не погиб в бухте Топсель, а некий Ричардс не был назначен капитаном на его место. Теперь майор видел свое безрассудство, но ничего не мог поделать, что повергало его в меланхолию; он размышлял над течением своей жизни и бывал полон смущения и стыда, когда думал о том, что содеял. Поведение его замечено было другими пиратами, кои оттого не стали относиться к нему с большею приязнью; и он часто объявлял кое-кому из них, что с радостью оставил бы такой образ жизни, ибо воистину устал от него; но ему будет стыдно вновь взглянуть в лицо любому англичанину; посему, если бы он сумел добраться до Испании или Португалии, где

можно затеряться, то провел бы остаток дней своих в одной из сих стран, а в противном случае ему придется продолжить плавать с ними до конца жизни.

Когда Черная Борода потерял в бухте Топсель свой корабль и сдался согласно королевской амнистии, Боннет вновь принял командование собственным своим шлюпом «Месть», тут же пошел в Бастаун в Северной Каролине, также сдался на милость короля и получил о том свидетельство. В это время разразилась война между Тройственным союзом и Испанией[85]; так майор Боннет получает для своего шлюпа открытый лист на плавание от Северной Каролины вплоть до острова Св. Томаса, имея намерение (во всяком случае, под таким предлогом) получить неограниченную лицензию на приватирские действия против испанцев. Когда Боннет вернулся обратно в бухту Топсель, то обнаружил, что Тич со своею шайкою ушли, и забрали все деньги, ручное оружие и ценное имущество с большого корабля, и высадили на небольшой песчаный островок в лиге с небольшим от материка семнадцать человек, без сомнения, с намерением уморить их, ибо там не было ни жителя, ни провизии, дабы прокормиться, ни лодки или материалов, дабы построить или соорудить какое-то подобие баркаса или судна, чтобы бежать из того Богом заброшенного места. Они пребывали там 2 ночи и один день, без средств к существованию и без малейшей надежды их добыть, не ожидая ничего иного, кроме долгой смерти; как вдруг, к невыразимому своему утешению, узрели скорое избавление, ибо майор Боннет, случайно прознав о таковом их прозябании от двух пиратов, кои избежали жестокости Тича и добрались до маленького нищего селения в дальнем конце гавани, послал шлюпку, чтобы убедиться в истинности сказанного, завидев каковую, те несчастные подали ей знак, и всех их перевезли на борт шлюпа Боннета.

Майор Боннет объявил всей компании, что намерен взять лицензию и выступить против испанцев, с каковою целью идет к острову Св. Томаса, посему, если кто пожелает идти с ним, того с радостью примут; на что они все согласились, но когда шлюп готовился к отплытию, бом-боут, доставивший на продажу матросам шлюпа яблоки и сидр, сообщил, что капитан Тич стоит в бухте Окрекок, имея всего лишь 18-20 человек команды. Боннет, питавший к тому смертельную ненависть из-за нескольких полученных от него оскорблений, немедля отправился преследовать Черную Бороду, но, как оказалось, слишком поздно, ибо он его упустил, и, проплававши там четыре дня и не узнав о нем ничего нового, они направились к Виргинии.

В месяце июле сии искатели приключений вышли за мысы[86] и, встретив пинк с запасом провизии, в коей у них тогда случилась нужда, взяли с него десять или двенадцать баррелей свинины и около четырех хандредвейтов хлеба; но поскольку они не желали, чтобы сие сочтено было пиратским действием, то отдали взамен восемь или десять бочонков риса и старый канат.

Два дня спустя они погнались за 60-тонным шлюпом и взяли его в 2 лигах мористее мыса Генри; и были столь счастливы, нашедши на нем в добавление к своему рациону крепкие напитки, что забрали с него 2 хогсхеда рома и столько черной патоки[87], – сколько, как они посчитали, им было необходимо, хотя у них не было наличных денег, чтобы все это купить. Какие гарантии они намеревались дать, я не могу сказать, но Боннет послал присмотреть за призовым шлюпом восемь человек, кои, возможно, не пожелав воспользоваться своею привычною свободой, при первой же возможности убежали на оном шлюпе, и Боннет (который теперь предпочитал, чтобы его звали капитан Томас) более их никогда не видел.

После того майор отбросил всю свою сдержанность, и хотя только что получил помилование Его Величества под именем Стида Боннета, вновь всерьез принялся за старое ремесло, именуясь отныне капитаном Томасом, и учинял откровенное пиратство, захватывая и грабя все суда, с коими встречался. Мористее мыса Генри он захватил два корабля из Виргинии, направлявшиеся в Глазго, на которых они поживились очень немногим, не считая одного хандредвейта табаку. На следующий день они захватили малый шлюп, направлявшийся из Виргинии на Бермуды, который снабдил их двадцатью баррелями свинины и каким-то

количеством бекона, а взамен они дали два барреля риса и хогсхед черной патоки; 2 человека с того шлюпа присоединились к ним по своей воле. Следующим они захватили еще один виргинский корабль, направлявшийся в Глазго, с коего они не получили ничего ценного, кроме нескольких гребней, булавок и иголок, а взамен дали баррель свинины и два барреля хлеба.

Из Виргинии они поплыли к Филадельфии и на 38° северной широты захватили шхуну, шедшую из Северной Каролины в Бостон, с коей взяли лишь две дюжины телячьих шкур, намереваясь сделать из них чехлы для своих пушек, да 2 матросов, и удерживали ее несколько дней. Все то было лишь мелкою дичью, и, казалось, они намеревались лишь пополнять запасы провизии на шлюпе, пока не прибудут к острову Св. Томаса, ибо до сего момента благожелательно обращались со всеми, кому не повезло попасться им в руки; но тем, что попались позже, пришлось не так хорошо, поскольку на широте 32°, неподалеку от реки Делавер, подле Филадельфии, они захватили два сноу, направлявшихся в Бристоль, с коих взяли деньги, а помимо того товаров на сумму, может быть, 150 фунтов; тогда же они захватили шестидесятитонный шлюп, шедший из Филадельфии на Барбадос, который, забрав с него часть груза, отпустили вместе со сноу.

Июля 29 дня в 6 или семи лигах от залива Делавер капитан Томас захватил 50-тонный шлюп, направлявшийся из Филадельфии на Барбадос, шкипера Томаса Рида, груженый провизией, каковой шлюп оставил себе и перевел на него четверых или пятерых из своих людей. В последний день июля они захватили еще один шлюп в 60 тонн под командованием Питера Мэнворинга, шедший с Антигуа в Филадельфию, каковой также оставили себе со всем грузом, состоявшим главным образом из рома, черной патоки, сахара, хлопка, индиго, и около 25 фунтов стерлингов, в деньгах все это составило 500 фунтов.

В последний день июля наши разбойники вместе с последними из захваченных судов покинули залив Делавер и направились к реке на мысе Фиар, где простояли слишком долго для того, чтобы остаться в безопасности, ибо пиратский шлюп, которому они дали новое имя «Король Джемс», дал сильную течь, так что они принуждены были оставаться там почти два месяца, дабы перевооружить и отремонтировать свое судно. На той реке они захватили ялик, который разобрали, дабы отремонтировать шлюп, и задерживались с продолжением плавания, как уже было сказано, пока Каролины[88] не достигло известие о пиратском шлюпе, каковой находится на кренговании в упомянутых краях вместе со своими призами.

Получив сии сведения, Совет Южной Каролины встревожился, опасаясь, как бы вскорости пираты не нанесли им еще одного визита; дабы предотвратить сие, полковник Уильям Рет, житель той провинции, явился к губернатору и великодушно вызвался пойти с 2 шлюпами и напасть на пиратов, что губернатор с готовностью принял и, соответственно, дал полковнику полномочия и полную власть снарядить таковые суда, как тот считает подходящим для сего намерения.

Через несколько дней два шлюпа были оснащены и укомплектованы командою: «Генри» с восемью пушками и семьюдесятью матросами, под командованием капитана Джона Мастерса, и «Морская Нимфа», с 8 пушками и 60 матросами, под командованием капитана Фейрера Холла, оба под водительством и командованием вышеупомянутого полковника Рета, который 14 сентября поднялся на борт «Генри» и, вместе со вторым шлюпом, отплыл из Чарлзтауна на остров Свилливантс, дабы подготовиться к плаванию. В то самое время прибыл небольшой корабль с Антигуа, некоего шкипера Кока, с сообщением, что в виду отмели, перекрывающей вход в гавань, его захватил и ограбил некий Чарлз Вейн, пират, на бригантине в двенадцать пушек и 90 людей; каковой Вейн до того захватил два других судна, направлявшихся сюда, одно – малый шлюп шкипера Дилла, с Барбадоса, другое – бригантина шкипера Томпсона, из Гвинеи, на коей было девяносто с лишним негров, каковых пират снял с судна и пересадил на борт шлюпа своего напарника, некоего Ййтса, команда коего насчитывала 25 человек. Сие оказалось счастливым для хозяев гвинейца, ибо Йитс, до того много раз пытавшийся покончить с таким образом жизни, на реке Норт-Эдисто, к югу от Чарлзтауна, воспользовался случаем

покинуть Вейна, ночью бежал от него и сдался на милость Его Величества. Владельцы получили обратно своих негров, а Йитсу и его людям выдали королевские свидетельства.

Вейн какое-то время крейсировал невдалеке от отмели в надежде изловить Йитса и, к несчастью для них, захватил на выходе из гавани два корабля, направлявшихся в Лондон, и пока пленники находились у него на борту, кое-кто из пиратов проболтался, что они намереваются пойти в одну из рек к югу от города. Услыхав сие, полковник Рет 15 сентября вышел на двух вышеупомянутых шлюпах за отмели и, имея ветер с севера, стал прочесывать реки и заливы к югу в намерении настичь пирата Вейна; но, не встретив того, изменил курс и направился к реке мыса Фиар, во исполнение первоначального своего замысла. На следующий день, 26 числа, вечером полковник со своею небольшою эскадрою вошел в реку и увидел за мысом 3 шлюпа, стоявших на якоре, каковые были майор Боннет и его призы; но случилось так, что, поднимаясь вверх по реке, лоцман посадил шлюпы полковника на мель, и пока они снова оказались на плаву, наступила темнота, которая помешала им двигаться дальше. Пираты вскорости обнаружили шлюпы, но не зная, чьи они и с какими намерениями вошли в сию реку, посадили людей на три каноэ и послали захватить шлюпы, однако же те весьма скоро обнаружили свою ошибку и воротились на шлюп с неприятными известиями. В ту ночь майор Боннет приготовился к бою и снял с призов всех своих людей. Он также показал одному из своих пленников, капитану Мэнворингу, письмо, которое только что написал и которое, как он объявил, собирался послать губернатору Каролины; письмо было следующего содержания, viz., что если явившиеся шлюпы посланы были против него упомянутым губернатором и если ему, Боннету, придется удалиться, не закончив своих работ, то он начнет сжигать и уничтожать все корабли или суда, идущие в Южную Каролину или выходящие из оной. С наступлением утра они подняли паруса и пошли вниз по реке, замышляя только прорваться с боем. Шлюпы полковника Рета также подняли паруса и направились вслед за ним, с каждой минутою приближаясь к пирату и вознамерившись взять того на абордаж, что тот заметил и пошел наискосок к берегу, где, подвергнувшись сильному обстрелу, его шлюп сел на мель. Шлюпы Каролины, находясь в тех же мелких водах, пребывали в таких же обстоятельствах; «Генри», на борту коего находился полковник Рет, сел на мель по носу от пирата на расстоянии пистолетного выстрела от него; второй шлюп сел на мель прямо перед ним почти вне досягаемости пушечного выстрела, что делало его мало полезным для полковника, пока они пребывали на мели.

В это время у пирата появилось значительное преимущество, поскольку их шлюп сел на мель выше шлюпов полковника Рета, в результате чего они все были укрыты, и пока шлюпы полковника не поравнялись бы с ними, его люди оставались на виду; невзирая на то, они вели оживленную перестрелку все время, пока лежали вот так на мели, что продолжалось около пяти часов. Пираты учинили «женскую дыру»[89] в своем кровавом флаге и несколько раз с насмешкою махали шляпами людям полковника, призывая их к себе на борт, на что те отвечали радостными криками «Ура!» и объявляли, что они вскоре поговорят с ними по душам; что и случилось, ибо шлюп полковника, первым оказавшись на плаву, перешел на более глубокую воду и, поправив на скорую руку такелаж, каковой получил весьма большие повреждения в стычке, направился к пиратам, дабы нанести завершающий удар, и вознамерился сразу идти на абордаж; что пираты предупредили, вывесивши белый флаг, и после недолгих переговоров о капитуляции сдались в плен. Полковник овладел пиратским шлюпом и был до чрезвычайности доволен, обнаружив, что командовавший им капитан Томас был не кто иной, как майор Стид Боннет собственной персоною, каковой оказал им честь несколько раз наведаться к побережью Каролины.

В той схватке на борту «Генри» было убито десять человек и четырнадцать ранено, на борту «Морской нимфы» – двое убито и четверо ранено. Офицеры и матросы обоих шлюпов вели себя с величайшею храбростью; и если бы шлюпы не сели столь злосчастно на мель, они захватили бы пиратов с гораздо меньшими потерями; но поскольку он намеревался пройти

мимо них и таким образом прорваться с боем, шлюпы Каролины принуждены были держаться рядом с ним, чтобы не дать ему уйти. У пиратов было семеро убитых и пять раненых, из каковых двое вскоре после того умерли от ран. Полковник Рет отплыл из реки мыса Фиар тридцатого сентября, и 3-го октября прибыл в Чарлзтаун, к великой радости всей провинции Каролина.

Боннет с его шайкою были отведены на берег 2 дня спустя, а поскольку в городе не было общественной тюрьмы, пиратов содержали в караульном помещении под охраною милиции[90]; но майор Боннет находился под стражею судебного исполнителя, в его доме; и через несколько дней Дэвида Хэриота, штурмана, и Игнатиуса Пелла, боцмана, кои намерены были дать показания против прочих пиратов, перевели от остальной команды в вышеуказанный дом судебного исполнителя, и каждую ночь возле того дома выставлялись два центинала[91]; и то ли из-за чьей-то продажности, то ли из-за небрежности в охране пленников, не могу сказать; но 24 октября майор и Хэриот свершили побег, боцман же отказался за ними следовать. Сие наделало в провинции много шума, и люди открыто выражали свое негодование, зачастую направляя его на губернатора и других членов магистрата, которые якобы получили взятку за содействие в побеге. Таковые обвинения проистекали из страха, что Боннет способен собрать новую команду и продолжит мстить этой стране, за каковую месть он хотя и запоздало, но справедливо пострадал; но вскоре они почувствовали в том облегчение; ибо, коль скоро губернатор получил известие о побеге Боннета, он немедля издал объявление и пообещал награду в 700 фунтов любому, кто его изловит, и послал в погоню за ним несколько судов с вооруженными людьми к северу и к югу.

Боннет направился в маленьком суденышке к северу, но поскольку он нуждался в самом необходимом, а погода была плохая, он принужден был повернуть назад, и таким образом вернулся на своем каноэ на остров Свилливантс, возле Чарлзтауна, дабы запасти провизии; но поскольку о том оказался извещен губернатор, он послал за полковником Ретом и приказал тому пуститься в погоню за Боннетом; и наделил его соответственными той цели полномочиями; по каковой причине полковник с должным вооружением и несколькими людьми тою же ночью отправился на остров Свилливантс и после весьма прилежных поисков обнаружил и Боннета, и Хэриота; люди полковника открыли по ним огонь и убили Хэриота на месте, и ранили одного негра и одного индейца. Боннет признал свое поражение и сдался; и на следующее утро, а именно 6-го ноября, он был доставлен полковником Ретом в Чарлзтаун и по распоряжению губернатора заключен в надежное узилище, дабы затем предать его суду.

28 октября 1718 года в Чарлзтауне в Южной Каролине открылась сессия суда Вице-Адмиралтейства[92], каковая с некоторыми перерывами продолжалась до среды 12 ноября включительно, где слушалось дело пиратов, взятых на шлюпе, называемом «Месть», а позже «Король Джемс», в присутствии Николаса Трота, эсквайра, судьи Вице-Адмиралтейства и председателя суда вышеназванной провинции Южная Каролина, и других членов суда.

После оглашения королевских полномочий, данных судье Троту, большое жюри[93] приведено было к присяге для вынесения решений по нескольким обвинительным актам, а затем зачитано было напутствие, данное им означенным судьею, в коем он, во-первых, объявил, что море дано Богом на пользу человеку и является объектом владения и собственности так же, как и суша.

Во-вторых, он особо подчеркнул суверенную власть короля Англии над британскими морями.

В-третьих, он заметил, что как торговля, так и мореплавание не могут осуществляться без законов; потому всегда существовали особые законы для наилучшего ведения и урегулирования морских дел; с историческим экскурсом о сих законах и их происхождении.

В-четвертых, он обрисовал, что были назначены особые суды и судьи; под чью юрисдикцию подпадают морские дела, причем дела по содержанию как гражданские, так и уголовные.

Затем, в-пятых, он особо остановился на конституции и юрисдикции данной сессии суда Адмиралтейства.

И наконец, на преступлениях, рассматриваемых означенной сессией, и особенно подробно на преступлении, именуемом пиратством, каковое затем было им изложено.

После того, как были предъявлены обвинения, привели к присяге малое жюри[94], а затем были призваны и допрошены следующие лица.

Стид Боннет, прозываемый Эдвардс, прозываемый Томас, ранее житель Барбадоса, моряк.

Роберт Такер, ранее житель острова Ямайка, моряк.

Эдвард Робинсон, ранее житель Ньюкасла-на-Тайне, моряк.

Нил Патерсон, ранее житель Абердина, моряк.

Уильям Скот, ранее житель Абердина, моряк.

Уильям Эдди, прозываемый Недди[95], ранее житель Абердина, моряк.

Александер Аннанд, ранее житель Ямайки, моряк.

Джордж Роуз, ранее житель Глазго, моряк.

Джордж Данкин, ранее житель Глазго, моряк.

*Томас Николас, ранее житель Лондона, моряк.

Джон Ридж, ранее житель Лондона, моряк.

Мэтью Кинг, ранее житель Ямайки, моряк.

Дэниел Перри, ранее житель Гернси, моряк.

Генри Вирджин, ранее житель Бристоля, моряк.

Джеймс Роббинс, прозываемый Трещотка, ранее житель Лондона, моряк.

Джеймс Маллет, прозываемый Миллет[96], ранее житель Лондона, моряк.

Томас Прайс, ранее житель Бристоля, моряк.

Джеймс Уилсон, ранее житель Дублина, моряк.

Джон Лопес, ранее житель Опорто, моряк.

Захария Лонг, ранее житель Голландской провинции, моряк.

Джон Бейли, ранее житель Лондона, моряк.

Джон-Уильям Смит, ранее житель Чарлзтауна, Каролина, моряк.

Томас Кармен, ранее житель Мэйдстона в Кенте, моряк.

Джон Томас, ранее житель Ямайки, моряк.

Уильям Моррисон, ранее житель Ямайки, моряк.

Сэмуэль Бут, ранее житель Чарлзтауна, моряк.

Уильям Хьюэт, ранее житель Ямайки, моряк.

Джон Левит, ранее житель Северной Каролины, моряк.

Уильям Ливерс, прозываемый Эвис[97], моряк.

Джон Брайерли, прозываемый Тимберхэд[98], ранее житель Бастауна в Северной Каролине, моряк.

Роберт Бойд, ранее житель вышеназванного Бастауна, моряк.

*Роуленд Шарп, ранее житель Бастауна, моряк.

*Джонатан Кларк, ранее житель Чарлзтауна, Южная Каролина, моряк.

*Томас Джеррард, ранее житель Антигуа, моряк.

Все они, за исключением трех последних и Томаса Николаса, были признаны виновными и приговорены к смерти.

Большинству из них было предъявлено два обвинения, как явствует из нижеследующего.

Присяжные заседатели господина нашего и повелителя короля, действуя под присягою, вчиняют иск в том, что Стид Боннет, ранее житель Барбадоса, моряк, Роберт Такер, и т. д., и т. д. Августа 2-го дня 5-го года правления господина нашего и повелителя Георга, и т. д. Силою оружия в открытом море, в некоем месте, прозываемом мыс Джемс, и т. д. пиратски и умышленно напали, повредили, взяли на абордаж и захватили некий торговый шлюп, именуемый «Франция», коммандера Питера Мэнворинга[99], силою и т. д. в открытом море, в некоем месте, прозываемом мыс Джемс, известном также как мыс Инлопен, на расстоянии примерно двух миль от берега, на широте 39° или около того, каковое место подпадает под юрисдикцию суда Вице-Адмиралтейства Южной Каролины, находились на шлюпе неких лиц (присяжным заседателям неизвестных), и там и тогда пиратски и умышленно совершили нападение на названного Питера Мэнворинга и прочих бывших с ним моряков (чьи имена вышеназванным присяжным заседателям неизвестны) на том же шлюпе, противу порядков и установлений Божьих и ныне здравствующего господина нашего и повелителя короля, будучи там и тогда, пиратски и умышленно переместили названного Питера Мэнворинга и прочих бывших с ним моряков с того шлюпа на вышеуказанный шлюп, и они пребывали, будучи в животном страхе за свою жизнь, там и тогда, на вышеуказанном шлюпе, в открытом море, в вышеуказанном месте, прозываемом мыс Джемс, известном также как мыс Инлопен, на расстоянии примерно двух миль от берега, на широте 39° или около того, как говорилось выше, и под вышеуказанною юрисдикцией; пиратски и умышленно украли, захватили и угнали названный торговый шлюп, именуемый «Франция», а также 26 хогсхедов, и т. д., и т. д., найденных на вышеупомянутом шлюпе, под охраною и в распоряжении названного Питера Мэнворинга, и прочих бывших с ним моряков с упомянутого шлюпа, и из-под их охраны и распоряжения, там и тогда, в вышеупомянутом открытом море, в месте, прозываемом мыс Джемс, известном также как мыс Инлопен, как говорилось выше, и под вышеуказанною юрисдикцией, противу порядков и установлений ныне здравствующего господина нашего и повелителя короля, его короны и достоинства.

Такова была форма обвинений, кои были им предъявлены, и хотя против большей части команды можно было выдвинуть обвинение в еще нескольких установленных фактах пиратства, суд счел достаточным предъявить только два; второй касался пиратского и умышленного захвата шлюпа «Фортуна», коммандер Томас Рид; каковое обвинение написано было в той же форме, что и вышеизложенное; посему более говорить о нем нет необходимости.

Все обвиняемые заявили, что они невиновны, и обжаловали приговор, кроме Джемса Уилсона и Джона Левита, кои признали себя виновными по обоим обвинениям, и Дэниела Перри, признавшего свою вину лишь по одному. Майор должен был проходить по обоим обвинениям сразу, на что суд не согласился; он не признал себя виновным ни по одному из обвинений, но, будучи осужден по одному из них, отозвал свой иск по второму и признал себя в нем виновным.

Арестованные не защищались или почти не защищались, каждый заявлял только, что был снят с необитаемого острова и отправился с майором Боннетом к острову Св. Томаса; но, находясь в открытом море и испытывая нужду в провизии, принужден был остальными к тому, что они делали; и сам майор Боннет поступил так же, заявляя, что сила обстоятельств, а не склонность к грабежу, была тому причиною. Тем не менее, поскольку факты были полностью доказаны и на каждого из них приходилось по 10 или 11 вооруженных нападений, кроме последних 3 и Томаса Николаса, то все они, за исключением сих четверых, были признаны виновными. Судья обратился к ним с весьма суровою речью, подчеркнув огромность их преступлений, положение, в коем они сейчас находятся, и сущность и необходимость чистосердечного раскаяния; и затем препоручил их священникам провинции для более исчерпывающих наставлений, дабы те приготовили их к вечности, поскольку (заключил он) уста священников сохранят истину, и вы будете искать закона в их устах; ибо они – посредники между вами и Господом (Матф. 11; 57)[100] и они суть посланники от имени Христова, коим

доверено Слово[или Учение] примирения (2 Кор. 5; 19-20). И затем произнес над ними смертный приговор.

В субботу ноября восьмого дня 1718 года во исполнение сего приговора Роберт Такер, Эдвард Робинсон, Нил Патерсон, Уильям Скот, Джон Бейли, Джон-Уильям Смит, Джон Томас, Уильям Моррисон, Сэмуэль Бут, Уильям Хьюэт, Уильям Эдди, прозываемый Недди, Александер Аннанд, Джордж Росс, Джордж Данкин, Мэтью Кинг, Дэниел Перри, Генри Вирджин, Джеймс Роббинс, Джеймс Маллет, прозываемый Миллет, Томас Прайс, Джон Лопес и Захария Лонг были казнены в Уайтпойнт возле Чарлзтауна.

Что касается капитана, то побег замедлил решение его судьбы и на несколько дней продлил ему жизнь, ибо он был допрошен 10-го и, будучи признан виновным, получил такой же приговор, как и прочие; предваряя оный, судья Трот держал перед ним превосходнейшую речь, пожалуй, слишком длинную, чтобы стоило приводить ее в нашей истории, но все же я не мог себе представить, как можно пройти мимо столь доброго и полезного наставления, не зная наперед, в чьи руки случится попасть сей книге.

РЕЧЬ лорда Председателя суда по случаю произнесения приговора майору СТИДУ БОННЕТУ

Майор Стид Боннет, вы стоите здесь, осужденный по двум обвинениям в пиратстве; одно – по вердикту суда, другое – по вашему собственному признанию. Хотя вы были обвинены только по двум фактам пиратства, вам, тем не менее, известно, что на вашем судебном процессе было полностью доказано, даже невольными свидетелями, что со времени отплытия из Северной Каролины вы пиратски захватили и ограбили не менее тринадцати судов.

Таким образом, вас можно было бы обвинить и осудить еще по одиннадцати пиратским деяниям, с тех пор как вы воспользовались королевским актом милосердия и притворились, будто оставляете сей порочный образ жизни.

И это не говоря о многих пиратских деяниях, кои вы совершали прежде; за каковые, если человеческое прощение никогда не имело для вас настоящей ценности, вы все же должны быть готовы ответить пред Богом.

Вы знаете, что преступления, кои вы совершили, сами по себе суть зло, и противны человеческому восприятию и законам природы, равно как и закону Божьему, каковым вам предписано: не кради (Исход 20; 15). И св. апостол Павел явственно утверждал, что воры Царства Божия не наследуют (1 Кор. 6; 10).

Но к воровству вы прибавили больший грех, коим является убийство. Скольких вы убили из тех, кто препятствовал вам в совершении вышеупомянутых пиратств, я не знаю. Но все мы знаем то, что, не считая раненых, вы убили не менее восемнадцати лиц из числа тех, кто послан был законною властью подавить вас и положить конец тем грабежам, кои вы учиняли ежедневно.

Однако вы можете вообразить, будто то было честное убиение людей в открытом бою, так знайте же, что мощь меча не была вложена в ваши руки никакою законною властью, вы не полномочны были применять какую-либо силу или сражаться с кем-либо; и значит, те лица, кои пали в сих военных действиях, исполняя свой долг пред королем и страною, были убиты, и кровь их ныне вопиет об отмщении и правосудии над вами. Ибо это Природа гласит, подтверждаемая законом Божьим, что кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека (Быт. 9; 6).

И примите к сведению, что смерть – не единственное наказание, достойное убийц; ибо их ждет участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая (Откр. 21; 8. См. главу 22; 15[101]*). Ужас сих слов заключен для вас в том, что, учитывая ваши обстоятельства и вашу вину, их звук наверняка заставит вас трепетать; ибо кто из нас может жить при вечном пламени? (гл. 33; 14)*[102]

Поскольку свидетельство вашей совести должно осудить вас за великое множество злодеяний, кои вы совершили, коими вы до крайности оскорбили Бога и навлекли на себя Его в высшей степени справедливый гнев и возмущение, я полагаю, нет нужды говорить вам, что единственный способ получить прощение и отпущение ваших грехов от Бога – это истинное и непритворное раскаяние и вера в Христа, благодаря достойной смерти и страданию Которого вы только и можете надеяться на спасение.

Поскольку вы джентльмен, коему выпало преимущество гуманитарного образования[103] *и, по общему признанию, литератор, я полагаю, нет надобности объяснять вам сущность раскаяния и веры в Христа, ведь они так полно и так часто описываются в Священном Писании, что вы не можете их не знать. И раз так, то по сей причине может показаться, будто мне не подобало бы говорить по этому поводу так много, как я уже сказал; я бы и не делал этого, но, рассматривая ваш жизненный путь и деяния, имею все основания опасаться, что основания религии, которые были вам привиты при вашем воспитании, были по меньшей мере искажены, если вовсе не стерты, скептицизмом и неверностью нынешнего порочного века; и что время, которое вы отвели учению, было скорее потрачено на изящную словесность и тщетную философию нашего времени, чем на серьезный поиск закона и промысла Божьего, который открывается нам в Священном Писании. Ибо если бы вы искали блаженства в законе Господа, и если бы о законе Его размышляли день и ночь (Псалом 1; 2), то вы бы нашли, что слово Божие – светильник ноге вашей, и свет стезе вашей (Пс. 119; 105), и что все остальные знания можно считать ничем иным, как тщетою в сравнении с превосходством познания Христа Иисуса (Филипп. 3; 8), Который для самих же призванных есть Божия сила и Божия премудрость (1 Кор. 1; 24), та самая премудрость тайная, сокровенная, которую предназначил Бог миру (там же, 2; 7).*

Тогда бы вы расценили Священное Писание как Великую Хартию Небес[104]*, которая не только диктует нам наиболее совершенные законы и правила жизни, но и открывает примеры прощения, даровавшегося Богом, когда эти справедливые законы нарушались. Ибо только в них можно найти ключ к великой тайне искупления падших, в кою желают проникнуть Ангелы (1 Петр. 1; 12).*

И они научили бы вас, что грех есть унижение человеческой натуры, будучи отступлением от той чистоты, нравственности и святости, в коих Бог сотворил нас, и что добродетель и религия и следование законам Божьим в любом случае предпочтительнее путей греха и Сатаны; что пути добродетели – это пути приятные, и все стези ее – мирные (Притч. 3; 17).

Но чего вы не могли узнать из Слова Божьего по причине вашего легкомысленного или поверхностного его изучения, это, думается мне, направление Его провидения, и нынешние испытания, в кои Он поверг вас, а теперь осудил вас на них же. Ибо, хотя в вашем призрачном могуществе вы могли радоваться, делая зло (Притч. 3; 17)[105]*, теперь, когда вы видите, что рука Божья настигла вас и вынесла на публичный суд, я надеюсь, нынешние несчастливые обстоятельства заставят вас серьезно задуматься о ваших прошлых деяниях и образе жизни; и что теперь вы прочувствуете тяжесть ваших грехов и найдете, что груз их невыносим.*

И вот потому, будучи столь труждающимся и обремененным грехами (Матф. 11; 28), вы признаете сие как самую драгоценную истину, которая сможет указать вам, как вам можно найти примирение с Тем Всевышним, коего вы так сильно оскорбили; и которая откроет вам Его, Кто есть не только могущественный ходатай пред Отцем для вас (1 Иоан. 2; 1), но Кто также оплатил то искупление, каковое полагается за ваши грехи, Собственной смертью на кресте ради вас; и тем совершил полное искупление во имя справедливости Божьей. И это нельзя обрести нигде, кроме как в Слове Божьем, что открывает нам того Агнца Божия, Который берет на Себя грех мира (Иоан. 1; 29), Который есть Христос, Сын Божий. Так знайте же, и будьте уверены, что нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись (Деян. 4; 12), но только именем Господа Иисуса.

А теперь задумайтесь о том, как Он призывает всех грешников прийти к нему, и Он успокоит их (Матф. 11; 28), ибо Он уверяет нас, что Он пришел взыскать и спасти погибшее (Лука 19; 10, Матф. 18; 11), и обещает, что приходящего к Нему не изгонит вон (Иоан. 6; 37).

Таким образом, если вы сейчас искренне обратитесь к Нему, пусть поздно, даже около одиннадцатого часа (Матф. 20; 6, 9), – Он примет вас.

Но, разумеется, мне нет нужды говорить вам, что условиями Его милосердия являются вера и раскаяние.

И не впадайте в заблуждение, что сущность раскаяния – это всего лишь сожаление о ваших грехах, происходящее из размышлений о зле и наказании, кои они навлекли на вас ныне; нет, ваша скорбь должна исходить из размышлений о том, как вы оскорбили благого и милосердного Бога.

Но я не собираюсь давать вам никаких конкретных указаний относительно природы раскаяния. Я полагаю, что обращаюсь к персоне, чьи проступки проистекают не столько из незнания, сколько из игнорирования и пренебрежения своим долгом. К тому же, мне не подобает давать советы, выходящие за рамки моей профессии.

Вам смогли бы дать лучшие наставления те, кто сделал Божественное предметом своего особого изучения; и кто, благодаря своим знаниям, равно как и своей должности, будучи посланниками от имени Христова (2 Коринф. 5; 20), более компетентны для того, чтобы давать вам в том указания.

Я только от души желаю, чтобы то, что я, сострадая вашей душе, сказал вам сейчас по сему печальному и торжественному случаю, побуждая вас общими словами к вере и раскаянию, возымело на вас должный эффект, благодаря чему вы смогли бы стать истинно кающимся грешником.

И потому, исполнив по отношению к вам свой долг христианина, дав вам наилучший совет, на какой я способен, касательно спасения вашей души, я должен исполнить свою обязанность как судья.

Приговор, который Закон предписал исполнить над вами за ваши преступления и который посему вынес настоящий Суд, состоит в том,

Что вы, вышеназванный Стид Боннет, направляетесь отсюда к месту, из коего вы прибыли, и оттуда к месту казни, где будете повешены за шею, и будете висеть так, пока не умрете.

И да простит Господь в Своем бесконечном милосердии вашу душу.

Жизнь капитана Инглэнда

Эдвард Инглэнд служил помощником капитана на шлюпе, который шел с Ямайки и был захвачен капитаном Уинтером[106], пиратом, после того поселившемся на Провиденсе; с какового времени Инглэнд командовал шлюпом, занявшись тем же достославным ремеслом. Удивительно, как человек хороших понятий мог дозволить увлечь себя сим образом жизни, который столь унижает натуру человека и ставит его на один уровень с дикими зверями лесными, кои живут и промышляют слабейших ближних своих. Преступление сие столь огромно, что включает в себя почти все иные, как убийства, грабеж, воровство, неблагодарность и т. д.; и хотя эти люди делают пороки свои привычкою, ежедневно в них упражняясь, все ж они настолько не в ладах с собою, что размышление по поводу их чести, справедливости или смелости воспринимают как оскорбление, кое должно караться лишением жизни того, кто его совершает. Инглэнд был одним из тех людей, кто, кажется, обладает столь многим благоразумием, что оно должно бы научить его лучшим поступкам. У него доставало добрых склонностей и не было недостатка в храбрости. Он не был алчен и всегда чуждался дурного обращения с пленниками. Он удовлетворился бы умеренным грабежом и не столь зловредными проделками, если б товарищей его можно было довести до такого же умонастроения, но над ним обычно брали верх, и раз уж он был вовлечен в сие отвратительное сообщество, он принужден был партнерствовать во всех их подлых начинаниях.

После того, как остров Провиденс заселен был английским правительством, а пираты сдались по амнистии Его Величества[107], капитан Инглэнд отплыл к африканскому берегу, где захватил несколько кораблей и судов, в числе которых у берегов Сьерра-Леоне взял сноу «Кадоган», приписанный к Бристолю, капитан же его, некий Скиннер, бесчеловечно убит был несколькими из пиратской команды, кои недавно еще были его собственными людьми и служили на названном судне. Как следует полагать, между ними произошла какая-то ссора, так что Скиннер счел подходящим удалить сих товарищей на военный корабль и в то же время отказался выдать им их жалованье. Вскоре после того они нашли способ дезертировать с военной службы и, нанявшись на шлюп в Вест-Индии, были захвачены пиратами, доставлены на остров Провиденс и плавали по той причине с капитаном Инглэндом.

Лишь только Скиннер сдался пиратам, ему было приказано явиться к ним на борт в своей шлюпке, что он и сделал, и первым, кто попался ему на глаза, оказался старый его старшина шлюпки, который уставился ему в лицо, будто злой гений, и приветствовал его таким манером:

– А, капитан Скиннер! Вы ли это? Вот кого я желал увидеть; я пред вами в великом долгу, и теперь уплачу за все вашею собственною монетой.

У бедняги все поджилки затряслись, когда обнаружил он, в какую компанию попал. И он устрашился грядущих событий, ибо имел к тому достаточно оснований; потому что рулевой тут же позвал своих сообщников, схватил капитана и крепко привязал его к брашпилю, и там они забросали его стеклянными бутылками, кои изрезали его ужасающим образом. После чего они гоняли его кнутом по палубе, покуда не устали, оставаясь глухими ко всем его мольбам и посулам. И наконец сказали они: поскольку он был хорошим командиром своим людям, то умрет легкой смертью; и тогда прострелили ему голову. Они взяли со сноу немного вещей, но само судно и весь его груз отдали Хоуэллу Дэвису, помощнику капитана, и оставшейся части команды сноу, как будет позднее изложено в главе о капитане Дэвисе.

Капитан Инглэнд захватил корабль под названием «Жемчужина» (капитан – коммандер Тизард), на который поменял свой шлюп, приспособил его для пиратских целей и заново окрестил, наименовав «Ройял Джемс», на коем и захватил несколько кораблей и судов различных стран у Азорских островов и островов Зеленого Мыса.

Весной 1719 г. бродяги вернулись к Африке и, начиная от реки Гамбия, поплыли вдоль всего побережья. И между нею и мысом Корсар захватили нижеперечисленные корабли и суда.

Пинк «Орел», под командованием капитана Риккетса, приписанный к Корку, захвачен 25 марта, имея на борту 6 пушек и 17 человек команды, из коих 7 сделались пиратами.

«Шарлотта» капитана Олдсона, из Лондона, захвачена 26 мая, имея на борту восемь пушек и 18 человек команды, из коих 13 сделались пиратами.

«Сара» капитана Станта, из Лондона, захвачена 27 мая, имея на борту 4 пушки и 18 человек команды, из коих 3 сделались пиратами.

«Бентворт» капитана Гарденера, из Бристоля, захвачен 27 мая, имея на борту 12 пушек и 30 человек команды, из коих 12 сделались пиратами.

Шлюп «Олень» капитана Силвестра, из Гамбии, захвачен 27 мая, имея на борту 2 пушки и 2 человека команды, и оба сделались пиратами.

«Картерет» капитана Сноу, из Лондона, захвачен 28 мая, имея на борту 4 пушки и 18 человек команды, из коих 5 сделались пиратами.

«Меркурий» капитана Мэготта, из Лондона, захвачен 29 мая, имея на борту 4 пушки и 18 человек команды, из коих 5 сделались пиратами.

Галера «Робкий» капитана Крида, из Лондона, захвачена 17 июня, имея на борту 2 пушки и 13 человек команды, из коих 4 сделались пиратами.

«Элизабет и Кэтрин» капитана Бриджа, с Барбадоса, захвачена 27 июня, имея на борту 6 пушек и 14 человек команды, из коих 4 сделались пиратами.

Пинк «Орел», который держал путь свой на Ямайку, и «Сару» – в Виргинию, и «Олень» – в Мериленд, они отпустили, но «Шарлотту», «Бентворт», «Картерет» и галеру «Робкий» предали огню, а «Меркурий» и «Элизабет и Кэтрин» приспособлены были под пиратские корабли. Первый теперь носил название «Месть королевы Анны» и был отдан под командование некоему Лэйну, второй же был назван «Летучим Королем», а капитаном на нем назначили Роберта Сэмпла. Сии двое оставили Инглэнда у побережья и направились в Вест-Индию, где взяли несколько призов, почистились и починились, и в ноябре поплыли в Бразилию. В тамошних водах они захватили несколько португальских кораблей, учинивши великое множество бед и ущерба, но в самый разгар их предприятий португальский военный корабль, обладавший превосходными мореходными качествами, явился к пиратам весьма нежеланным гостем и пустился за ними в погоню. «Месть королевы Анны» убежала, но малое время спустя погибла на сем побережье. А «Летучий король», сочтя себя уже погибшим, выбросился на берег; на борту его было в ту пору 70 человек, 12 из которых было убито, а остальные пленены. Из числа пленных португальцы повесили 38, из коих 32 были англичане, трое – голландцы, двое – французы, а один – их собственной нации.

Инглэнд же, спускаясь далее вдоль побережья, захватил галеру «Петерборо» из Бристоля капитана Оуэна и «Победу» капитана Ридаута. Первую он удержал у себя, последнюю же ограбил и отпустил. На рейде мыса Корсар они увидали два парусника, стоявших на якоре, но прежде чем могли достигнуть их, те подняли якоря и подошли близко к крепости мыса Корсар. То были «Видах» капитана Принса и «Джон» капитана Райдера. Пираты на это устроили брандер из судна, которое недавно захватили, и попытались сжечь их, будто они были обычные враги, и если бы даже сие подействовало, то пираты не смогли бы извлечь для себя ни фартинга пользы. Но поскольку из крепости по ним слегка постреливали, они убрались и поплыли далее, к рейду Видаха, где обнаружили другого пирата, капитана Ла Буше[108], который, явившись в оное место до прибытия Инглэнда, парализовал торговлю и весьма разочаровал тем своих собратьев.

После того афронта капитан Инглэнд направился в гавань, почистил и поправил свой корабль и приспособил для пиратских деяний «Петерборо», который наименовал «Победа». Пираты жили там в великом буйстве и распутстве сколько-то недель, позволяя себе вольности с негритянками и свершая столь возмутительные поступки, что дошли до открытой вражды с туземцами, из коих они нескольких убили, а один из их городов предали огню.

Когда же пираты вышли в море, то стали голосовать, какой путь им избрать далее, и поскольку большинство их стремилось в Ост-Индию, они проложили свой курс соответственно тому желанию и в начале 1720 года прибыли на Мадагаскар. Они оставались там недолго, но, набравши воды и провизии, отплыли к Малабарскому берегу – прекрасной и плодороднейшей из ост-индских земель, что принадлежит Могольской империи, но непосредственно подчиняется собственным своим князьям. Земля сия простирается от Канарского берега до мыса Коморин и находится между 7°30»> и 12° северной широты и примерно на 75° восточной долготы, считая от Лондонского меридиана. Исконные туземцы – язычники, но среди них ныне обитает много магометан, кои заняты торговлей и обычно богаты. На том же побережье, но в области, лежащей далее к северу, расположены Гоа, Сурат, Бомбей, где устроили свои поселения англичане, голландцы и португальцы[109].

Сюда наши пираты пришли, свершив путешествие вкруг половины земного шара, подобно тому, как псалмопевец сказал о бесах: «Окружили меня… как лев, алчущий добычи и рыкающий»[110]. Они захватили несколько местных кораблей – остендеров, сиречь индийцев, и одно европейское – голландский корабль, которым заменили один из своих, и затем возвратились на Мадагаскар.

Там они отрядили нескольких человек из команды на берег с палатками, порохом и дробью, дабы заготовить свиней, оленины и прочей такого рода свежей провизии, кою в изобилии предоставляет остров, и тем пришла в голову прихоть отыскать остатки команды

Эвери, которая, как они знали, поселилась где-то на острове.[– –]В соответствии с тою прихотью часть из них странствовала несколько дней, не собрав об оной команде никаких известий, и с тем принуждена была вернуться, впустую потратив усилия, ибо те люди осели на другой стороне острова, как было отмечено в главе об Эвери.

Приведя в порядок свои корабли, они оставались там после того недолгое время и поплыли к Иоганне. Повстречав два английских корабля и один остендер, выходящие из той гавани, один из них они после отчаянного сопротивления захватили, подробности какового действия пространно изложены в нижеследующем послании, писанном капитаном того корабля из Бомбея.

Письмо капитана Макрэ из Бомбея от 16 ноября 1720 года

Мы прибыли на Иоганну(остров недалеко от Мадагаскара) 25 июля, под конец дня, вместе с «Гринвичем»; войдя туда, дабы дать нашим людям отдохнуть, мы обнаружили 14 пиратов, кои явились в каноэ с Майотты, где получил пробоину в днище и погиб пиратский корабль, к которому они принадлежали, направлявшийся от побережья Гвинеи в Ост-Индию, а именно – «Индийская королева», грузоподъемностью в двести пятьдесят тонн, о двадцати восьми пушках, на борту было 90 человек под командою капитана Оливера де Ла Буше. Они сказали, что оставили капитана и 40 человек из их команды строить новый корабль, дабы исполнить свой дьявольский замысел. Мы же с капитаном Кирби, рассудив, что было бы большою услугою Ост-Индской Компании уничтожить такое гнездо разбойников, 17 августа около восьми часов утра уже готовились с этою целью к отплытию, как обнаружили два пиратских корабля, держащих курс в бухту Иоганны – один о тридцати четырех, а другой о тридцати пушках. Я немедля явился на борт «Гринвича», где, казалось, весьма усердствовали в приготовлениях к бою, и вскорости покинул капитана Кирби, обменявшись с ним обещаниями стоять друг за друга. Затем я отдал швартовы, поднял паруса и послал вперед себя две шлюпки, дабы они подтащили меня вплотную к «Гринвичу», но тот, оказавшись на открытой волне и подгоняемый бризом, счел за лучшее припустить от меня прочь. Увидевши это, остендер, бывший с нами в компании, о 22 пушках, поступил подобным же образом, хоть капитан и уверял от всего сердца, что вступит в бой вместе с нами; и думается мне, он оказался бы на высоте и сдержал данное им слово, если бы капитан Кирби сдержал свое. Около половины первого пополудни я несколько раз призывал «Гринвич», дабы тот приблизился и помог нам, и давал ему сигнальный залп, но тщетно. Ибо – хоть мы и не сомневались, что он присоединится к нам, поскольку он, удалившись на лигу от нас, положил корабль в дрейф и наблюдал, – все же и он, и остендер бесчестно бросили нас и покинули в схватке с варварами и бесчеловечными врагами, с их черными и кровавыми флагами, развевавшимися вокруг нас, не оставив даже призрачной надежды избежать того, чтобы быть изрезанными на куски. Но Бог, в благом Своем провидении, предопределил иначе. Ибо, невзирая на их превосходство, мы вели бой с ними обоими на протяжении трех часов, за каковое время больший из них получил несколько ядер между ветром и водою[111], что заставило его держаться позади меньшего, дабы устранить течь. Второй же, прилагая все возможные усилия, чтобы взять нас на абордаж, более часа пытался подгрести к нам на веслах[112] длиною в половину нашего корабля; но по милости фортуны мы разнесли все их весла ядрами на куски, что воспрепятствовало им и вследствие того спасло наши жизни.

Около 4 часов, когда большая часть офицеров и матросов, несших службу на юте, была убита или ранена, больший корабль стал со всяческим усердием сближаться с нами и, еще находясь на расстоянии целого кабельтова, осыпал нас частыми бортовыми залпами; и, не надеясь более на то, что капитан Кирби придет к нам на помощь, мы попытались спастись, бежав на берег. И хотя осадка наша была на четыре фута больше, чем у пиратов, Богу угодно было, чтобы они крепко засели на мели, тогда как мы счастливо миновали ее по высокой воде; так их вторично постигло разочарование при попытке взять нас на абордаж. Здесь у нас

случилась еще более ожесточенная схватка, чем прежде. Все мои офицеры и большинство матросов вели себя с неожиданною храбростью, а поскольку мы, к тому же, имели значительное преимущество, будучи обращены бортом к его носу[113], мы причинили ему великий ущерб, так что, явись тогда капитан Кирби, мы бы, полагаю, захватили обоих, ибо один из них уже был точно наш. Но второй пиратский корабль (который все еще обстреливал нас), видя, что «Гринвич» не выказывает намерений помочь нам, послал своему сообщнику в подкрепление три шлюпки, полные свежих людей. Около пяти часов вечера «Гринвич» явственно взял курс прочь в открытое море, оставив нас отчаянно бороться за жизнь в самых челюстях у Смерти; приметив сие, второй пиратский корабль, который был на плаву, произвел разворот и зашел против ветра под нашу корму. Поскольку к тому моменту многие из моих людей были убиты или ранены[114], и более нельзя было надеяться, что разъяренные варвары-победители не перебьют нас всех поголовно, я приказал единственное, что оставалось: садиться в баркас под прикрытием дыма наших пушек. Таким образом, к семи часам, кто на лодках, а кто вплавь, большинство из нас смогло достигнуть берега. Когда же пираты поднялись на борт, они разрезали на куски троих наших раненых. Я, вместе с немногими моими людьми, со всею возможной поспешностью направился в Кингстаун, что был в двадцати пяти милях от нас, куда прибыл на следующий день, полумертвый от усталости и потери крови, ибо был тяжело ранен в голову мушкетною пулей.

В том городе я узнал, что пираты объявили среди местных жителей награду в 10 000 долларов за то, чтобы выдать меня им, на что многие согласились, хотя и знали, что на моей стороне король и все здешние власти. Тем временем я велел распространить известие, будто я умер от ран, что сильно уменьшило их ярость. Дней десять спустя, порядком оправившись и надеясь, что злость наших врагов почти прошла, я стал размышлять над безрадостным положением, в кое мы были низвергнуты, будучи в месте, откуда не имели надежды найти пути домой, причем все мы, с позволения сказать, были наги, ибо не имели времени прихватить сменную рубашку или пару башмаков.

Я получил дозволение взойти на борт пиратского корабля и заверения в безопасности, ибо некоторые из их главарей знали меня, а кое-кто из них и плавал со мною, в чем я усмотрел великое преимущество; потому что, невзирая на все обещания, некоторые из них разрезали бы на кусочки и меня, и всех, кто не пошел к ним, когда б не главный из их капитанов, Эдвард Инглэнд, и несколько других, кого я знал. Они собирались сжечь один из своих кораблей, который мы так сильно искалечили, что он был уже непригоден для их надобностей, и приспособить вместо нее «Кассандру»[115]. Но я столь искусно менял галсы, что к концу встречи они подарили мне упомянутый разбитый корабль, который был голландской постройки, назывался «Фантазия» и имел грузоподъемность около трехсот тонн, а сверх того 129 тюков одежд, принадлежавших Компании[116], хотя из моей одежды не вернули мне ни клочка.

Они отчалили 3 сентября. Я же, имея временные мачты и те ветхие паруса, что они мне оставили, перенес сие действие на 8-е, когда и отплыл, имея на борту 43 человек с моего корабля, включая 2 пассажиров и двенадцать солдат, и только 5 тонн воды. И после 48-дневного перехода 26 октября я прибыл сюда, почти нагой, изголодавшийся, вынужденный ограничиваться пинтою воды в день и почти отчаявшийся когда-либо увидеть землю, поскольку между побережьем Аравии и Малабарским берегом мы попали в штиль.[– –]Наши потери составили тринадцать человек убитыми и 24 ранеными; мы же, как нам говорили, истребили от девяноста до ста пиратов. Когда они нас покинули, их было на двух кораблях около трех сотен белых и 80 черных. Я убежден, что если бы наш напарник «Гринвич» исполнил свой долг, мы бы уничтожили оба и заработали две тысячи фунтов для наших владельцев и себя самих[117]; в то время как из-за его дезертирства ему, по справедливости, следовало бы вменить в вину потерю «Кассандры». Я доставил все доверенные мне тюки в торговый дом Компании, за что губернатор и консул распорядились выдать мне вознаграждение. Наш губернатор, мистер Бун, который чрезвычайно добр и любезен со мною,

распорядился доставить меня домой этим пакетботом; но вместо меня поплывет капитан Харви, который заручился сим обещанием ранее, поскольку прибыл с караваном. Губернатор обещал мне путешествие по стране, дабы помочь возместить мне убытки, и желает оставить меня при себе, чтобы в следующем году вернуться домой вместе[118].

Конечно, капитан Макрэ, подвергался великой опасности, идучи на борт корабля пиратов, и вскорости уже раскаивался в своей доверчивости; ибо, хоть они и обещали, что его особе не будет причинено никакого вреда, обнаружилось, что слову их нельзя доверять. И должно предполагать, что лишь отчаянные обстоятельства, в которых, как воображал капитан Макрэ, он находился, могли возобладать над ним так, чтобы он отдал себя и своих товарищей прямо к ним в руки, возможно, не зная, как сильно туземцы сего острова преданы английской нации. Ибо около двадцати лет назад капитан Корнуолл, коммодор английской эскадры, помог им в войне против другого острова, под названием Мохилла, за что они с тех самых пор передавали все доходные должности в их распоряжение. Сия преданность столь велика, что породила поговорку: «Что англичанин, что иоганнец – все едино».

Инглэнд склонен был покровительствовать капитану Макрэ; но притом великодушно дал тому понять, что его интересы не находят среди пиратов поддержки, и что они сильно раздражены сопротивлением, какое он, Макрэ, им оказал, и он боится, что едва ли сможет защитить его. Посему он присоветовал Макрэ успокоить и укротить нрав капитана Тейлора, малого самого варварского склада, ставшего всеобщим любимцем среди них не по какой иной причине, но потому лишь, что был большею скотиною, нежели остальные. Макрэ делал, что мог, дабы умягчить сию бестию, и попотчевал его горячим пуншем. Невзирая на то, они пребывали в смятении, решая, покончить ли с ним или нет, когда случилось событие, обернувшееся к пользе бедного капитана: детина с устрашающими бакенбардами и деревянной ногою[119], обвешанный пистолями, как туземец из «Альманаха»[120] дротиками, перемежая пустословие божбою, заявляется на ют и спрашивает, чертыхаясь, кто здесь будет капитан Макрэ. Капитан ожидал, по меньшей мере, что сей детина станет его палачом.[– –]Но когда он приблизился, то, ухватив его за руку, поклялся: мол, будь он проклят, как он рад его видеть! И покажите мне того, – продолжал он, – кто осмелится задеть капитана Макрэ, ибо он будет иметь дело со мною. И все так же, со многими проклятьями, заявил ему, что он честный парень и что он прежде с ним плавал.

Сие положило конец спорам, а капитан Тейлор так ублаготворен был пуншем, что согласился, чтобы старый пиратский корабль и множество тюков с одеждою были отданы капитану Макрэ, и с тем заснул. Инглэнд же посоветовал капитану Макрэ со всею поспешностью убираться, а не то сей зверь, пробудившись, может пожалеть о своем великодушии. Каковому совету капитан и последовал.

Столь упорно блюдя интересы капитана Макрэ, капитан Инглэнд тем самым обрел себе многих врагов среди команды; они считали такое хорошее обхождение несовместимым со своею политикой, ибо оно выглядело как попытка заручиться покровительством, на каковом фоне их собственные преступления казались бы еще тяжелее. Посему, когда прошел слух, то ли мнимый, то ли истинный, что капитан Макрэ снаряжает против них силы Компании, он вскоре был низложен[121], сиречь смещен со своего начальственного поста, и высажен с тремя сторонниками на остров Маврикий. Вообще на сей остров грех было бы жаловаться, если бы тамошние крестьяне накопили какой-то достаток, что предоставило бы им некоторые виды на процветание в будущем. Ибо он изобилует рыбой, оленями, кабанами и прочей дичью. Как утверждает сэр Томас Герберт, у этих берегов есть кораллы и серая амбра[122]; но я полагаю, что голландцы не покинули бы их, если бы там можно было найти много сих товаров. В 1722 году он был вторично заселен французами, у которых был форт на другом острове по соседству, называемом Дон Маскарен, куда заходили за водою, лесом и припасами французские корабли, направляясь в Индию или обратно, как наши и голландцы заходят на

остров Св. Елены и мыс Доброй Надежды. С того острова капитан Инглэнд и его товарищи, соорудив маленькое суденышко из брошенных бочарных досок и старых обломков дильса[123], переправились на Мадагаскар, где ныне существуют милостью некоторых своих собратьев, кои обеспечили себя лучше, нежели они.

Пираты же силою удержали у себя нескольких офицеров и матросов из команды капитана Макрэ и, исправив повреждения, нанесенные их такелажу, отплыли в Индию. Накануне дня, когда должно было подходить к берегу, они завидели к востоку от себя два корабля, кои на первый взгляд похожи были на английские, и велели одному из пленников, бывшему у капитана Макрэ офицером, выдать им секретные сигналы, принятые меж кораблями Компании, причем капитан грозил разрезать того на фунтовые куски[124], если он немедля не выполнит приказа; он же, не в силах того сделать, принужден был терпеть их глумление, доколе они не поравнялись с теми двумя и не обнаружили, что это мавританские[125] суда, перевозящие из Маската лошадей. Они перевезли капитана и купцов к себе на борт и подвергли пыткам, и обыскали корабли, дабы обнаружить сокровища, так как считали, что те идут из Мокки; но были разочарованы в сих ожиданиях, а наутро, завидев сушу, а у побережья лавирующую эскадру, пришли в замешательство, не зная, как распорядиться пленными. Отпустить их значило сделать свой поход явным и тем провалить его, потопить же людей и лошадей вместе с кораблями (к чему многие из них склонялись) было бы жестоко, посему они избрали нечто среднее: встали на якорь, сбросили за борт все паруса купцов и срубили у тех до половины по одной из мачт на каждом судне.

Пока они стояли на якоре, будучи весь следующий день заняты откачиванием воды, один корабль из упомянутой эскадры приблизился к ним, подняв английский флаг, на что пираты выкинули красный кормовой флаг, но в переговоры ни те, ни другие вступать не стали. Ночью они оставили маскатские суда, дождавшись ветра с моря[126], снялись с якоря и взяли курс на север, следуя за тою эскадрой. Поутру, около четырех часов, как раз когда те поднимали паруса, ибо ветер задул с берега, пираты приблизились к ним, но не остановились, а, ведя беглый огонь изо всех своих больших и малых пушек, прошли сквозь всю эскадру. Когда же рассвело, они просто оцепенели от ужаса, охватившего их всех, ибо то был флот Ангриа[127]; и могли думать лишь об одном: бежать ли иль по-прежнему следовать за ним? Они сознавали, что силы их недостаточны, ибо имели на обоих кораблях не более 300 человек, и 40 из них – негры; помимо того, на «Виктории» тогда работало четыре насоса, и к тому времени она бы уже неизбежно затонула, если б не ручные насосы и несколько пар подпорок, кои доставлены были с «Кассандры», чтобы выручить «Викторию» и укрепить ее корпус. Но, наблюдая безразличие эскадры, склонились к тому, чтобы следовать за нею, а не бежать, и сочли, что лучший способ спастись – это взять врага на испуг[128]. Итак, когда ветер задул с моря, они подошли с подветренной стороны примерно на пушечный выстрел, так, чтобы большие корабли эскадры были у них по носу, а остальные за кормой; сии последние они приняли за брандеры. И те, что были по носу, ушли от них в открытое море, обрезав шлюпки[129], и им не оставалось ничего более, как следовать тем же курсом всю ночь, что они и сделали, и наутро обнаружили, что те исчезли из виду, кроме одного кеча и немногих галиватов (род небольших судов, в чем-то похожих на средиземноморские фелуки и несущих, как и те, треугольные паруса). Они стали подходить с наветренной стороны, и, заметив сие, команда кеча переправилась на борт галивата, самый же кеч подожгла; другой оказался достаточно проворен и удрал. В тот же день они погнались еще за одним галиватом, направлявшимся с грузом хлопка из Гого в Каликут, и захватили его. Сих людей они расспрашивали об эскадре, полагая, что те должны к ней принадлежать. И хотя те уверяли, что с тех пор, как покинули Гого, не видали ни одного корабля, ни даже лодки, и весьма истово молили о милости, пираты сбросили весь их груз за борт, а им самим сжали суставы тисками, дабы исторгнуть признание. Но поскольку те бедняги были совершенно несведущи, кем и чем могла быть сия эскадра, то не только принуждены были претерпеть эту пытку, но на следующий день, поскольку свежий

восточный ветер изорвал паруса галивата, посажены были всею командою в шлюпку с одним только триселем, без провизии и всего с четырьмя галлонами воды (половина коей была соленая); и затем их оставили так в открытом море выкручиваться как придется.

Дабы прояснить эту историю, может статься, было бы уместно сообщить читателю, кто такой Ангриа и что это была за эскадра, которая так низко себя повела.

Ангриа – знаменитый индийский пират, владеющий значительными силами и территориями, который учиняет постоянное беспокойство европейской (и особенно английской) торговле. Резиденция его – Колаба, в считанных лигах от Бомбея, а еще он владеет островом в виду этого порта, благодаря чему ему часто представляется возможность тревожить Компанию. Было бы не такою неодолимою трудностью подавить его, когда бы не мелководье, препятствующее военным кораблям подойти близко. И лучшее из искусств, в коих он преуспел, – подкуп министров Могола ради получения протекции, когда он находит врага слишком могущественным.

В 1720 году[130] бомбейская флотилия, состоящая из четырех грабов (корабли, построенные Компанией в Индии и имеющие три мачты, а вместо бушприта – нос, как у гребной галеры, грузоподъемностью около 150 тонн; укомплектованы офицерами и вооружением, подобно военным кораблям, для защиты и охраны торговых путей) – «Лондона», «Ченду» и еще двух, а с ними галиваты, кои помимо экипажей несли до 1 000 человек, дабы обстрелять и разгромить Гайру[131] – форт на Малабарском берегу, принадлежащий Ангриа, – что заранее обречено было на неудачу, – возвращалась в Бомбей и, как бы в возмещение, наткнулась на пиратов при обстоятельствах, кои были изложены выше. Капитан Аптон, коммодор сей флотилии, проявив чрезмерную осторожность, воспротивился мистеру Брауну (который был генералом) – дескать, кораблями нельзя рисковать, ибо у них нет приказа губернатора Буна вступать в бой во время плавания; а кроме того, они не имели такового намерения, когда выходили. Так упущена была благоприятнейшая возможность истребить пиратов, что разгневало губернатора, и он передал командование флотилией капитану Макрэ, коему отдан был приказ немедля преследовать пиратов и вступать в бой, где бы он их ни встретил.

Вице-король Гоа, коему помогала бомбейская флотилия Британской Компании, в следующем году попытался ослабить резиденцию Ангриа – Колабу, высадив восемь или десять тысяч человек, причем в тех морях была тогда английская военная эскадра; но, рассмотрев хорошенько фортификации и потеряв часть своей армии из-за болезней и тягот военной службы, благоразумно убрался восвояси.

Я возвращаюсь к пиратам, кои, бросив на произвол судьбы людей с галивата, решили держать путь на юг; и на следующий день между Гоа и Карваром услыхали несколько пушечных залпов, что заставило их встать на якорь и выслать на разведку шлюпку, каковая вернулась около двух часов ночи с известием, что на рейде стоят на якоре два граба. Они снялись с якоря и поспешили к бухте, пока не рассвело (что дало бы грабам возможность заметить их), и прибыли как раз вовремя, чтобы увидеть, как те встали под защитою крепости Индиа Дива[132], вне их досягаемости. Это тем более пришлось пиратам не по вкусу, что они нуждались в воде, и некоторые даже высказались за то, чтобы этою ночью сделать высадку и захватить остров, но, поскольку сие не снискало одобрения большинства, они пустились далее на юг, и следующим на своем пути захватили у рейда Оннора крошечную посудину, всего с одним голландцем и двумя португальцами на борту. Они послали одного из них на берег, к капитану, известить того, что если он снабдит их водою и свежею провизией, то получит свой корабль обратно. И капитан прислал своего помощника Фрэнка Хармлесса с ответом, что если пираты переправят ему его собственность через отмель, он согласится на их требование; предложение сие, как полагал помощник, обусловлено было тайным умыслом, и, поскольку их мнение довольно близко было к мнению Хармлесса (который весьма честно вел с ними переговоры), они решились искать воду на Лаккадивских островах. Итак, отослав оставшихся членов той команды на берег, с угрозою, что капитан сей – последний человек, к которому они проявляют

снисхождение (по причине столь неучтивого обращения), они направились прямо к островам и за три дня достигли их. Где, будучи извещены людьми с менчей[133], кои они захватили (а с ними – коменданта Канварского[134] рейда), что дно меж ними не держит якорей, и ближайший подходящий остров – Мелинда, они послали на берег шлюпки посмотреть, есть ли там вода и живет там кто-нибудь или нет; кои, к их удовлетворению, возвратились с ответом, viz., что там изобилие хорошей воды и много домов, брошенных, однако, мужчинами, которые с приближением кораблей бежали на соседние острова и оставили одних женщин и детей охранять друг друга. Женщин они захватили по своему варварскому обычаю для удовлетворения похоти, а чтобы отомстить мужчинам, вырубили кокосовые деревья и подожгли несколько домов и церквей (полагаю, построенных португальцами, которые прежде останавливались здесь по пути в Индию).

Пребывая на том острове, они потеряли 3 или 4 якоря из-за каменистости дна и свежести ветров и, наконец, принуждены были уйти оттуда по причине сильнейшего шторма, бросив на берегу семьдесят человек, черных и белых, и большинство бочонков с водой. Десять дней спустя они вновь возвратились к острову, погрузили свою воду и взяли на борт людей.

Провизии у них было до крайности мало, и они решили на сей раз посетить своих добрых друзей-голландцев в Кочине, которые, если верить этим разбойникам, никогда не преминут снабдить джентльменов их профессии. Через три дня плавания они достигли траверза Телличери и захватили небольшое судно, принадлежавшее губернатору Адамсу, а шкипера того судна, Джона Тоука, доставили к себе на борт весьма пьяным, и он сообщил, что капитан Макрэ снаряжается в поход, чем поверг их в буйную ярость.

– Ну и негодяй! – говорили они. – Мы обошлись с ним столь учтиво, что дали ему корабль и другие подарки, и после того он вооружается против нас же! Следовало бы его вздернуть. Но раз мы не можем выказать свое негодование ему, давайте вздернем сих собак, его людей, кои желают ему добра и сделали бы то же, будь они свободны.

Рулевой же сказал:

– Если б сие было в моей власти, – и шкиперов, и офицеров кораблей я бы с этой поры прихватывал с собою, только чтобы помучить. Ч[ерт бы подра]л этого Инглэнда!

Оттуда они направились к Каликуту, на рейде коего попытались захватить большой мавританский корабль, но пушки, установленные на берегу, будучи разряжены по ним, их остановили. Мистер Лэсинби, один из офицеров, служивших под началом капитана Макрэ, силою удержанный пиратами, находился в то время под палубой, и капитан пиратов вместе с рулевым велели ему присматривать за гика-брасами, в надежде (ибо они на то рассчитывали), что выстрел сразит его, прежде чем они дадут ему свободу, и допытывались, по какой причине его там не было до сей поры. Когда же он стал оправдываться, пригрозили при подобном небрежении застрелить его; после чего последний, взявшийся увещевать их и требовать высадить его, как то было обещано, на берег, получил немилосердные побои от рулевого. У самого же капитана Тейлора, ставшего ныне преемником Инглэнда, а потому имевшего привилегию проделать сие лично, не было на то возможности, ибо у него были искалечены руки.

На следующий день похода они поравнялись с голландским галиотом, направлявшимся в Каликут с грузом известняка, и на него посадили капитана Тоука и отослали его, и некоторые матросы ходатайствовали за Лэсинби, но тщетно, ибо, как заявили Тейлор и его сторонники, если мы отпустим сию собаку, которая слышала наши замыслы и решения, то расстроим все столь тщательно обдуманные планы, а особенно касаемые поддержки, которой мы ищем ныне у голландцев.

Всего день спустя они прибыли к Кочину, где послали с рыбачьим каноэ письмо на берег. И после полудня, дождавшись бриза со стороны моря, встали на якорь на рейде, салютовав форту 11 залпами с каждого корабля и получивши в ответ то же количество залпов: доброе

предзнаменование того радушного приема, который они здесь нашли; ибо ночью к ним подошла большая лодка, до отказа нагруженная свежей провизией и крепкими напитками, и с нею слуга (некоего влиятельного горожанина), по имени Джон Трампет. Он передал, что им надлежит немедленно сниматься с якоря и плыть далее на юг, где их снабдят всем, что им потребно, будь то корабельные припасы или провизия.

Прошло совсем немного времени, как к борту пристало еще несколько каноэ с черными и белыми горожанами, кои без устали оказывали пиратам всевозможные любезности во все время их стоянки. Так, Джон Трампет доставил им вместительную шлюпку, груженую араком[135], более которого ничто не могло бы их возвеселить (было его там около 90 леджесов[136]), а еще 60 мешков сахару; подношение, думается, от губернатора и его дочери, пираты же отдарились, послав ему в ответ прекрасные настольные часы (украденные на корабле капитана Макрэ), а ей – большие золотые карманные часы, – как бы в залог того, что намереваются щедро расплатиться.

Когда все привезенное было на борту, они расплатились с мистером Трампетом к полному его удовлетворению – а насчитано было на шесть или семь тысяч фунтов стерлингов, – проводили его троекратным «ура» и 11 пушечными залпами с каждого корабля, и пригоршнями бросали ему в шлюпку дукаты, дабы шлюпочная команда сцепилась из-за них.

Ветер тою ночью был слаб, так что с якоря сниматься не стали, и наутро Трампет разбудил их видом новой партии арака и ящиков со штучными тканями и готовым платьем, прихватив с собою также местного сборщика податей. В полдень, когда эти двое все еще были на борту, пираты заметили на юге парус и, снявшись с якоря, пустились в погоню. Но поскольку тот был в выгодном для себя удалении от берега, то успел пройти севернее их и бросил якорь вблизи от форта Кочин. Вышеупомянутые джентльмены уверили их, что с ними не станут связываться, если они захватят то судно даже под самою крепостью, домогаясь купить его, когда оно еще не попало к ним в руки, и советовали идти к берегу, что они храбро и сделали, намереваясь взять его на абордаж. Но когда они подошли к своей дичи на один или два кабельтова и были близко от берега, форт выпалил из двух маленьких пушек, чьи ядра упали рядом с их носом, и они немедленно убрались с рейда, неторопливо направились к югу и ночью бросили якорь на прежнем месте, где Джон Трампет, соблазняя их немного задержаться, сообщил им, что через несколько дней мимо должен пройти очень богатый корабль, коим командует брат генерал-губернатора Бомбея.

Этот губернатор[137] – воплощение иностранной власти. Какие неудобства и унижения должны претерпевать подданные под началом такого правителя, который способен пасть до столь предательских и низменных средств, как сношения и торговля с пиратами, ради собственного обогащения! Определенно, такой человек не остановится ни пред какою несправедливостью, дабы возместить или сколотить состояние. У него под рукою всегда найдется argumentum bacillum[138], и стоит ему захотеть, как за половину времени, потребного на отыскание доводов в пользу противного, он убедит вас, что обман и притеснение – это и есть закон. То, что он использует в сей грязной работе посредников, отражает его чувства вины и стыда, но никоим образом не умаляет преступления. Джон Трампет был орудием; но, как говорила Собака из басни, хоть и по другому случаю: что делалось по приказам хозяина, то – поступки хозяина[139]. Я не мог не задуматься в этой связи, что за подлое правительство было у Санчо Пансы[140]: его не только лишили всех привилегий, но он действительно почти голодал; у него почти каждый день отнимали пропитание, исключительно под предлогом сохранения здоровья его превосходительства. Но правительства различны.

Кое-кто из пиратов стоял за то были, чтобы отправиться от Кочина прямо к Мадагаскару. Другие считали, что было бы вернее крейсировать, пока не удастся захватить судно, груженое припасами, и таких было большинство, а посему они повернули к югу и через несколько дней увидели у берега корабль; но, поскольку он стоял с наветренной стороны от них, они не могли подойти близко, пока ветер дул с моря, ночью же, при благоприятном ветре, они разделились,

направившись один к северу, другой к югу, задумав запереть его между собою. Но, к своему удивлению и противу ожиданий, с наступлением дня вместо дичи обнаружили совсем рядом с собою паруса пяти больших кораблей, кои, тут же давши пиратам сигнал приблизиться, повергли их в крайнее замешательство, особенно тех, что были на корабле Тейлора, ибо напарник его находился поодаль (по меньшей мере, в трех лигах к югу); они устремились друг к другу и объединились, а затем сообща во весь дух устремились от этой эскадры, коей, как они решили, командовал капитан Макрэ, испытав смелость которого, они были бы рады избежать еще одной попытки.

Погоня длилась три часа, и поскольку эскадра не настигла их, за исключением одного граба, помрачневшие лица их вновь прояснились, тем более, что весь остаток дня стоял штиль; а ночью, дождавшись ветра с берега, они устремились прямо в открытое море, и наутро к великому своему облегчению обнаружили, что вся эскадра пропала из виду.

Избежав сей опасности, они вознамерились провести Рождество (Рождество 1720 года) в попойках и беззаботности, и придерживались того решения три дня самым распутным и разгульным образом, не только поедая, но транжиря попусту свои запасы свежей провизии столь гнусно и неосмотрительно, что, сговорившись затем направиться к Маврикию, они во время того перехода сидели на пайке в одну бутылку воды на человека per diem[141] и не более двух фунтов говядины с горсткой риса на десять человек в день; так что, если бы не течь в корабле (который они однажды чуть не покинули, и поступили бы так, не будь у него на борту некоторого количества арака и сахара), большинство из них погибло бы.

В таком состоянии около середины февраля они прибыли на остров Маврикий, залатали обшивку и подремонтировали «Викторию» и 5-го апреля отплыли вновь, оставив на одной из скальных гряд таковую ужасную надпись: «Покинули сие место 5 апреля, дабы идти на Мадагаскар за лаймами[142]», и это, по меньшей мере, означало (как то принято у юристов и деловых людей), что любое посещение того места в их отсутствие должно быть оплачено. Однако поплыли они не прямо на Мадагаскар, а на Маскаренские острова, и столь удачно, как только могли того желать разбойники: по прибытии, восьмого числа, они обнаружили стоявший на якоре португальский корабль о семнадцати пушках, большая часть которых сброшена была за борт, мачты потеряны, и весь он столь искалечен был жестоким штормом, в который попал под 13° южной широты, что стал добычею пиратов после весьма малого сопротивления или вовсе без оного – добычею действительно великолепной, ибо в руки к ним попал Конде де Эрисейра, вице-король Гоа, который пустился в сей бесплодный поход против Ангриа, индийца, а еще на борту были другие пассажиры; сии последние, поскольку они не могли не ведать о сокровищах, бывших на корабле, утверждали, что одних только бриллиантов здесь было на сумму от трех до четырех миллионов долларов.

Вице-король, который в то утро взошел на борт в надежде, что корабли сии английские, взят был в плен и принужден платить выкуп. Но, приняв во внимание его большие убытки (поскольку приз отчасти был его собственностью), они после некоторых колебаний согласились принять 2 000 долларов и высадили его и прочих пленников на берег, посулив оставить им корабль, на коем они смогли бы выбраться отсюда, ибо остров сей, как считалось, не в состоянии был прокормить столь большое число людей. И хотя пираты узнали от них, что с подветренной стороны от острова находится остендер (ранее бывший галерой «Грейхаунд» из Лондона), который они благодаря тому захватили, и имели удобный случай исполнить столь разумную просьбу, однако же послали тот остендер с частью своих людей на Мадагаскар, дабы те разнесли весть об их успехе и заготовили мачты для приза; и немного спустя последовали за ними сами, нимало не заботясь о страдальцах, кои везли с собою на португальском корабле 200 мозамбикских негров.

Мадагаскар – остров, больший, чем Великобритания, основная часть коего располагается внутри тропика Козерога[143], и лежит он к востоку от восточного берега Африки. Он изобилует всякого рода провизией, быками, козами, овцами, домашней птицей, рыбой, сладкими

лимонами, апельсинами, тамариндом, финиками, кокосами, бананами, воском, медом, рисом; а еще, коротко говоря, хлопком, индиго и любыми другими природными дарами, к разведению коих приложили усилия и имеют понятие, как с ними управляться. У них есть также эбеновое дерево – твердое дерево наподобие фернамбукового[144], из которого они делают себе копья; также каучук нескольких видов, эфир, драконова кровь[145], алоэ и т. д. Что самое неудобное, это многочисленные стаи саранчи на суше и крокодилы, или аллигаторы, в реках. Сюда, в бухту Св. Августина, корабли иногда заходят за водою, когда избирают по пути в Индию внутренний пролив и не собираются останавливаться у Иоганны. Наконец, мы могли изучить наблюдения шестого кругосветного путешествия, предпринятого Ост-Индскою Компанией, кои подтверждают то, что ниже говорится относительно течений вообще; что в этом внутреннем проливе, или канале, северные и южные течения сильнее всего там, где пролив уже, а когда пролив опять становится широким после пересечения линии экватора, слабеют и изменяют направление течения по различным румбам компаса.

Со времени открытия сего острова португальцами в 1506 году Р. Х. европейцы, и в особенности пираты, умножили там расу темных мулатов, хотя пока еще малочисленную в сравнении с туземцами, каковые суть негры, с курчавыми короткими волосами, деятельные и прежде представлявшиеся злобными и мстительными, ныне же – сговорчивыми и общительными, может быть, благодаря одолжениям и щедротам в виде одеяний и крепких напитков, кои они время от времени получали от тех парней, что живут с ними в как нельзя более дружеских отношениях, и любой из них может в минуту собрать под своим началом охрану хоть из 2, хоть из 300. Поддерживать сии отношения в интересах самих же туземцев, ибо остров разделен между мелкими правителями и вождями, и осевшие здесь пираты, коих ныне значительное число, причем каждый имеет собственную маленькую крепость, могут получить перевес, какую бы сторону они ни вздумали принять.

Когда Тейлор пришел туда с португальским призом, то обнаружил, что остендер сыграл с их людьми злую шутку, ибо команда его воспользовалась их пьянством, дабы восстать против них, и (как они потом слышали) повела корабль в Мозамбик, откуда губернатор направил его в Гоа.

Придя сюда, пираты почистили «Кассандру» и разделили награбленное, получив по 42 мелких бриллианта на человека, либо покрупнее, но меньше, соответственно их величине. Один невежда, или же весельчак, который получил лишь один бриллиант при том дележе, ибо по ценности он был приравнен к 42 маленьким, очень роптал на судьбу, а после и пошел и разбил его в ступке, и божился потом, что его доля лучше, чем у любого из них, поскольку он разбил его, сказал он, на 43 осколка.

Те, кто не склонен был подвергать риску свои шеи, имея в карманах 42 бриллианта, помимо прочих сокровищ, покончили с разбоем и остались у своих старыми знакомыми на Мадагаскаре, согласно всеобщему соглашению, что старожилы принимают всех. Поскольку у остальных теперь не было резонов иметь два корабля, а «Виктория» протекала, ее сожгли, люди же (столько, сколько захотело) перешли на «Кассандру» под командование Тейлора, коего мы должны оставить на время строящим планы: идти либо в Кочин, дабы отделаться от бриллиантов с помощью своих старых друзей-голландцев, либо в Красное или даже Китайское море, дабы избежать военных кораблей, чье присутствие где-то поблизости словно отдавалось у них в ушах неотступным сигналом тревоги, – и дать маленький отчет, соразмерный нашим возможностям, о той эскадре, которая прибыла в Индию в начале 1721 года.

Будучи в июне на мысе Доброй Надежды, коммодор получил письмо, оставленное ему губернатором Мадраса, которому о том отписал губернатор Пондишерри – французской фактории[146] на Коромандельском берегу, с важным сообщением, что пираты, во время написания оного письма, были весьма сильны в индийских морях, насчитывая одиннадцать парусов и тысячу пятьсот человек, но что многие из них ушли к тому времени к берегам Бразилии и Гвинеи; другие осели и укрепились на Мадагаскаре, Маврикии, Иоганне и Мохилле;

и что другие на корабле под названием «Дракон» захватили под Конденом[147] большой мавританский корабль, шедший из Индии в Мокку, имея на борту тринадцать лакхов[148] рупий (т. е., 1 300 000 полукрон), каковые пираты, поделив награбленное, сожгли свой корабль и приз и спокойно осели среди своих друзей на Мадагаскаре.

Отчет содержал и некоторые другие сведения, кои мы изложили прежде.[– –]Коммодор Мэтьюз[149], получив сие известие и будучи преисполнен рвения к службе, за которую взялся, поспешил к тем островам, как к местам, обещавшим наибольшую надежду на успех; на Св. Марии можно было б завлечь Инглэнда, обещая тому покровительство, если бы он сообщил то, что знал о «Кассандре» и остальных пиратах, и помог вести судно. Но Инглэнд был осторожен и полагал, что сие означало бы сдаться на милость победителя, так что они подняли на борт пушки с сожженного корабля «Джадда», и после того военные корабли рассеялись по разным плаваниям и походам, что, как полагали, скорее прочего принесет успех, – однако тщетно. Тогда эскадра пошла к Бомбею, где обменялась с фортом приветственным салютом[150], и вернулась домой.

Пираты – я имею в виду тех, что на «Кассандре», капитаном коих был теперь Тейлор, – оснастили португальский военный корабль и решились еще на один поход в Индию, невзирая на богатства, которые уже накопили. Но, готовясь к отплытию, они услышали о 4 военных кораблях, которые идут за ними в те моря, а потому изменили свои намерения, поплыли к африканскому материку и стали в маленькой бухте под названием Делагоа, недалеко от реки de Spiritu Sancto[151], на Мономотапском берегу, под 26° южной широты. Они считали, что место сие безопасно, учитывая, что эскадра никоим образом не могла получить о них сведений, поскольку там нет сообщения по суше и не ведется никакой торговли по морю с Мысом[152], где, как полагали военные, они должны были находиться. Пираты пришли туда ввечеру и были застигнуты врасплох несколькими выстрелами с берега, ибо не знали ни о каких укреплениях либо европейских поселениях в этой части света. Итак, ночью они бросили якорь в отдалении от берега, а наутро, заметив маленький форт с шестью пушками, устроили набег на него и разгромили.

Сей форт построен был и заселен Голландскою Ост-Индскою Компанией[153] за несколько месяцев до того, для какой цели, я не знаю, и оставлено в том месте было полтораста человек, каковое число затем сократилось до трети из-за болезней и несчастных случаев, и ни разу за все то время они не получали никакого подкрепления или потребных вещей; так что 16 из тех, что остались, по их нижайшей просьбе, были приняты на борт к пиратам, и все остальные получили бы такое же одолжение (сказали пираты), будь они кто-нибудь другой, а не голландцы. Я упоминаю сие как пример неблагодарности со стороны пиратов, кои столь многим обязаны были соотечественникам тех несчастных за поддержку.

Здесь они оставались около четырех месяцев, занимаясь кренгованием обоих кораблей и исполняя свой отвлекающий маневр в целях безопасности, пока не истребили всю провизию, а затем вышли в море, оставив после себя немалое количество муслина, ситца и тому подобного добра полуголодным голландцам, что позволило тем совершить выгодную сделку со следующими пришлецами, коим они обменяли его на провизию по цене три фартинга за английский ярд.

Они покинули Делагоа в самом конце декабря 1722 года, но, не придя к соглашению, куда и как направиться, решили разделиться, так что те, кто ратовал за продолжение такого образа жизни, взошли на борт португальского приза и взяли курс на Мадагаскар, к своим друзьям, с которыми, как я слышал, они теперь поселились; а остальные взяли «Кассандру» и отплыли в испанскую Вест-Индию. Военному кораблю «Русалка» случилось тогда быть в конвое[154] неподалеку от материка, лигах в 30 от тех пиратов, и он мог бы пойти и напасть на них; но на совещании с хозяевами, чью безопасность он должен был блюсти прежде всего, было решено, что охрана каравана сослужит лучшую службу, нежели уничтожение пиратов, и коммандер с неохотою вынужден был от того воздержаться. Он послал на Ямайку шлюп с донесением,

доставивший его в Ланстон[155] с опозданием всего на день или два, ибо они как раз перед его приходом сдались со всеми своими богатствами губернатору Порто-Белло.

Здесь они осели, дабы тратить плоды своего бесчестного промысла, разделив между собою награбленное и украденное у людей разных наций, без малейшего угрызения совести или раскаяния, убаюкивая свою совесть тою отговоркою, что другие люди делали бы то же самое, имей они такую возможность. Могу сказать лишь, что если б они знали, что в то же время творили в Англии начальники Управления Южных морей и начальники тех начальников, они, конечно, использовали бы это пятно для своего оправдания. viz., что, какие бы разбойничьи деяния они ни совершали, они могут быть совершенно уверены, что они не самые большие подлецы, какие живут на свете.

Трудное дело – совершить подсчет злодейств, совершенных этой командою за пять лет, коих гораздо больше, чем награбленное ими, ибо они часто топили или жгли захваченные суда, если то отвечало их настроению или обстоятельствам, иногда чтобы не допустить передачу сведений, иногда потому, что на кораблях не оставалось достаточно людей, чтобы управлять ими, а в иных случаях из буйства или потому, что они были недовольны поведением шкипера; по любой из сих причин достаточно было молвить слово, и корабли вместе с грузом шли на дно моря.

Со времен своей сдачи испанцам, как мне сообщали, часть их покинула те места и рассеялась кто куда; восьмеро из них нанялись примерно в ноябре прошлого года на один из шлюпов асьенто[156] Компании Южных морей[157], выдав себя за потерпевших кораблекрушение, добрались до Ямайки, а оттуда уплыли на других судах. Я знаю также одного из них, который нынешней весною прибыл с того острова в Англию. Говорят еще, что капитан Тейлор приобрел испанский офицерский патент и командовал военным кораблем, который недавно напал на английские тендеры с сандаловым деревом в Гондурасском заливе.

Жизнь капитана Вейна

Чарлз Вейн был одним из тех, кто завладел серебром, поднятым испанцами с затонувших во Флоридском заливе галеонов[158], и находился на Провиденсе (как уже упоминалось ранее), когда губернатор Роджерс прибыл туда с двумя военными кораблями.

Все пираты, коих он застал в этом гнезде негодяев, покорились и получили свидетельства о помиловании – кроме капитана Вейна с его шайкою, которые, завидев входящие военные корабли, обрубили якоря, предали огню приз, бывший у них в гавани, и отплыли с поднятыми пиратскими флагами, обстреляв при отходе один из военных кораблей.

Через два дня после того побега они встретили шлюп, принадлежавший Барбадосу, который захватили и удержали для своих нужд, направив на борт сего судна команду в двадцать и пять человек под началом некоего Йитса. День или два спустя они натолкнулись на контрабандерское суденышко под названием «Джон и Элизабет», направлявшееся на Провиденс с большим количеством испанских песо на борту, каковое судно они тоже взяли себе. С теми двумя шлюпами Вейн направился к маленькому островку и почистился; там, поделивши добычу, они проводили какое-то время в разгуле, как то в обычае у пиратов.

В самом конце мая 1718 года они пустились в плавание и, поскольку нуждались в провизии, пошли, лавируя, к Наветренным островам, где повстречались с испанским шлюпом, направлявшимся из Порто-Рико в Гавану, который они подожгли, погрузили испанцев в шлюпку и предоставили им добираться до острова, освещая путь собственным их горящим судном. Когда же они легли на курс меж Сент-Кристофером и Ангуильей, то наткнулись на бригантину и шлюп с потребным им грузом; на каковых судах взяли провизию, годную для похода.

Какое-то время спустя, взявши к северу, на пути, коим следуют корабли Старой Англии, идущие к американским колониям, они захватили несколько кораблей и судов, с которых разграбили все, что сочли для себя подходящим, и отпустили их.

В конце августа Вейн со своим напарником Йитсом, будучи мористее Южной Каролины, захватили корабль, приписанный к Ипсвичу, под командованием некоего Коггерсхолла, груженный кампешевым деревом, который, как им подумалось, был вполне подходящим для их дел, и потому приказали своим пленникам взяться за работу и сбросить весь груз за борт; но когда те очистили корабль более чем наполовину, сия прихоть прошла, и им более того корабля не хотелось. Так Коггерсхолл получил свой корабль обратно, и ему дозволено было продолжить свой путь домой. В том плавании разбойники захватили еще несколько кораблей и судов, среди которых шлюп с Барбадоса шкипера Дилла; суденышко с Антигуа шкипера Кока; шлюп, принадлежавший Кюрасао, шкипера Ричардса; и большую бригантину капитана Томпсона, шедшую из Гвинеи, на борту коей было 90 с лишним негров. Пираты ограбили их все, а затем отпустили, негров же перегрузили с бригантины на борт судна Йитса, благодаря чему они снова вернулись к законным владельцам.

Капитан Вейн обращался с сообщником весьма неуважительно, заявляя свое превосходство над Йитсом и его маленькой командою, и рассматривал его судно не иначе как своего посыльного, и тем отвратил их от себя; ибо они-то себя полагали столь же хорошими пиратами и столь же великими негодяями, как и самые лучшие из всех них. Посему они сговорились и решили при первой возможности покинуть ту компанию и принять помилование Его Величества либо действовать самостоятельно, полагая и то, и другое более почетным, нежели быть в услужении у вышеупомянутого; что же до размещения такого множества негров у них на борту, где и так не хватало рук, чтобы еще заботиться об оных, то сие еще усугубило дело, хотя в то время они сочли за лучшее скрывать и подавлять свое возмущение.

День или два спустя, когда пираты стояли на якоре, Йитс в сумерках вытравил якорный канат и поднял паруса на своем судне, взявши курс на берег; Капитан Вейн, увидев сие, был крайне тем раздражен и поднял паруса на своем шлюпе, дабы преследовать напарника, который, как он ясно понял, более не намеревался иметь с ним дел. Бригантина Вейна имела лучший ход, посему он желал принудить Йитса выброситься на берег, и, безусловно, нагнал бы того, будь расстояние немного больше. Но Йитс как раз успел обогнуть отмель, когда Вейн подошел к нему на пушечный выстрел, и дал бортовой залп по своему старому приятелю (каковой залп не нанес тому ущерба), и таким образом с ним распрощался.

Йитс вошел в реку Норт-Эдисто лигах в десяти южнее Чарлзтауна и послал гонца к губернатору, дабы узнать, смогут ли он и его товарищи воспользоваться помилованием Его Величества, если отдадутся на его милость со шлюпом и неграми. Получив на то дозволение, все они явились туда, и им выданы были свидетельства; капитану же Томпсону, у коего были отняты негры, возвратили их, к пользе его хозяев.

Вейн какое-то время крейсировал в море вдоль отмели, в надежде изловить Йитса, когда он снова выйдет, но был в том разочарован. Однако, к несчастью для них, он захватил два корабля из Чарлзтауна, направлявшихся домой в Англию. Случилось так, что как раз в это время были снаряжены два хорошо укомплектованных и вооруженных шлюпа, дабы идти за одним пиратским судном, которое, как известил губернатор Южной Каролины, стало на чистку в реке у мыса Фиар[159]. Но полковник Рет, который командовал шлюпами, встретился с одним из ограбленных Вейном кораблей, каковой возвращался за отмель возобновить припасы, кои были у него отняты, и с того корабля полковнику сообщили, что захвачены были пиратом Вейном, а также, что кто-то из матросов, будучи в плену у них на борту, слышал, как пираты говорили, будто сделают привал в одной из лежащих на юге рек. Рет изменил свое первоначальное намерение, и вместо того, чтобы направиться к северу на поиски пирата в реке у мыса Фиар, поворачивает к югу за Вейном; тот же приказал распустить таковые сообщения, дабы направить погоню, которая могла бы пуститься за ним, по ложному следу; ибо в действительности он взял курс на север, так что преследователи направились в противоположную сторону.

Разговор полковника Рета с тем кораблем был самым неудачным из всего, что могло случиться, ибо он сбил его с пути, который, по всей вероятности, привел бы его к Вейну, а также и к пиратскому кораблю, за коим он направился; таким образом он бы мог уничтожить обоих, тогда как из-за того, что полковник пошел другим путем, он не только потерял возможность встретиться с первым, но, если бы второму не взбрело в голову простоять шесть недель кряду у мыса Фиар, упустил бы и его тоже. Однако полковник, несколько дней безуспешно пошарив по рекам и бухтам в тех местах, на кои было ему указано, в конце концов поплыл исполнять свой первоначальный план, и таким образом встретил пиратский корабль, каковой разбил и захватил, как о том уже говорилось в истории майора Боннета.

Капитан Вейн пошел к северу, в бухту[160], где повстречался с капитаном Тэтчем, или Тичем, прозываемым иначе Черная Борода, коего приветствовал (когда узнал, кто это) залпом своих больших пушек, заряженных ядрами (как то в обычае у пиратов, когда они встречаются), которые палили вдаль или в воздух. Черная Борода отвечал на салют таким же образом, и взаимный обмен любезностями продолжался несколько дней. Когда же начался октябрь, Вейн распрощался и отплыл далее на север.

23-го октября, мористее острова Лонг-Айленд[161], он захватил маленькую бригантину, шедшую с Ямайки в Салем (Новая Англия), шкипера Джона Шеттока, и маленький шлюп; обчистивши бригантину, они отпустили ее. Вслед за тем они решили крейсировать между мысом Майси и мысом Николас[162], где провели некоторое время, не видясь и не переговариваясь ни с одним судном, и так было до самого конца ноября. Затем они напали на корабль, ожидая, что тот сдастся, лишь только они поднимут свой черный флаг; но вместо того он дал по пиратам бортовой залп и поднял флаг, по коему стало ясно, что это французский военный корабль. Вейн предпочел не иметь с ним дальнейшей беседы, а вместо того привел паруса к ветру и направился прочь от француза; но месье, желая поближе с ним познакомиться, поднял все паруса и погнался за ним. Пока продолжалась сия погоня, пираты разделились во мнении, как им далее поступить. Вейн, капитан, стоял за то, чтобы убираться как можно скорее, утверждая, что сей военный корабль слишком силен и что справиться с ним не удастся. Но некий Джон Рэкхэм, бывший офицером, имевшим нечто вроде права контроля над капитаном, выступил в защиту противоположного мнения, говоря, что хотя у француза больше пушек и железо его весит больше, они могли бы взять его на абордаж, и тогда пусть продолжат сей день те, кто окажется лучше. Рэкхэм имел сильную поддержку и большинство было за абордаж; Вейн, однако, настаивал, что это слишком необдуманное и отчаянное предприятие, военный корабль кажется вдвое превосходящим их по силе. И что бригантину их могут пустить на дно прежде, чем они смогут забраться к нему на борт. Помощник капитана, некто Роберт Дил, был одного мнения с Вейном, и с ним еще около пятнадцати человек, все же прочие присоединились к старшине-рулевому Рэкхэму. В конце концов, дабы разрешить сей спор, капитан применил свою власть, каковая в таких ситуациях абсолютна и неподконтрольна, по пиратским законам, viz.: в битве, погоне или бегстве. Во всех же прочих случаях, каковы бы они ни были, капитан подвластен большинству команды. Так что бригантина, показав французу пятки, как они сие называют, убралась от греха подальше.

Но на следующий день капитан Вейн за таковое поведение принужден был подвергнуться испытанию голосованием, и решение было вынесено против его чести и достоинства, ибо он заклеймен был именем труса, отстранен от командования и исключен из команды, отмеченный позором; и с ним ушли все, кто не голосовал за абордаж французского военного корабля. У них был с собой маленький шлюп, захваченный незадолго до того, и они дали его Вейну и изгнанным с ним товарищам; а чтоб те в состоянии были обеспечить себя собственными прилежными стараниями, дозволили им взять с собою достаточное количество провизии и оружия.

Джон Рэкхэм был избран капитаном бригантины вместо Вейна и направился к Карибским островам[163], где мы должны покинуть его, пока не окончим историю Чарлза Вейна.

Шлюп поплыл к Гондурасскому заливу, и Вейн со своею командой по пути привел его в наилучшее состояние, какое только было возможно, дабы продолжить старое ремесло. Они плыли от северо-западного берега Ямайки дня два или три и захватили шлюп и два питиагра, и все люди с тех судов перешли к ним. Шлюп они сохранили за собою, и Роберт Дил пошел на него капитаном.

16 декабря два сии шлюпа пришли в залив, где нашли лишь одно стоявшее на якоре судно под названием «Жемчужина», с Ямайки, шкипера Чарлза Роулинга, которое при виде их подняло паруса. Но пиратские шлюпы подошли близко к Роулингу и не поднимали флага, когда же он дал по ним один или два залпа, они подняли черный флаг и дали по «Жемчужине» по три залпа каждый. Она сдалась, и пираты овладели ею, и отбуксировали к островку под названием Барнако, и там устроили стоянку для чистки и починки, по пути же встретили шлюп с Ямайки под командованием капитана Уоллдена, шедший в залив, который также захватили.

В феврале Вейн отчалил с Барнако, намереваясь совершить поход; но не прошло нескольких дней, как тот завершился: Вейна настиг мощный тайфун, который разлучил его с напарником и после двух дней мучений выбросил шлюп на маленький необитаемый остров невдалеке от Гондурасского залива, где тот разбился вдребезги, а большинство людей утонуло. Сам Вейн спасся, но исхудал, словно щепка, ибо нуждался в припасах, не имея возможности выловить хоть что-нибудь среди обломков. Он прожил здесь несколько недель, и силы его поддерживали главным образом рыбаки, кои являлись на тот остров с материка на мелких суденышках, дабы ловить черепах etc.

Пока Вейн пребывал на том острове, к нему пристал за водою корабль с Ямайки, капитан коего, некий Холфорд, старый буканьер[164], случайно оказался знакомым Вейна. Тот же подумал, что это хороший случай выбраться отсюда, и обратился к старому приятелю с таковою просьбой. Но тот решительнейшим образом отказал ему, сказавши:

– Чарлз, я не доверю тебе сесть на мой корабль – разве только повезу тебя как пленника; ибо ты затеешь заговор с моими людьми, стукнешь меня по голове и убежишь на моем корабле пиратствовать.

Вейн убеждал его всеми доводами чести, какие только есть на свете. Но, как кажется, капитан Холфорд был слишком близко с ним знаком, чтобы хоть сколько-нибудь полагаться на его слова и клятвы. Он сказал Вейну, что он мог бы легко найти способ выбраться, если бы захотел.

– Сейчас я иду в залив, – сказал он, – и вернусь сюда примерно через месяц. И если обнаружу тебя на острове, когда приду обратно, то отвезу на Ямайку и повешу.

– Как я могу отсюда выбраться? – спрашивает Вейн.

– Разве нет на побережье рыбачьих плоскодонок? Разве не можешь ты взять одну из них? – отвечал Халфорд.

– Что? – говорит Вейн. – Ты хочешь, чтобы я украл плоскодонку? И твоя совесть это допускает?

Халфорд сказал:

– Украсть плоскодонку, когда ты был обычным разбойником и пиратом, кравшим корабли и грузы и грабившим всех добрых людей, которые попадались тебе на пути? Оставайся же здесь, и д[ьявол тебя забер]и, коли ты такой разборчивый!

И с тем покинул его.

После того, как капитан Холфорд отчалил, другой корабль, возвращаясь домой, также пристал к тому острову за водою; никто из его команды не знал Вейна, и он легко выдал себя за другого человека и таким образом нанят был на корабль на время плавания. Можно бы подумать, что Вейн теперь был в полной безопасности и, похоже, избежал судьбы, коей заслуживал за свои преступления. Но тут произошла неблагоприятная для него случайность,

которая все испортила. Холфорд, возвращаясь из залива, встретился с тем кораблем. Поскольку капитаны отлично были знакомы друг с другом, Холфорд был приглашен отобедать на его борту, что он и сделал. И когда он проходил в каюту, ему случилось бросить взгляд вниз, в трюм, и там он увидел Чарлза Вейна за работою. Он немедленно заговорил с капитаном, и сказал ему:

– Знаете ли вы, кто попал к вам на борт?

– Почему вы спрашиваете? – говорит тот. – На таком-то острове я нанял человека, торговый шлюп коего выбросило на берег; у него, кажется, проворные руки.

– Говорю вам, – молвил Холфорд, – это Вейн, известный пират.

– Если это он, – отвечал другой, – я бы не хотел его задерживать.

– Ну что ж, – говорит Холфорд, – тогда я пришлю людей, возьму его к себе на борт, а на Ямайке сдам.

На том они и согласились. Капитан Холфорд, вернувшись к себе на корабль, тут же послал в шлюпке своего помощника при оружии, тот же, подойдя к Вейну, показал ему пистоль и объявил, что он его пленник. На что он безропотно позволил доставить себя на борт и заковать в железа. Когда же капитан Холфорд прибыл на Ямайку, то передал старого своего приятеля в руки правосудия. В каковом месте тот был судим, признан виновным и казнен – так же, как незадолго до того сообщник Вейна, Роберт Дил, доставленный туда одним из военных кораблей.

Жизнь капитана Рэкхэма

Сей Джон Рэкхэм, как говорилось уже в предыдущей главе, был старшиной-рулевым в команде Вейна, покуда она не разделилась и Вейн не был низложен после того, как отказался пойти на абордаж и сразиться с французским военным кораблем. Тогда-то Рэкхэм и был избран капитаном той части команды, что осталась на бригантине. Первым днем его капитанства стало 24 ноября 1718 года, и в первом же походе (а было то меж Карибскими островами) он захватил и разграбил несколько судов.

Мы уже отмечали, что, когда капитан Вудс Роджерс прибыл к острову Провиденс, привезя королевское прощение тем из пиратов, кои сдадутся добровольно, бригантина, которой ныне командовал Рэкхэм, ускользнула через другой пролив, пренебрегши тою милостью.

С наветренной стороны от Ямайки пиратам подвернулся некий корабль с Мадейры, который они удерживали два или три дня, вымогая за него выкуп, а после возвратили его шкиперу, и даже позволили некоему Осии Тисделлу, содержателю таверны на Ямайке, плененному ими на одном из захваченных призов, отбыть на том корабле, ибо он направился к этому острову.

После того похода они пристали к маленькому островку, дабы почистить корабль, и провели Рождество на берегу, пьянствуя и пируя, покуда у них оставалось спиртное, а затем вновь вышли в море, чтобы добыть еще, в чем преуспели сверх меры, хоть и не захватывали сколь-нибудь выдающегося приза два месяца с лишком, если не брать в расчет корабля, нагруженного ворами из Ньюгейта[165] и направлявшегося на плантации[166], который через несколько дней взят был со всем своим грузом обратно английским военным кораблем.

Рэкхэм вышел в открытое море, направляясь к Бермудским островам, и захватил корабль, следовавший из Каролины в Англию, и маленький пинк из Новой Англии, и доставил сии призы на Багамские острова, где с помощью вара, смолы и иных припасов вновь почистили, починили и снарядили свое судно; но поскольку они пробыли слишком долго в тех краях, капитан Роджерс, бывший губернатором Провиденса, прослышав о захвате тех судов, выслал шлюп, с большою командою и хорошо вооруженный, который отбил оба приза, пиратам же между тем посчастливилось ускользнуть.

С островов сих они устремились в глухую местность на Кубе, где у Рэкхэма было некое подобие семьи, в каковом месте прозябали долгое время, живя на берегу со своими Далилами[167], пока деньги их и провизия не истощились, а тогда рассудили, что настала пора сделать вылазку. Они вернулись на судно и стали было готовить его к выходу в море, когда явилась Гуарда-дель-Коста[168], имея с собою небольшой английский шлюп, который захватила близ побережья как контрабандное судно. Испанский патрульный корабль атаковал пиратов, но (поскольку Рэкхэм укрылся между берегом и маленьким островком) мог совершать лишь весьма ограниченные маневры там, где находился, посему испанцы ввечеру взялись верповать свой корабль в сей канал, дабы наутро действовать наверняка. Рэкхэм, находя положение свое безнадежным и едва ли видя возможность убежать, решился испробовать следующую выдумку. Испанский приз стоял ради вящей безопасности близко к суше, между островком и материком[169]. Рэкхэм сажает в шлюпку свою шайку, снаряженную пистолями и абордажными саблями, огибает островок и нападает на сей приз, молча, самою глухою ночью, и при том остается необнаруженным, ибо говорит испанцам, бывшим на борту, что если те молвят хоть слово или издадут малейший звук, то быть им мертвецами; и так завладел кораблем. Проделав сие, он обрезал якорь и вышел в море. На испанском же военном корабле так увлечены были предвкушением добычи, что не мыслили более ни о чем, и, как только занялся день, обрушили неистовый огонь на пустой шлюп, однако малое время спустя верно оценили положение дел и выбранили себя дураками, ибо изо рта у них вырвали богатую и лакомую добычу, не оставив взамен ничего, кроме старой, пробитой ядрами развалюхи.

Рэкхэм со своею командою, напротив, не имел причин быть недовольным обменом, который позволил им продлить на какое-то время тот образ жизни, что отвечал их испорченным нравам. В августе 1720 мы вновь обнаруживаем его в море, рыскающим по гаваням и бухтам севера и запада Ямайки, где он захватил несколько мелких суденышек, бывших невеликою добычей для разбойников – но в шайке у них было в ту пору лишь несколько человек, и потому они принуждены были вести мелкую игру, покуда не возрастет в числе их команда.

В начале сентября они захватили у острова Харбор семь или восемь рыбачьих лодок, присвоили бывшие в них сети и иной такелаж, а затем удалились оттуда к французской части Эспаньолы, и высадились, и угнали там скотину, а еще прихватили двух или трех французов, коих нашли на самом берегу, куда те отправились поохотиться вечером на диких свиней. По согласию ли взошли французы к ним на борт, по принуждению ли – о том мне неведомо.

После того они разграбили два шлюпа и вернулись на Ямайку, у северного же побережья означенного острова, недалеко от залива Порто-Мария[170], захватили шхуну, шкипером коей был Томас Спенлоу; случилось сие, стало быть, 19 октября. На следующий день Рэкхэм, завидев в заливе Сухая Гавань шлюп, подошел к берегу и произвел залп. Все бывшие на шлюпе бежали на берег, и он захватил оный шлюп вместе с поклажею, когда же на берегу увидали, что это пираты, то окликнули шлюп и дали понять, что желают подняться к ним на борт.

Таковое плавание Рэкхэма вдоль побережья сего острова оказалось роковым для него, ибо о его походе уведомили губернатора люди с каноэ, коих он застал врасплох на берегу залива Очо; после чего тут же снарядили шлюп под командою капитана Барнета, с немалым числом рук на борту, и отправили вкруг острова пирату навстречу. Рэкхэм же, огибая остров и приблизившись к западной его оконечности, называемой мыс Негрил, заприметил маленький питиагр, команда коего при виде шлюпа изменила курс и высадилась на берег; когда же один из них окликнул пиратов, те отвечали, что они англичане и приглашают людей с питиагра к себе на борт распить чашу пунша, что те и не преминули сделать, и в соответствии с тем вся компания, а было их 9 человек, в недобрый для себя час взошла на борт пиратского судна; они были вооружены мушкетами и абордажными саблями, каково же было их истинное намерение, когда они поступали так, не берусь сказать. Но не успели они сложить свое оружие и взяться за трубки, как показался шлюп Барнета, который охотился за Рэкхэмом.

Пираты, обнаружив, что он направляется прямиком к ним, устрашились исхода событий, снялись с якоря, который только было бросили, и отплыли. Капитан Барнет погнался за ними и, имея то преимущество, что ветер, дувший с суши, был слабым и дул порывами, поравнялся с ними и после весьма короткой стычки захватил и доставил в Порт-Роял на Ямайке.

Недели через две после того, как пленные доставлены были на берег, viz. 16 ноября 1720 года, в Сантъяго-де-ла-Вега созван был суд Адмиралтейства, пред лицом коего следующие лица были осуждены, и председатель, сэр Николас Лоус, вынес им смертный приговор, viz.: Джон Рэкхэм, капитан; Джон Фезерстон, штурман; Ричард Корнер, старшина-рулевой; Джон Дэвис, Джон Хауэлл, Патрик Кэрти, Томас Эрл, Джемс Доббин и Ной Харвуд. Первые пятеро казнены были на следующий день на мысу Гэллоуз у города Порт-Роял, остальные – днем позже в Кингстоне; тела Рэкхэма, Феверстона[171] и Корнера после того были сняты и вновь подвешены на цепях: один на Свинцовом Мысу, другой на Кустарниковом рифе, третий же на Пушечном рифе.

Но что было весьма удивительно, так это осуждение девяти человек, кои взошли на борт шлюпа в тот самый день, когда он был захвачен. Их судили после отсрочки заседания суда, 24 января, все это время, как можно предположить, ожидая появления свидетельских улик, дабы доказать, что они взошли на борт с пиратскими намерениями; ибо, как представляется, они не совершали пиратских действий, как явствовало из показаний свидетелей против них, коими были два француза, захваченные Рэкхэмом невдалеке от острова Эспаньола[172], и под присягой показавших следующее:

– Что заключенные ныне под стражу, viz. Джон Итон, Эдвард Уорнер, Томас Бейкер, Томас Квик, Джон Коул, Бенджамен Палмер, Уолтер Роуз, Джон Хансон и Джон Говард, взошли на борт пиратского шлюпа у мыса Негрил, Рэкхэм же посылал для того на берег свое каноэ. Что они принесли с собой на борт ружья и абордажные сабли. Что когда капитан Барнет настиг их, некоторые пили, а другие гуляли по палубе. Что с пиратского шлюпа велась пальба из пушек и ручного оружия по шлюпу капитана Барнета, когда тот настиг их; и что когда шлюп капитана Барнета открыл стрельбу по шлюпу Рэкхэма, оные заключенные под стражу спустились в трюм. Что в то время, когда капитан Барнет настиг их, некоторые из оных заключенных под стражу (но которые именно, он не мог сказать) помогали гребцам на шлюпе, дабы уйти от Барнета; что все они, как представляется, были в сговоре.

Вот, по сути, и все, что свидетельствовали против них, узники же отвечали в свою защиту:

– Что у тех французов нет свидетелей. Что они купили питиагр, дабы охотиться на черепах; и будучи у мыса Негрил и только успев сойти на берег, завидели шлюп с белым вымпелом, приближающийся к ним, после чего они взяли свое оружие и укрылись в кустах. Что один из них окликнул шлюп, с коего ответствовали, что они англичане и желают пригласить их взойти на борт и распить чашу пунша; от чего они сперва отказались, но после долгих увещеваний отправились на шлюп в присланном с оного каноэ, собственный же питиагр оставили на якоре. Что не пробыли они на борту и малого времени, как показался шлюп капитана Барнета. Что Рэкхэм велел им помочь живо поднять якорь, от чего они все отказались. Что Рэкхэм применил насилие, дабы принудить их; и что когда капитан Барнет настиг их, они с готовностью и охотою сдались.

Когда узники доставлены были из тюрьмы и публику удалили из зала, суд рассмотрел их, узников, дела, и большинство членов комиссии пребывало во мнении, что все они виновны в пиратстве и уголовном деянии, а именно: переходе с пиратскими и уголовными намерениями к Джону Рэкхэму и иже с ним отъявленным пиратам, и по той причине они сами признаны за таковых, и всем им вынесли смертный приговор; что, как всякому должно признать, оказалось несколько несчастливым для бедных малых.

17 февраля Джон Итон, Томас Квик и Томас Бейкер казнены были на мысу Гэллоуз, что у Порт-Рояла, а на следующий день Джон Коул, Джон Говард и Бенджамен Палмер казнены были в Кингстоне; казнили позднее оставшихся троих или нет, мне неведомо.

Судимы были также две женщины-пирата, принадлежавшие к шайке Рэкхэма, и, будучи осуждены, вызваны были в суд и спрошены, может ли кто из них объявить нечто такое, отчего ее смертный приговор не следует исполнять, как то было уже сделано с прочими; и обе указали на свои животы, ибо каждая носила под сердцем дитя, и просили, чтобы казнь была отложена, после чего суд вынес приговор, какой следует пиратам, но направил их обратно в тюрьму, покуда не будут назначены подходящие присяжные, дабы разобрать дело.

Жизнь Мэри Рид

Теперь нам должно начать историю, полную удивительных поворотов и приключений; я имею в виду историю Мэри Рид и Энн Бонни по прозвищу Красотка, как в действительности звали этих двух женщин-пиратов. Странные события их скитаний таковы, что кое-кто может поддаться искушению счесть весь рассказ не более чем новеллою или романом. Но поскольку ее подтверждают многие тысячи свидетельств – я разумею жителей Ямайки, кои присутствовали при их злоключениях и слышали истории их жизней после того, как впервые обнаружился их истинный пол, – правдивость сего может быть оспорена не более, чем то, что были на свете такие люди, как Робертс и Черная Борода, кои были пиратами[173].

Мэри Рид родилась в Англии, мать ее молоденькой девушкой вышла замуж за человека, который имел отношение к морю и, уйдя в плавание вскоре после женитьбы, оставил ее тяжелой, и она разрешилась мальчиком. Что до супруга, потерпел ли он крушение или умер в пути, Мэри Рид не могла сказать; однако он более не вернулся, и все же мать, бывшая совсем молодою и ветреною, столкнулась со случайностью, каковые часто приключаются с женщинами молодыми и не слишком осмотрительными; а именно с тем, что она скоро вновь оказалась с ребенком – без мужа, который был бы ему отцом, но как или от кого, никто, кроме нее, не мог сказать, ибо она пользовалась довольно хорошею репутацией среди соседей. Обнаружив, что бремя ее растет, она, дабы скрыть свой позор, устраивает формальный уход от родных мужа, объявив тем, что отправляется жить к своим друзьям в деревню. В соответствии с сим планом она уехала и увезла с собою маленького сына, коему в то время было меньше года. Вскоре после отъезда сын умер, но Провидение, в возмещение того, соблаговолило дать ей дочь, которою она благополучно разрешилась в своем убежище; это и была наша Мэри Рид.

Здесь мать жила три или четыре года, пока те деньги, что у нее были, почти все не вышли. Тогда она задумалась о возвращении в Лондон, а принимая во внимание, что мать ее мужа была довольно зажиточной, она не сомневалась, что смогла бы уговорить ту обеспечивать ребенка, если бы только можно было выдать его за того, который был прежде, но превращение девочки в мальчика казалось трудным делом, а обмануть искушенную старую женщину в таком вопросе было почти невозможно. Однако она рискнула одеть дочь как мальчика, привезла ее в город и представила свекрови как сына своего мужа. Старуха хотела было взять его к себе на воспитание, но мать сделала вид, что если она расстанется с ним, то сие разобьет ее сердце. Потому между ними было решено, что ребенок будет жить с матерью, а мнимая бабушка станет выплачивать по кроне в неделю на его содержание.

Таким образом мать достигла своей цели, и воспитывала свою дочь как мальчика, а когда та в определенном смысле выросла, сочла, что ее надлежит посвятить в тайну ее рождения, дабы побудить скрывать свой истинный пол. Случилось так, что бабушка умерла, по каковой причине поддержка, исходившая с той стороны, прекратилась, и они все более и более стеснены были в обстоятельствах. В связи с чем она принуждена была отдать дочь в услужение некоей французской даме, в качестве пажа, и в то время ей было отроду тринадцать лет. Здесь она не прожила долго, ибо, выросши дерзкой и сильной и имея склонность к бродяжничеству, самочинно поступила на военный корабль, где прослужила какое-то время, затем покинула и

его, перешла к фландрийцам[174] и вступила кадетом в пехотный полк. И во время всех боевых действий вела себя с превеликою храбростью, но все же не могла получить офицерского чина, ибо почти все они покупались и продавались. Посему она оставила службу в пехоте и перешла в кавалерийский полк, где так хорошо проявила себя в нескольких схватках, что снискала уважение всех своих офицеров. Но поскольку ее сотоварищ, фламандец, по случайности оказался красивым парнем, то она в него влюбилась, и с того времени стала несколько пренебрегать своим долгом, так что, кажется, Марсу и Венере невозможно служить одновременно. Оружие ее и экипировка, кои всегда содержались в наилучшем порядке, были теперь в полном небрежении; правда, если товарища ее назначали в разъезд, она обычно шла туда без приказания и часто ввергала себя в опасности там, где дело ее не касалось, лишь бы быть рядом с ним. Остальные кавалеристы, подозревая тайную причину, побуждавшую ее к таковому поведению, вообразили, что она сошла с ума, а сам ее товарищ не мог объяснить сей странной перемены в ней, но любовь изобретательна, и, поскольку они спали в одной палатке и постоянно были вместе, она нашла способ дать ему обнаружить ее истинный пол, не подавая виду, что сие было проделано намеренно.

Он же был весьма удивлен тем, что обнаружил, и сие доставило ему немалое удовольствие, ибо он считал само собою разумеющимся, что ему должно иметь любовницу для себя одного, что в военном походе есть вещь необычная, поскольку здесь редко встретишь одну из тех самых полковых леди, и это в равной мере верно и для кавалерии, и для пехоты; итак, он не думал ни о чем, кроме как об удовлетворении своей страсти без особых церемоний. И тут обнаружилось, что он здорово ошибся, ибо она оказалась очень сдержанной и скромной и отвергла все его притязания, и в то же время была столь любезною и вкрадчивою в обхождении, что совершенно переменила его намерения, так что, удалясь от мысли сделать ее своею любовницей, он теперь добивался ее в жены.

Сие было величайшим желанием ее сердца; короче говоря, они обменялись обещаниями, и когда кампания закончилась и полк отправился на зимние квартиры, они купили для нее женские одеяния на такую сумму, какую только могли набрать совокупно, и в открытую поженились.

Россказни о двух кавалеристах, вступающих друг с дружкою в брак, наделали много шума, так что некоторых офицеров любопытство побудило принять участие в церемонии, и они сговорились меж собою, что каждый из них сделает невесте небольшой подарок для обзаведения домашним хозяйством, из уважения к тому, что она была их товарищем-солдатом. Будучи таким образом обеспечены, они, как оказалось, возымели желание оставить службу и обосноваться в миру; невероятная история их любви и брака снискала им столь великое расположение, что они легко получили отставку и тут же открыли харчевню, или кофейню, где подавались дежурные блюда; она имела вывеску «Три подковы» и была подле замка Бреда, где их дело вскорости пошло на лад, ибо очень многие офицеры стали обедать у них постоянно.

Но счастье их продолжалось недолго, ибо муж скоро умер, а поскольку подписан был Рисвикский мир[175], офицеры более не посещали Бреду, как то было раньше; так что вдова, имея скудную торговлю или вовсе оной не имея, принуждена была закрыть свое заведение, а поскольку ее сбережения мало-помалу совсем истощились, она вновь облачается в мужское платье и, приехав в Голландию, нанимается там в пехотный полк, расквартированный в одном из приграничных городов. Здесь она долго не осталась, а, так как в мирное время продвижение по службе едва ли было возможно, решилась искать счастья другим путем; и, уволившись из полка, села на судно, направлявшееся в Вест-Индию.

Случилось так, что этот корабль захвачен был английскими пиратами, а поскольку Мэри Рид была единственною на борту английской подданной, они оставили ее себе, судно же, разграбив, отпустили. После того они занимались сим ремеслом еще какое-то время, пока не вышел королевский указ, который оглашен был во всех уголках Вест-Индии, о помиловании тех пиратов, кои добровольно сдадутся к определенному дню, там объявленному. Команда

Мэри Рид воспользовалась тем указом и, сдавшись, спокойно жила на берегу; но, ощутивши стесненность в средствах и прослышав, что капитан Вудс Роджерс, губернатор острова Провиденс, снаряжает нескольких приватиров в поход против испанцев, она и еще несколько других сели на корабль и отправились на тот остров, в надежде прожить за счет приватирства, ибо решили обрести удачу не одним путем, так другим.

Не успели сии приватиры снарядиться, как на некоторых те матросы, кои ранее были помилованы, взбунтовались против командиров и обратились к старому своему ремеслу. В их числе была и Мэри Рид. Правда, она часто заявляла, что всегда питала отвращение к пиратской жизни, и вела таковую лишь по принуждению и на сей раз, и прежде, намереваясь оставить ее, как только представится удобный случай. Однако некоторые из тех, кто свидетельствовал против нее на суде, а то были люди, взятые силою и плававшие вместе с нею, показали под присягой, что в бою не бывало никого решительнее ее и Красотки Энн – шла ли речь о готовности пойти на абордаж или об ином рискованном деянии; а особенно в том бою, когда их атаковали и захватили, ибо, когда корабли оказались в тесном соседстве, никто не остался оборонять палубу, кроме Мэри Рид, Красотки Энн и еще одного. После чего она, Мэри Рид, призвала тех, кто был под палубою, выходить и драться, как подобает мужчинам, и, обнаружив, что они даже не пошевелились, разрядила свое оружие в трюм, в самую толпу, одного убив, а иных ранив.

Сию часть свидетельств против себя она отрицала; но, верны они или нет, несомненно то, что она не искала славы храбреца, и более того, оставалась замечательно скромною, в соответствии со своими понятиями о добродетели. Ее истинный пол едва ли заподозрен был хоть одним человеком на борту, пока Красотка Энн, которая отнюдь не была столь сдержанною в том, что касалось целомудрия, не прониклась к ней особою симпатией; короче говоря, Красотка Энн приняла ее за пригожего юношу и по каким-то причинам, ей лучше известным, первой открыла свой истинный пол Мэри Рид. Мэри Рид, зная, с чем ей придется столкнуться и чувствуя явную свою несостоятельность в этом отношении, принуждена была подвести ее к пониманию истины и, к великому разочарованию Красотки Энн, дала ей понять, что и она тоже женщина; их сближение, однако, так встревожило капитана Рэкхэма, бывшего любовником и кавалером Красотки Энн, что в нем поднялась бешеная ревность, почему он заявил Красотке Энн, что перережет глотку ее новому любовнику, а потому, дабы успокоить его, она посвятила в тайну и его.

Капитан Рэкхэм (поскольку он был связан обещанием) хранил дело втайне от всей команды корабля, однако же, несмотря на всю хитрость и сдержанность Мэри, любовь отыскала ее и в мужском обличии, не позволив забыть про свой истинный пол. В том походе они захватили множество судов, кои принадлежали Ямайке и другим краям Вест-Индии, направлявшихся в Англию или из Англии; и если им попадался какой-нибудь искусный мастер, или иной человек, который мог бы так или иначе принести многую пользу их команде, то, когда он не изъявлял желания присоединиться к ним по своей воле, у них в обычае было удержать его силою. Среди таковых искусников был юноша, весьма привлекательный и обходительный, или, во всяком случае, бывший таковым в глазах Мэри Рид, которая настолько сражена была его внешностью и обращением, что не могла обрести покоя ни днем, ни ночью. Но поскольку нет ничего изобретательнее любви, то для нее, уже искушенной в сих уловках, не составило большого труда изыскать способ обнаружить перед ним свой истинный пол. Вначале она обрела его доверие, высказываясь против пиратской жизни, к коей он питал совершенное отвращение, так что они стали сотрапезниками и близкими приятелями. Когда же она убедилась, что он питает к ней искреннюю мужскую дружбу, то позволила ему свершить открытие, неосторожно явив его взору свои белоснежные груди.

У юноши, который был из плоти и крови, зрелище сие возбудило такое любопытство и желание, что он не переставал изводить ее расспросами, покуда она не призналась, кто она. Теперь начинается сцена любви. Пока она скрывалась под вымышленною личиною, он питал

к ней приязнь и почтение, теперь же они превратились в обожание и желание; ее страсть была не менее сильна, и она выразила ее, возможно, одним из самых великодушных деяний, какие когда-либо внушала любовь. Случилось так, что тот юноша поссорился с одним из пиратов, а поскольку их корабль стоял тогда на якоре близ некоего острова, они решили сойти на берег и сразиться, согласно обычаю пиратов. Мэри Рид была до крайности обеспокоена и встревожена судьбою своего возлюбленного. Ей не хотелось бы, чтобы он не принял вызов, ибо не вынесла бы мысли, что его заклеймят как труса; с другой же стороны, она страшилась исхода события, предчувствуя, что тот задира окажется для него слишком силен. Когда любовь поселяется в груди того, кто обладает даже проблесками великодушия, она побуждает сердце к самым благородным поступкам; оказавшись пред лицом сей дилеммы она доказала, что печется более о его жизни, нежели о собственной, ибо решила сама поссориться с тем задирою и, пригласив его на берег, назначила время на два часа раньше того, когда он должен был встретиться с ее возлюбленным, и в указанный час билась с ним на саблях и пистолях и убила на месте.

Правда, ей случалось биться и раньше, когда ее задевал кто-нибудь из этих парней, но теперь причиной всему был ее возлюбленный, и она была как бы препоною меж ним и Смертью, словно не могла без него жить. Если б до той поры он не обращал на нее внимания, поступок сей навсегда привязал бы его к ней. Но в этом случае не было нужды привязывать или обязывать, ибо его склонность к ней была достаточно сильна. В общем, они дали друг другу обеты, что, по словам Мэри Рид, по совести нужно считать столь же истинным браком, как тот, что свершает священник в церкви. И тем объясняется большой живот, коим она отговаривалась, дабы спасти свою жизнь.

Она объявила, что никогда не совершала адюльтера, или прелюбодеяния, ни с одним из мужчин, и вверила себя справедливости суда, пред коим она предстала, дабы тот распознал природу их преступлений; ибо ее супруг, как она его называла, и еще несколько человек были оправданы. И будучи спрошена, кто он таков, она не пожелала ответить, но сказала, что он честнейший человек и не имел склонности к подобным деяниям, и что оба они решили при первой возможности покинуть пиратов и начать зарабатывать на жизнь честным трудом.

Без сомнения, многие сочувствовали ей, однако суд не мог не признать ее виновной, ибо между прочим один из свидетельствовавших против нее показал, что, будучи захвачен Рэкхэмом и удерживаем какое-то время на борту его корабля, он случайно вступил в разговор с Мэри Рид, которую он, приняв за молодого человека, спросил: что за удовольствие она находит в таких предприятиях, где жизнь ее непрестанно под угрозою огня или меча; и более того, она может быть уверена, что умрет позорною смертью, если будет взята живьем?[– –]Она же отвечала, что не считает повешение тяжким испытанием, ибо, если бы не виселица, любой трус мог бы податься в пираты, и море так засорилось бы сими паразитами, что храбрецам пришлось бы голодать.[– –]Что если бы пиратам был предоставлен выбор, они сами бы не приняли наказания меньшего, чем смерть, страх пред которой заставляет некоторых трусливых негодяев быть честнее. Что многие из тех, кто ныне обманывает вдов и сирот и притесняет несчастных соседей, не имеющих денег, чтобы добиться справедливости, разбойничали бы тогда на море, и океан был бы забит мошенниками, как и суша, и ни единый торговец не отважился бы высунуть туда нос; так что торговля в малое время стала бы нестоящим занятием.

Поскольку установлено было, что она носит под сердцем ребенка, ее казнь, как уже отмечалось, была отложена, и, возможно, она бы получила помилование, но вскоре после суда ею овладела сильная лихорадка, от коей она умерла в тюрьме.

Жизнь Красотки Энн

Поскольку решил я быть более обстоятельным в описании жизней двух этих женщин, нежели жизней прочих пиратов, долг правдивого историка побуждает меня начать с самого ее рождения[176]. Красотка Энн родилась в городке близ Корка, в Ирландском королевстве, отец

ее был адвокатом, однако Энн не была одним из признанных его отпрысков, что явно противоречит старой пословице, гласящей, что у ублюдков везения больше. Отец ее был женат, и жена его, разродившись, после того заболела, и, дабы она могла поправить здоровье, ей присоветовали переехать в места, где воздух лучше. Место, ею выбранное, отстояло на несколько миль от ее жилища, и там жила мать ее мужа. Здесь она пребывала какое-то время, а муж оставался дома, дабы вести свои дела. Служанка, которую она оставила присматривать за домом и обслуживать семью, будучи красивою молодою женщиной, принимала ухаживания молодого человека из того же города, некоего Тэннера. Сей Тэннер обычно пользовался случаем, когда семьи не бывало дома, дабы являться продолжать свои ухаживания. И как-то, будучи со служанкою, когда та занята была по хозяйству, он, не имея страха Божьего перед глазами, улучил момент и, лишь только она повернулась спиною, утащил к себе в карман три серебряные ложки. Служанка скоро хватилась ложек, и зная, что с тех пор, как они виделись в последний раз, в комнату более никто не заходил, она обвинила его в сей пропаже. Он же весьма упорно отрицал свою вину, отчего она пришла в негодование и пригрозила, что пойдет за констеблем, дабы тот отвел его к мировому судье. Угроза испугала его до безумия, ибо он хорошо знал, что не выдержит обыска; по сей причине вознамерился он ее утихомирить, посоветовав проверить выдвижные ящики и прочие места, дескать, может быть, она найдет пропажу. В это время он прокрадывается в другую комнату, где горничная обычно спала, и кладет ложки меж простыней, а после тайно уходит заднею дверью, заключив, что она обнаружит их, когда пойдет спать, и тогда на следующий день он сможет притвориться, будто сделал это, только чтобы напугать ее, и дело можно будет обернуть в шутку.

Она же, лишь только хватилась его, прекратила свои поиски, рассудив, что он унес их с собою, и направилась прямо к констеблю, дабы тот его арестовал. Молодого человека известили, что его искал констебль, но он придал тому мало значения, не сомневаясь, что на следующий день все образуется. Минуло три или четыре дня, и ему все еще говорили, что констебль ищет его, и это заставило его скрываться. Не уразумев в происходящем смысла, он вообразил, ни более ни менее, что горничная вознамерилась присвоить ложки к своей выгоде, а кражу приписать ему.

В сие время случилось так, что хозяйка, совершенно оправившись от недавнего своего недомогания, возвратилась домой вместе со свекровью. И первое, что услышала, была новость о пропаже ложек, и каким образом сие произошло. Служанка сообщила ей и то, что молодой человек убежал. Тот же, получив известие о прибытии хозяйки и рассудив, что никак не сможет более там появиться в прежнем своем качестве, покуда дело не уладится, а женщина она по характеру добрая, решил идти прямо к ней и рассказать всю историю, с тою лишь разницей, что он якобы сделал это в шутку.

Хозяйка вряд ли тому поверила, однако пошла прямо в комнату горничной и, отвернув одеяла на кровати, к своему великому удивлению, нашла там эти три ложки; после чего присоветовала молодому человеку идти домой и заниматься своими делами, ибо он может более не беспокоиться об этом.

Хозяйка не могла представить, что бы все то могло означать: она никогда не замечала за горничною мелких краж, и потому у нее не умещалось в голове, что та в самом деле намеревалась украсть ложки; заключив из всего в целом, что со времени той пропажи горничной не было в своей кровати, она тут же возревновала, заподозрив, что горничная во время ее отсутствия занимала ее место подле мужа, и сие было причиною того, почему ложки не были найдены раньше.

Она тут же воскресила в памяти несколько благосклонных деяний, которые ее муж свершал для горничной, деяний, кои в то время прошли незамеченными, но теперь в ее голове поселилась сия мучительница, ревность, которая множила доказательства их близости; другим обстоятельством, усугубившим все остальное, было то, что муж ее знал, что она должна была в тот день прибыть домой, и не входил с ней в сношения четыре месяца до последних родов,

и все же воспользовался случаем уехать в то утро из города под каким-то незначительным предлогом.[– –]Все эти факты, взятые вместе, утвердили ее в ее ревности.

Поскольку женщины редко прощают оскорбления такого рода, она замыслила выместить зло на горничной. Для этого она оставляет ложки там, где нашла, и приказывает горничной постелить чистые простыни на кровать, сказав ей, что намерена сама здесь спать этой ночью, потому что ее свекровь будет спать на ее кровати, и что она (горничная) должна ночевать в другой части дома; горничная, готовя постель, была удивлена, завидев ложки, но у нее были весьма веские причины, по которым ей не подобало говорить, где она их нашла, посему она забирает их и кладет к себе в сундук, намереваясь оставить затем в каком-нибудь месте, где бы их можно было случайно найти.

Хозяйка, дабы все выглядело так, как будто делалось без умысла, ложится этою ночью в постель горничной, едва ли воображая, какое приключение из того выйдет. После того, как она какое-то время провела в постели, думая о том, что произошло, ибо ревность не давала ей заснуть, она услышала, как кто-то входит в комнату; вначале она подумала, что это воры, и была так испугана, что не осмеливалась даже вскрикнуть; но когда она услышала слова: «Мэри, ты не спишь?» – то поняла, что это голос ее мужа. Тут страх ее прошел, но она не стала отвечать, ибо он узнал бы ее с первого слова, и решила притвориться спящей – а там будь, что будет.

Муж лег в постель и в ту ночь разыграл неутомимого любовника; и удовольствие жене портило лишь то соображение, что все это предназначалось не для нее; однако она покорилась и сносила это, как подобает христианке. Перед рассветом она выскользнула из кровати, оставив его спящим, пошла к свекрови и рассказала той, что произошло, не в силах забыть, как он обращался с нею, принимая за горничную; муж тоже украдкою вышел, полагая, что негоже ему быть застигнутым в этой комнате[177]. Тем временем хозяйка, горя желанием отомстить горничной и не принимая во внимание, что обязана той развлечением прошедшей ночи и что одна добрая услуга должна бы стоить другой, послала за констеблем и обвинила ее в краже ложек. Сундук горничной взломали и нашли ложки, после чего она была отведена к мировому судье и приговорена оным к заключению в тюрьму.

Муж прослонялся до двенадцати часов дня и затем пришел домой, делая вид, будто только что вернулся в город. Лишь только он услышал, что случилось с горничной, как разъярился на жену; сие еще подлило масла в огонь, мать воспротивилась сыну и приняла сторону жены, и наконец ссора разгорелась с такою силою, что мать и жена, взявши лошадей, тут же вернулись в дом матери, а муж с женою никогда после того не спали вместе.

Горничная провела в тюрьме около полугода, все это время дожидаясь ассиз[178]; но прежде чем произошло разбирательство, обнаружилось, что она носит ребенка; и когда суд состоялся, она была освобождена по желанию свидетельницы: сердце жены смягчилось, и поскольку она сама не верила, что горничная виновна в какой-либо краже, кроме кражи любви, то не выступила против нее. Вскоре после своего оправдания та разрешилась дочерью.

Но что больше всего встревожило мужа, так это то, что жена его, как оказалось, тоже носит ребенка, и он, считая очевидным, что не имел близости с нею со времени ее последних родов, в свою очередь возревновал, и ныне оправдывал тем свое обращение с нею, делая вид, что давно подозревал ее, а то, что она тяжела, и есть доказательство; она разрешилась двойней, мальчиком и девочкой.

Мать заболела и послала за сыном, дабы примирить его с женою, но он не хотел о том и слышать; посему она составила завещание, передав все свое имение через доверенных лиц в пользу жены и двух новорожденных, и через несколько дней умерла.

Это был для него скверный оборот, ибо он сильнейшим образом зависел от матери; однако жена была к нему добрее, нежели он заслуживал, ибо выплачивала ему ежегодное содержание из полученного наследства, хотя они и продолжали жить раздельно; так продолжалось лет

пять. В это время, питая большую привязанность к девочке, которую имел от горничной, он надумал взять ее к себе жить; но так как весь город знал о его дочке, то, дабы получше скрыть дело и от горожан, и от жены, он нарядил ее в бриджи, будто мальчика, и выдавал за сына некоего родственника, коего он задумал воспитать и сделать своим клерком.

Жена прознала, что в его доме появился малыш, коего он очень любит, но так как не знала ни единого родственника мужа, который бы имел такого сына, то поручила своему другу получше разузнать обо всем; тот, поговорив с ребенком, выведал, что это девочка, и раскрыл, что ее мать – та служанка-горничная и что муж все еще поддерживает с нею связь.

Получив таковые сведения, жена, не желая, чтобы деньги ее детей шли на содержание ублюдка, прекратила выплату. Муж, взъярившись, в отместку берет горничную в свой дом и живет с нею в открытую, к великому возмущению соседей; однако вскоре он обнаружил дурные последствия сего поступка, ибо стал понемногу терять практику и, осознав, что долее не сможет здесь жить, задумался об отъезде. И, обратив свое имущество в чистые деньги, едет в Корк, а оттуда со своею горничной и дочерью отплывает в Каролину.

Первое время он продолжал в той провинции адвокатскую практику, но затем увлекся торговлей, в коей преуспел гораздо больше, ибо заработал на ней достаточно, чтобы купить обширную плантацию. Его горничная, которую он выдал за жену, внезапно умерла, после чего хозяйство стала вести подросшая дочь – наша Красотка Энн.

Она была горячего и смелого нрава, отчего, когда она предстала пред судом, про нее рассказывали вещи, представлявшие ее в весьма невыгодном свете – например, что однажды она в приступе ярости убила ножом англичанку-служанку, которая прибирала в доме ее отца; но по мере изучения вопроса я нашел, что сия история безосновательна. Определенно известно, что она была так сильна и вспыльчива, что однажды, когда некий юноша захотел с ней переспать против ее воли, она так его избила, что он надолго слег в постель.

Пока она жила с отцом, то считалась богатою наследницей, отчего можно было думать, что отец рассчитывает на хорошую партию для нее; однако же она расстроила сии планы, ибо без его согласия вышла замуж за молодого человека, который был моряком[179] и не имел ни гроша за душою, чем разгневала отца до такой степени, что он выставил ее за дверь; после чего молодой человек, взявший ее замуж, разочарованный в своих ожиданиях, сел с женою на корабль, идущий на остров Провиденс, надеясь поступить там на службу.

Там она свела знакомство с пиратом Рэкхэмом, который, ухаживая за нею, вскорости нашел средства отвлечь ее чувства от мужа, так что она согласилась бежать от него и уйти с Рэкхэмом в море, одевшись в мужское платье. Выполнив сие намерение и пробыв на его судне какое-то время, она понесла, когда же полнота ее стала заметна, Рэкхэм высадил ее на остров Куба; и там препоручил ее своим друзьям, каковые заботились о ней, пока не приспела пора рожать. Когда она оправилась и снова встала, он послал за нею, дабы составить ему компанию.

Когда вышел королевский указ о помиловании пиратов, он воспользовался им и сдался; позднее, будучи послан на приватирский промысел, он возвратился к своему старому ремеслу, о чем мы уже упоминали в истории Мэри Рид. Во всех предприятиях Красотка Энн составляла ему компанию, и когда им предстояло какое-нибудь пиратское дело, не был никого, кто поспевал бы впереди нее или был более отважен, а особенно когда их захватили; она и Мэри Рид, и с ними еще один, как упоминалось ранее, были единственными, кто отважился защищать палубу.

Ее отец водил знакомство с весьма многими джентльменами, плантаторами с Ямайки, кои имели с ним дело, и пользовался среди оных хорошей репутацией; и некоторые из тех, которые бывали у него в Каролине, вспомнили, что видели ее в его доме; по каковой причине отнеслись к ней благожелательно, но то, что она бросила мужа, было безобразным поступком и отвращало от нее. В день, когда казнили Рэкхэма, ему в качестве особой милости разрешили увидеться с нею; но все, что она нашла сказать ему в поддержку и утешение, – что ей очень

жаль видеть его здесь, но если б он дрался, как подобает мужчине, ему бы не пришлось быть повешенным, как собаке.

Она пребывала в тюрьме, пока не настало время родов, а после того приговор раз от разу откладывали; но что сталось с нею дальше, мы не можем сказать; знаем лишь, что она не была казнена.

Жизнь капитана Дэвиса

Капитан Хоуэлл Дэвис родился в Милфорде, в графстве Монмут, и еще мальчиком взят был в море. Последний рейс из Англии он совершил на сноу «Кадоган» из Бристоля под началом коммандера Скиннера, каковой сноу направлялся к берегу Гвинеи, и Дэвис был на нем старшим помощником. Не успели они прибыть в Сьерра-Леоне на вышеназванном берегу, как были захвачены пиратом Инглэндом, который их ограбил, Скиннер же был варварски замучен, о чем уже было рассказано в истории капитана Инглэнда.

После смерти капитана Скиннера Дэвис говорил, будто Инглэнд всячески понуждал его перейти на свою сторону, но что он решительно ответил, что скорее даст себя застрелить, нежели подпишет пиратский договор[180]. После чего Инглэнд, довольный его храбростью, отослал его и прочих из его команды обратно на борт сноу, назначив его капитаном вместо Скиннера, и велел ему продолжать свой путь. В добавление к тому он дал ему письменный приказ, скрепленный печатью, с указанием вскрыть его по достижении определенной широты и под страхом смерти следовать содержащимся там указаниям. Сие было проявление великодушия, подобное тому, каковые владетельные особы изъявляют своим адмиралам и генералам.[– –]Дэвис, тщательно выполнив условия, прочел тот приказ команде судна. Он содержал в себе не более не менее, как благородный жест дарения корабля вместе с грузом Дэвису и его команде, и предписывал ему идти в Бразилию и распорядиться грузом с наибольшею выгодой, совершив затем честный и равный дележ доходов между всеми.

Дэвис предложил команде обсудить, желает ли она следовать тем указаниям, но к его большому удивлению обнаружилось, что большинство решительно выступило против, из-за чего, придя в ярость, он предложил им плыть ко всем чертям или куда им еще будет угодно. Они же знали, что часть груза была предназначена неким торговцам на Барбадосе, по каковой причине взяли курс на сей остров. Прибыв туда, они известили торговцев о злополучной кончине Скиннера и о предложении, кое было сделано им Дэвисом; после чего Дэвис был схвачен и приговорен к тюрьме, где его держали три месяца. Однако, поскольку сам он не участвовал ни в каких пиратских действиях, он был освобожден, не представ перед судом, но отныне не мог здесь рассчитывать на какую бы то ни было работу. По каковой причине, зная, что остров Провиденс был для пиратов чем-то вроде места сбора, он решил, если сие возможно, сделаться одним из них, и с тою целью нашел способ поступить на корабль, следующий к тому острову. Но снова был разочарован, ибо когда он прибыл туда, пираты как раз сдались капитану Вудсу Роджерсу и приняли указ о помиловании, который он как раз привез из Англии.

Однако Дэвис недолго оставался не у дел, ибо капитан Роджерс снаряжал два торговых шлюпа, один под названием «Олень», другой «Молчаливый Торговец»; на борту одного из них Дэвису нашлась работа. Груз тех шлюпов представлял собою значительную ценность, так как состоял из европейских товаров, предназначенных к обмену с французами и испанцами; и многие из тех, кто работал у них на борту, были пиратами, нанятыми после последнего указа о помиловании. Первым местом их назначения был остров Мартиника, принадлежащий французам, где Дэвис, сговорившись с другими членами команды, ночью поднял бунт, взял под стражу капитана и захватил шлюп; лишь только это было сделано, они окликнули второй шлюп, стоявший от них неподалеку, на коем, как им было известно, многие матросы были готовы к бунту, и велели тем явиться к ним на борт. Те так и поступили, и большею частью согласились присоединиться к Дэвису; тех, кто был настроен иначе, отослали обратно на

«Молчаливый» с тем, чтобы они шли, куда им будет угодно, но сначала Дэвис снял с него все, что, по его мнению, могло пригодиться.

После того созван был военный совет, на коем за большой чашею пунша предполагалось избрать командира; выборы были скорыми, ибо подавляющее большинство законных избирателей проголосовало за Дэвиса, и результаты никто не оспаривал, ибо все были на то согласны. Приняв командование, он тут же составил договор, который подписали и на коем поклялись и он сам и все остальные, а затем сказал короткую речь, суть которой состояла в объявлении войны всему свету.

После того они посовещались, изыскивая место, пригодное для очистки шлюпа и укрепления шпоров мачт, что было бы весьма полезным как для захвата чужих судов, так и для того, чтобы самим избежать захвата. Для таковой цели они выбрали Нору Коксона на восточной оконечности острова Куба – место, где они могли считать себя в безопасности от неожиданностей, ибо вход туда был столь узок, что один корабль мог удержать снаружи сотню.

Там они почистились и починились – с немалым трудом, ибо в их шайке не было плотника, персоны весьма полезной в подобных обстоятельствах, и вслед за тем пустились в море, держа курс к северному берегу острова Эспаньола. Первый парус, который попался им на пути, оказался французским кораблем о двенадцати пушках; надобно отметить, что под началом у Дэвиса было всего тридцать пять человек, однако провизия у него стала подходить к концу, почему он и атаковал тот корабль, каковой скоро сдался, и он послал к нему на борт двенадцать человек с тем, чтобы его ограбить. Не успели они того сделать, как вдалеке с наветренной стороны заметили парус. Они стали выяснять у капитана французов, что бы это могло быть, и тот отвечал, что днем раньше переговаривался с кораблем о 24 пушках, на коем было 60 человек, и, как он полагает, это он и есть.

Тогда Дэвис предложил своим людям атаковать его, говоря, что для их пиратских нужд это на редкость подходящая посудина, но они сочли таковую попытку сумасбродною и не выразили никакой склонности к тому; однако он уверил их, что у него припасена военная хитрость, коя позволит им сделать все с совершенною безопасностью для себя; по каковой причине он устремился в погоню и велел призу делать то же самое. Поскольку приз оказался судном тихоходным, Дэвис первым сблизился с противником и, развернувшись к нему бортом, поднял пиратский флаг. Они же, немало тем изумленные, обратились к Дэвису, говоря, что удивлены тою дерзостью, с какою он столь близко к ним подходит, и велели ему сдаваться; на что он отвечал, что намерен задержать их, пока не подойдет его напарник, который способен расправиться с ними, и если они не сдадутся ему, то им предстоит пережить несколько неприятных минут; после чего дал по ним бортовой залп, на который они отвечали тем же.

Тем временем приблизился приз, на коем всех пленников принудили выйти в белых рубашках на палубу, дабы создать видимость многочисленной команды, как то было приказано Дэвисом; вдобавок они подняли кусок грязной просмоленной парусины на манер черного флага, поскольку у них не было другого, и выпалили из пушек. Французы были так запуганы этою кажущейся силою, что сдались. Дэвис велел капитану явиться к себе на борт вместе с 20 из его людей; тот так и сделал, и всех их, исключая капитана, для пущей безопасности заковали в железа. Затем он послал четверых людей на первый приз, и, дабы продолжить обман, стал говорить вслух, что им следует передать капитану его рапорт и просить того послать нескольких человек на борт приза посмотреть, что они добыли; и в то же время вручил им письмо с указаниями, что делать дальше. В нем он приказывал заколотить пушечные порты на меньшем призе, забрать все ручное оружие и порох и всем перейти на борт второго приза. Когда сие было исполнено, он приказал перевести возможно большее число пленников с большого приза на малый, благодаря чему обезопасил себя от любой попытки пленников восстать, чего можно было опасаться из-за их численности; ибо те, что были у него на борту, были крепко закованы в железа, а те, что были на малом призе, не имели ни оружия, ни снаряжения.

Таким образом все 3 корабля держались вместе в течение 2 дней, после чего, найдя, что большой приз очень медлителен и неповоротлив, он подумал, что тот не подойдет для его целей, из-за чего решил вернуть его капитану вместе со всею командою; но вначале позаботился забрать оттуда все вооружение и вдобавок все те вещи, что ему приглянулись. Французский капитан пришел в такую ярость оттого, что его обвели вокруг пальца, что, попав к себе на корабль, вознамерился кинуться за борт, но его люди его удержали.

Отпустив оба своих приза, он направился к северу, на каковом курсе взял небольшой испанский шлюп; после того пошарил у Западных островов[181], но не встретил вокруг них никакой добычи. Тогда он взял курс на острова Зеленого Мыса, где бросил якорь у острова Св. Николая, поднявши английский флаг; португальцы, жившие там, приняли его за английского приватира, и когда Дэвис сошел на берег, обходились с ним очень вежливо и торговали с ним. Здесь он оставался 5 недель, в каковое время он с половиною команды, к своему удовольствию, предпринял вылазку в главный город острова, бывший в девятнадцати милях от моря. Поскольку Дэвис обладал располагающей наружностью, он был обласкан губернатором и жителями, и не обошел вниманием ни одного развлечения, какое в силах были учинить португальцы или возможно было купить за деньги. Пробыв там около недели, он воротился на корабль, а оставшаяся половина шайки пошла, в свою очередь, развлекаться в город.

По возвращении они привели корабль в порядок и пустились в море, но не с полной командою; ибо пятеро из них, подобно воинам Ганнибала, так очарованы были красотами сего места и свободным обхождением некоторых женщин, что остались на берегу[182]. И один из них, по имени Чарлз Франклин, родом из Монмутшира, женился и осел там, и живет по сей день.

Отсюда они направились к Бонависте[183] и посетили сию гавань, но, не найдя ничего, взяли курс к острову Май[184]. Когда же прибыли туда, то обнаружили на рейде много кораблей и судов, каковые все и ограбили, забирая себе все, что хотели; а помимо того увеличили свои силы множеством новичков, кои в большинстве своем вступили в их ряды добровольно. Один из кораблей они взяли для своих нужд, установили на оном 26 пушек и нарекли «Король Джемс». Поскольку в тех местах не было пресной воды, они направились к Сантьягу, принадлежавшему португальцам, дабы пополнить ее запасы; и когда Дэвис, взяв нескольких матросов, сошел на берег в поисках места, где бы лучше всего было брать воду, явился губернатор со свитою и учинил допрос, кто они и откуда пришли. И, не поверив рассказу Дэвиса, сей губернатор был столь простодушен, что сказал им, что подозревает в них пиратов. Дэвис же напустил на себя чрезвычайно оскорбленный вид, напирая на то, что считает свою честь задетою, и отвечал губернатору, что отвергает сии унизительные речи; но как только тот повернулся спиною, во избежание случайностей как можно скорее вернулся на борт. Дэвис доложил о сем афронте своим людям, и те, казалось, обиделись на оскорбление, кое было ему нанесено. На что Дэвис сказал им, что уверен, что сможет ночью захватить форт; они согласились попытаться сие сделать, и в соответствии с тем, когда стемнело, хорошо вооружась, сошли на берег; и стоявшие на страже оказались столь беспечны, что они проникли в форт, прежде чем те успели поднять тревогу. Когда было уже слишком поздно, им все же оказали слабое сопротивление и 3 человека со стороны Дэвиса было убито, а бывшие в форте в спешке попытались спастись в доме губернатора, в коем забаррикадировались столь крепко, что отряд Дэвиса не мог войти туда; однако они метнули внутрь гранаты, которые не только разрушили все убранство, но и убили несколько человек в доме.

С наступлением дня вся округа поднялась по тревоге и явилась для атаки на пиратов; по каковой причине, поскольку не их дело было выдерживать осаду, они сочли за лучшее вернуться на корабль, сняв прежде того пушки в форте. Тою вылазкой они учинили великий вред португальцам и лишь очень маленькую пользу себе.

Отплыв в море, они сочли своих матросов и увидели, что силы их составляют около 70 человек; затем стали решать, какой курс избрать, и, разошедшись во мнениях, разделились, и

большинством голосов выбрала курс на Гамбию[185] на Гвинейском берегу. Того же мнения был и Дэвис, поскольку, занимаясь торговым ремеслом, был знаком с тем побережьем. Он говорил им, что в крепости Гамбия всегда хранится большая сумма денег, и что попытаться взять ее – дело, их достойное. Они спрашивали его: как это возможно, ведь там стоит гарнизон? Он пожелал, дабы управлять операцией предоставили ему, а уж он постарается, чтобы они овладели крепостью и казною. К тому времени у них начало складываться столь высокое мнение о его руководстве, а равно и о храбрости, что они полагали, будто для него нет ничего невозможного, и потому согласились повиноваться, не вникая далее в его замысел.

Когда показалось сие место, он приказал всем своим людям убраться с палубы, оставив столько, сколько совершенно необходимо было для управления кораблем, дабы те в форте, увидев корабль со столь малочисленной командою, не могли бы заподозрить в нем что-либо другое, нежели торговое судно; после того они подошли под самый форт и там бросили якорь. Приказав спустить шлюпку, Дэвис отрядил в нее 6 человек в старых простых куртках; сам же он, а вместе с ним штурман и врач, оделись как джентльмены; ибо по замыслу его люди должны были выглядеть как обычные матросы, а они как купцы. Пока гребли к берегу, он разъяснил своим людям, что говорить, если их начнут расспрашивать.

На месте высадки он был встречен цепью мушкетеров и препровожден в форт, где губернатор, учтиво приветствовав их, спросил, кто они и откуда пришли. Они отвечали, что они из Ливерпуля и направляются к реке Сенегал закупать камедь и слоновую кость, но близ этих берегов их преследовали два французских военных корабля[186] и они едва избежали пленения, слегка показав тем пятки; но после того решили, что нет худа без добра[187], и теперь собираются закупить здесь рабов. Тут губернатор спросил их, каков их основной груз. Они отвечали: железо и листовая сталь, кои здесь считались самыми ценными вещами. Губернатор сказал, что обеспечит им рабов на всю стоимость груза, и спросил, не найдется ли у них на борту европейского спиртного. Они отвечали: есть немного для собственных нужд, однако к его услугам корзина вина найдется. После чего губернатор весьма учтиво пригласил всех остаться отобедать с ним. Дэвис сказал ему, что, будучи капитаном корабля, должен вернуться на борт проследить, чтобы его надежно пришвартовали, и отдать кое-какие приказания, но эти два джентльмена могут остаться, а сам он вернется к обеду и захватит с собою корзину вина.

Будучи в крепости, он самым тщательным образом изучил, что и где тут расположено; отметил, что у ворот есть караульное помещение с гауптвахтою при нем, где обычно отдыхали солдаты, несущие караул, а оружие их грудою свалено было в углу. Он приметил также великое множество ручного оружия в приемной зале губернатора. Прибыв после того на борт корабля, он уверил своих людей в успехе и потребовал, дабы те не напивались, но, как только увидят, что флаг над крепостью спущен, заключили бы из того, что он овладел ею, и послали немедленно на берег 20 человек. Тем временем, поскольку рядом с ними стоял на якоре шлюп, он послал в шлюпке нескольких человек, дабы взять под стражу его капитана и команду и доставить к себе на борт, чтобы те, завидев суету или вооруженных людей на его корабле, не послали на берег предупреждения.

Приняв сии предосторожности, он приказал тем, кто должен был идти с ним в шлюпке, спрятать по две пары пистолей под одежды, и сам поступил так, им же указал пройти в караульное помещение и завязать беседу с солдатами, и следить, когда он выпалит из пистоля в губернаторское окно, чтобы по тому сигналу немедля захватить оружие в караульном помещении.

Когда Дэвис прибыл, обед еще не был готов, и губернатор предложил ему провести время до обеда, сварив чашу пунша. Надо заметить, что прислуживал им старшина шлюпки Дэвиса, имевший потому возможность ходить по всему дому и разузнавать, какие там имеются силы; и он шепнул Дэвису, что сейчас в комнатах никого нет, кроме него (Дэвиса), штурмана, врача, самого старшины и губернатора. Дэвис внезапно вытащил пистоль и ткнул им губернатору в

грудь, говоря тому, чтобы он сдал крепость со всеми ее богатствами, иначе он будет мертв. Губернатор, никоим образом не готовый к сему нападению, обещал вести себя тихо и сделать все, чего они пожелают, потому они закрыли дверь, сняли все оружие, висевшее в зале, и зарядили его. Дэвис стреляет из своего пистоля в окно, после чего его люди снаружи, как герои, вмиг исполнили свою часть плана, зайдя между солдатами и их оружием с поднятыми пистолями в руках, в то время как один из них выносил оружие. Когда сие было проделано, они заперли солдат в караульном помещении и выставили снаружи сторожей.

Тем временем один из них спустил флаг Соединенного Королевства на крыше крепости, по каковому сигналу оставшиеся на борту послали на берег людей в подкрепление, и так они овладели фортом без малейшей спешки или затруднения и не потеряв ни единого человека с обеих сторон.

Дэвис произнес перед солдатами речь, после чего многие перешли к нему, тех же, кто отказался, отослал на маленький шлюп, а поскольку он не желал утруждать себя их охраною, то приказал убрать с того все паруса и снасти, что должно было воспрепятствовать их попыткам бежать.

День прошел в своего рода праздновании, и крепость давала из своих пушек салют кораблю, а корабль – крепости; но на следующий день они занялись делом, то есть, предались грабежу, однако обнаружили, что обстоятельства значительно уступают их ожиданиям, ибо открылось, что основные запасы денег были недавно отосланы. И все же они нашли около двух тысяч фунтов стерлингов чистым золотом, и множество другого богатого имущества; все, что им нравилось и что можно было перенести, они забрали к себе на корабль. Некоторые вещи, для коих у них не нашлось бы применения, они великодушно подарили капитану и команде маленького шлюпа, которым также возвратили их судно, а затем принялись снимать пушки и разрушать укрепления.

Причинив столько вреда, сколько смогли, они уже снимались с якоря, собравшись уходить, как заметили корабль, подходящий к ним на всех парусах. Они быстро подняли якоря и приготовились принять его. Это оказался французский пиратский корабль о 14 пушках, с экипажем 64 человека, половина коих была французами, а половина неграми, капитана их звали Ла Буз[188]; он рассчитывал никак не менее, чем на богатую добычу, что и сделало его таким настойчивым в погоне. Но когда он подошел достаточно близко, чтобы рассмотреть их пушки и число людей на палубе, он призадумался, не взялся ли он ловить татарина[189], и предположил, что это небольшой английский военный корабль. Однако, поскольку пути к отступлению не было, он решился на смелый и отчаянный шаг, а именно – взять Дэвиса на абордаж. И, устремившись к нему с тою целью, выпалил из орудий и поднял черный флаг. Дэвис ответил салютом и тоже поднял черный флаг. Француз немало был обрадован тою счастливою ошибкой. Оба спустили шлюпки, и капитаны пошли встретить и поприветствовать друг друга, вывесив флаги перемирия на корме; после обмена великим множеством учтивых слов Ла Буз обратился к Дэвису с пожеланием вместе проплыть вдоль побережья, с тем, чтобы он, Ла Буз, смог добыть себе корабль получше. Дэвис на то согласился и весьма галантно обещал первый же захваченный корабль, подходящий для его надобностей, отдать ему, будто желая подбодрить прилежного брата.

Первое место, коего они достигли, был Сьерра-Леон, где они уже на подходе приметили большой корабль, стоявший на якоре; Дэвис, чей корабль был быстрее, чем у Ла Буза, подошел поближе и, дивясь тому, что сей корабль не пытается убежать, заподозрил, что он вооружен. Как только он стал проходить вдоль его борта, корабль вдруг словно подпрыгнул на якорном канате и дал по Дэвису полный бортовой залп, одновременно поднявши черный флаг. Дэвис также поднял свой черный флаг и выпалил из одной пушки в подветренную сторону.

В конце концов оказалось, что то был пиратский корабль о двадцати четырех пушках, под командованием некоего Коклина[190], который, ожидая, что эти двое окажутся его добычею,

подпустил их, ибо опасался, что, подняв паруса на своем корабле, отпугнет их и заставит убежать.

Так к большому удовлетворению всех сторон соединились союзники и собратья по беззаконию; два дня они провели, скрепляя свое знакомство и дружбу, на третий день Дэвис и Коклин договорились идти на бригантине Ла Буза атаковать форт. Они замыслили это так, будто их принесло к той стороне приливом; бывшие в форте заподозрили в них тех, каковыми они на деле и являлись, и потому поднялись на защиту. Когда бригантина подошла на мушкетный выстрел, форт выпалил по ней из всех своих пушек, бригантина сделала ответный залп по форту, и таковую игру они вели друг с другом в течение нескольких часов, пока на помощь бригантине не подошли два корабля-напарника. Защитники форта, видя такое множество людей на борту тех кораблей, не имели храбрости противостоять долее, но, покинув форт, оставили его на милость пиратов.

Они овладели им и пребывали там около семи недель, за каковое время почистили и подлатали свои корабли. Должно отметить, что пока они там были, на рейд встала галера, которая по настоянию Дэвиса должна была достаться Ла Бузу, согласно данному им прежде слову чести; Коклин не возражал, так что Ла Буз перешел на нее со своею командою и, устроив на той галере полупалубу[191], установил 24 пушки.

Созвав военный совет, они договорились плыть далее вдоль побережья вместе, и для пущей важности назначили командора, каковым стал Дэвис, но им уже недолго оставалось водить компанию: когда они пьянствовали на борту у Дэвиса, им пришла охота оттаскать друг друга за уши, ибо крепкие напитки возбудили между ними дух несогласия, и они поссорились, но Дэвис положил тому конец такою краткой речью:

– Слушайте, вы, Коклин, и вы, Ла Буз! Вижу, что, умножив ваши силы, я сам вложил вам в руки розги, дабы меня же высекли, но я еще способен справиться с вами обоими; но поскольку встретились мы полюбовно, давайте полюбовно разойдемся, ибо я считаю, что три братца никогда не сговорятся.

После чего те двое перешли на свои корабли и немедля разошлись, каждый своим курсом.

Дэвис продолжил свой путь вдоль побережья, и, проходя мыс Аполлония, встретился с 2 шотландскими и одним английским судами, кои он ограбил и затем отпустил. Дней пять дней спустя он напал на голландский контрабандер о тринадцати пушках, с экипажем в 90 человек (половина коих была англичанами), мористее мыса Три Пойнтс. Когда Дэвис поравнялся с ним бортами, голландский корабль выпалил первым, обрушив на Дэвиса полный бортовой залп, и убил у него 9 человек, Дэвис ответил залпом на залп, и завязалась жаркая схватка, которая длилась с часу ночи до девяти утра, когда голландец сдался и достался им как приз.

Дэвис приспособил голландский корабль для своих нужд, нарек «Бродягою», установил на его борту 32 пушки и 27 фальконетов[192] и отправился с ним и с «Королем Джемсом» к Анамабо; он вошел в бухту меж 12 и часом ночи и обнаружил там три корабля, стоящих на якоре, кои занимались торговлею неграми, золотом и слоновою костью. Названия тех кораблей были: пинк «Хинк» под командою капитана Холла, «Принцесса» капитана Плама, у коего Робертс, который станет значительной фигурою в ходе этой истории, был вторым помощником, и шлюп «Моррис» капитана Фина. Он захватывает сии корабли безо всякого сопротивления и, ограбив их, отдает один из них, а именно шлюп «Моррис», в подарок голландцам; на борту только его одного найдено было сто сорок негров, не считая обыденных грузов, и значительное количество золотого песка.

Случилось так, что когда появился Дэвис, у борта сего последнего стояло несколько каноэ, кои спаслись и достигли берега. Они известили форт, что сии корабли – пиратские, после чего форт открыл по ним огонь, но без какого-либо ущерба, ибо заряды были недостаточно мощными, и ядра их не достигли. Однако Дэвис для острастки поднял свой черный флаг и вернул форту комплимент.

В тот же день он отплыл со своими 3 кораблями, держа путь вдоль побережья к португальской колонии Принсипи. Но прежде чем продолжить историю Дэвиса, мы должны дать читателю отчет о португальских поселениях этих берегов, с присовокуплением прочих замечаний, как они были сообщены мне одним остроумным джентльменом, недавно прибывшим из тех мест.

Описание островов Сан-Томе, Дель Принсипи и Аннобоно

Поскольку португальцы были великими умельцами в мореплавании, а также и первыми европейцами, кои торговали и селились на берегах Африки, так же как и вокруг нее до самой Индии, и сделали те открытия, которые теперь столь много обращаются на пользу других наций, не может быть некстати коснуться чудесного свойства магнитного железняка, каковое открыто было незадолго до того и позволило им предпринимать столь новые и дерзновенные плавания.

Притягивающая сила магнита, как можно предполагать, была повсеместно известна у древних, поскольку он был природным ископаемым у греков (магний и окись магния), но его указующее, или полярное, свойство стало известно нам только в последние 350 лет и, как говорят, было открыто Джоном Гойя из Мальфи в Неаполитанском королевстве[193], Prima dedit nautis usum magnetis Amalphi[194], хотя другие думают и уверяют нас, что оно было привезено в Италию из Китая Paulus Venetus[195], как и другие знаменитые искусства, используемые нами в современности, – КНИГОПЕЧАТАНИЕ и ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ[196]. Другие свойства или усовершенствования магнита, а именно склонение, или отклонение его иглы от точного направления на север или юг, колебания этого склонения и его угол были нововведениями Себастьяна Кэбота[197], мистера Геллибранда и мистера Нормана. Наклон иглы или то свойство, благодаря коему она сохраняет приподнятое положение над горизонтом повсюду, кроме экватора (где она параллельна земле), – такой же удивительный феномен, как любой из описанных, и был открытием нашего соотечественника. И если бы обнаружилось, что сей феномен имеет четкую закономерность, это, мне кажется, весьма сильно способствовало бы определениям долготы[198], и по меньшей мере указало бы лучшие способы, нежели известные к тому времени, когда корабли жались поближе к суше, что дало бы ответ, как это возможно использовать.

До открытия вращения иглы и начала использования компаса португальские плавания не простирались далее мыса Нон[199] (это было их nec plus ultra[200]), потому так и названного. Стихийные бедствия, однако, увлекали некоторых обитателей побережья к Порто-Санто и Мадейре, прежде чем изобретен был какой-либо надежный способ управления кораблем; но после того, как увидели, что игла таковым образом одушевилась, искусство навигация с каждым годом стало совершенствоваться и отныне всячески поощрялось королями Португалии Энрике[201], Альфонсом[202] и Жуаном II[203] в конце XIV и в XV веке.

Король Альфонс имел не так много свободного времени, как его предшественник, чтобы заниматься сими изысканиями, но, увидев выгоды, которые приобретала благодаря им Португалия, и когда папа сверх того подтвердил, что ей навечно даруются все земли, каковые она откроет между мысом Бошадор и Индией включительно[204], он решил не пренебрегать надлежащим содействием и отдал доходы, кои следовали из таковых изысканий или могли воспоследовать в будущем, на откуп некоему Бернарду Гомешу[205], жителю Лиссабона, который обязан был в каждом новом путешествии открывать по 100 лиг, все дальше и дальше. И около 1470 года он открыл сии острова, единственное место (из всех значительных и крупных колоний, каковые они имели в Африке), которое поныне остается принадлежащим этой короне.

Главнейший из трех островов – Сан-Томе; его губернатора величают капитан-генералом островов, и от него другой губернатор, на Принсипи, получает свое назначение, хотя оно и утверждается затем при португальском дворе. Это епархия, где подвизается великое множество белого духовенства, каковое, по всей видимости, не имеет ни образования, ни рукоположения, как можно судить по некоторым из них, каковые суть негры. Один из их

главных пригласил нас прослушать мессу, дабы развлечься и скоротать время, на каковой мессе он и его братия саном поменьше производили столь нарочитые жесты и столь неестественно напрягали голос, будто показывали, к своему бесчестию, что у них нет другой цели, как доставить нам удовольствие; и, что, по-моему, еще хуже, сие зрелище не лишено было интереса; ибо, поскольку эти клирики являются здесь главными торговцами, они унижаются до столь презренных и скандальных методов, дабы снискать расположение. Они и правительство, в сем торговом отношении, держатся в превеликой гармонии, каждый равно завидуя другому и практикуя мелкие обманные уловки, дабы монополизировать то, что иноземцы имеют предложить на продажу, будь то игрушки или одежды, каковые, всех сортов, у португальцев во всех частях света всегда суть главные предметы употребления. Обыкновенный черный костюм будет стоить семь или восемь фунтов, четырехшиллинговый крестовидный парик[206] – муадор, часы в сорок шиллингов – шесть фунтов, и т. д.

Город умеренно застроенный, но большой и людный, здесь обосновалась главная часть местного населения, коего на всем острове насчитывается 10 000, милиции – 3 000, и в основном это племя мошенников и воров, как может засвидетельствовать один мой старинный и почтенный друг; ибо он, доставив на берег мешок поношенных одежд, дабы обменять их на провизию, уселся с этою целью на песок и вскоре собрал вокруг себя толпу, желающую посмотреть товар; из коей один пожелал узнать цену черного костюма, который, к несчастью, лежал самым верхним и был самым лучшим из сих одежд. Согласившись после небольшим колебаний на запрошенную цену, если только он подойдет ему, он его немедленно надел, со всею возможною поспешностью и безо всякого co-licentia Seignor[207]. И когда мой друг готов был уже расхвалить достоинства костюма и то, как ладно он сидит, не помышляя о таком бесстыдстве, как возможность бежать из толпы, мошенник показал пятки, мой друг последовал за ним, громко вопия, и хотя вокруг было 500 человек, это привело лишь к тому, что они очистили перед ним сцену; таковым образом он потерял костюм, а прежде чем он успел вернуться к своему мешку, оставшиеся оттолкнули его слугу и разделили меж собою остаток.

Большинство кораблей из Гвинеи, их собственной нации[208], но часто и наши корабли заходят на один или другой из сих островов, дабы запастись свежею провизией и набрать воды, которая на африканском берегу не столь хороша, и к ней там не так удобно подходить. Собственные их корабли так же, как и прочие, заходя сюда, обязаны по установленному обычаю предоставлять королю плату за своих рабов, всегда золотом, по количеству голов, безо всякого пересчета в Бразилии за смертность, каковая может произойти за время плавании. Сии средства, будучи постоянным резервом для выплаты гражданских и военных издержек правительства, предотвращают неудобства, связанные с пересылкою денег, и поддерживают этот остров и Принсипи в достаточно зажиточном состоянии, дабы платить наличными за все, чего бы они хотели от европейцев.

Их быки мелки и худы (два хандредвейта или чуть больше), но козы, свиньи и домашняя птица очень хороши, сахар здесь крупнозернист и грязен, а ром очень зауряден. Поскольку сии припасы большею частью находятся у людей, кои нуждаются в других необходимых им предметах, они попадают к нам путем обмена, очень дешево: хорошая свинья – за старую абордажную саблю; жирная курица – за спен бразильского табаку[209] (никакой другой сорт не ценится), и т. д. Но деньгами вы отдадите 8 долларов за теленка; 3 доллара за козу; 6 долларов за взрослую свинью; тестун[210] с половиною за курицу; доллар за галлон рома; два доллара за рув сахара; и полдоллара за дюжину длиннохвостых попугаев[211]. Здесь также множество кукурузы и маниоковой муки, лаймов, сладких лимонов и ямса.

Остров можно приблизительно считать квадратным, каждая сторона длиною в восемнадцать лиг, холмистый, и лежит на линии экватора, чья безжизненная полоса, как утверждают, пролегает как раз через город, не отклоняясь ни на малейшую долю минуты ни к югу, ни к северу[212]; и несмотря на это обстоятельство и солнце, постоянно стоящее прямо над

головою, островитяне очень здоровы, что людьми, склонными повеселиться, в большой мере приписывается отсутствию среди них хотя бы одного хирурга или врача[213].

Остров Дель Принсипи, следующий по величине, – приятное и восхитительное место для серьезных и задумчивых по своей природной склонности португальцев, усовершенствованное убежище на лоне природы, в котором они могут найти для себя счастливое и ненарушаемое уединение от всего света.

Я разделю то, что имею сказать об этом острове, на наблюдения, сделанные при нашем приближении к нему, на морях вокруг него, гавань, продукцию острова и времена года, образ жизни обитателей, некоторые обычаи негров, с такими приличествующими каждому случаю выводами, чтобы проиллюстрировать свое описание и предоставить читателю довольно сведений.

Мы направились туда из Видаха в последних числах месяца июля, когда дожди миновали, а ветры в целом стали юго-западными (так же, как перед дождями они становятся юго-восточными), однако при таковом ветре (будучи в море) мы обнаружили, что корабль неожиданно забрал так далеко к югу (т. е., по ветру), что мы с легкостью могли обойти с наветренной стороны любой из островов, а это, кажется, должно бы быть почти невозможным, если бы течения, кои сильны с подветренной стороны на пути в Видах, продолжали таким же образом следовать поперек Бенинского залива. Но нет, тогда, наверное, было бы весьма трудно обойти с наветренной стороны даже мыс Формоза. По сему случаю я далее буду распространяться о течениях на всем побережье Гвинеи.

Южный берег Африки идет строго по линии широты, северный ограничен восточным побережьем[214], но обе эти линии прямые, с самыми малыми среди всех четырех континентов бухтами, заливами или губами. Единственный большой и значительный – Бенинский и Калабарский залив, к коему устремляются течения ото всех берегов, и с юга таковое сильнее, потому что более открыто в сторону океана, из коего возникает (хотя становится слабо и неразличимо уже в малом удалении от суши), каковой океан дает начало тем течениям, близким к берегу, которые суть ничто иное, как приливы и отливы, измененные и искаженные типом и формою суши.

В доказательство тому я изложу следующие наблюдения, или установленные факты. Что в реках Гамбия и Сьерра-Леоне, в проливах и протоках Бенина и вообще по всему побережью приливы на берегах регулярны, с нижеследующим различием; что в вышеупомянутых реках и протоках Бенина, где берег заключает воды в узкий проход, приливы и отливы сильны и высоки, а также регулярны; но на однообразном побережье, где производится одинаковое отражение, медленны и низки (не выше двух или трех футов), возрастая по мере того, как вы продвигаетесь в сторону Бенина; и это далее очевидно из того, что у мысов Корсар, Сукконда и Комменда[215] и там, где суша закругляется и начинает представлять собою какое-то препятствие, приливы и отливы регулярно достигают 4 футов и выше; тогда как на более ровном берегу (хотя и близко примыкающем) они не будут превышать 2 или 3 футов; а за 10 лиг в открытом море (где нет таких препятствий) они становятся едва заметными, если вообще не исчезают.

Что я хотел бы заключить отсюда, помимо подтверждения остроумной теории приливов и отливов капитана Галлея[216]? Первое, что корабли, направляющиеся в Анголу, Кобенду и прочие места на южном побережье Африки[217], должны пересекать экватор от мыса Пальмас и идти в южные широты, не забирая слишком далеко к западу; и причина тому, как представляется, ясна, ибо, если вы попытаетесь пересечь его около островов[218], то встретите штили, южные ветры и встречные течения; а если возьмете слишком далеко к западу, столкнетесь с сильными и неблагоприятными пассатами. Вот почему вы принуждены будете держаться 28 или 30° южной широты до тех пор, пока все сие не переменится.

Во-вторых, у северного побережья Гвинеи, если корабли направляются с Золотого берега к Сьерра-Леоне, Гамбии или куда-либо еще в наветренную сторону, учитывая слабость сих течений и благоприятность бризов с суши, а к югу в сезон дождей, тайфунов и даже пассатов, когда идешь на траверзе мыса Пальмас, то быстрее будет следовать этим путем, нежели долгим, как предисловие, курсом, делающим крюк на четыре или пять сотен лиг к западу, или столь же длинным к северу, каковой крюк придется делать, прежде чем удастся поймать ветер, который дал бы вновь приблизиться к берегу.

Наконец, в большой мере именно из-за этой нехватки бухт, при маленьких несудоходных реках, моря обрушивают на все побережье континента столь опасный прибой.

Вдоль берегов сего острова в это время года (июль, август и сентябрь) часто встречаются рыбы-киты, смирные и играющие очень близко к кораблям, к каковым они всегда подплывают парами, в коих самка намного меньше самца, и часто можно наблюдать, как они поворачиваются на спину для любовных игр, служащих прологом к оплодотворению. У кита есть враг, называемый молот-рыба, – тоже большая рыба, которая часто встречается здесь в этот сезон года и вступает с китом в единоборство, вздымаясь из воды на значительную высоту и грузно и мощно падая обратно. Говорят также, что обычно в сих битвах участвует меч-рыба, каковая уколами своего меча подталкивает кита к поверхности воду, и без сего действия, думается мне, он бы задохнулся, будучи принужден к быстрому движению, хотя он и высовывается часто на воздух, дабы отдышаться и устранить помехи к быстрейшему кровообращению. Думаю также, что с ним сражаются не как с добычею, а чтобы устранить его от того, что, возможно, и для тех и для других является пищею. Количество китов в сих краях иногда наводило меня на мысль, какая добычливая рыбалка могла бы тут получиться, но я предполагаю, что они (не большие, чем те, что в Бразилии) не того вида, который поставляет полезную часть, называемую китовым зубом[219], потому все, что предпринимают в их отношении островитяне, – это выходить время от времени на двух или трех каноэ и забивать одного из них развлечения ради.

Скалы и береговые линии острова – пристанище морских птиц, в особенности олуш и глупышей. Первые величиною с чайку и темного цвета, названы так за их простодушие, ибо часто сидят смирно и позволяют морякам брать себя в руки; но я полагаю, что это удается обычно из-за их усталости и большой величины крыльев, каковые, побыв в покое, не могут достаточно широко развернуться, дабы вновь поднять их и удержать в воздухе. Глупыши меньше и такие же плосконогие.

Что я весьма часто замечал за ними, так это восхитительное чутье сих птиц на подходящий сезон и подходящие для пропитания места. В вышеупомянутые месяцы, когда сюда являются крупные рыбы, многочисленные стаи птиц сопровождают их, промышляя их мальками и остатками пищи; в январе же, когда мало того и другого, по сей причине морские птицы редко встречаются на побережье Африки; а самые излюбленные ими места укрытия и промысла – скалы и острова.

Гавань Принсипи располагается на востоко-востоко-южной оконечности острова; в северной ее части глубина постепенно понижается, но воды здесь глубокие: в миле от берега линь длиною в 140 морских саженей не достигает дна. Порт (при входе) – это ровная узкая бухта, закрытая от ветров (не считая небольшого расширения к югу) и переходящая в другие бухты, меньшего размера и песчаные, удобные для того, чтобы разбивать в них палатки, запасать воду и конопатить швы. Все вместе защищено фортом или, скорее, батареей из дюжины пушек, стоящих на берегу по левому борту. В головной части бухты, примерно в миле от якорной стоянки, находится город, каковой состоит из двух или трех обычных по виду улиц, застроенных деревянными домами, в коих живут губернатор и значительные лица острова. Здесь вода на большом удалении от берега становится мелкой, и туземцы во время отлива (прежде окружив каждый подходящий уголок возвышением из камней, наподобие запруд в Англии) выходят на ловлю рыбы, каковая для них является и ежедневным развлечением, и

способом пропитания, и в ней участвует 500 человек с палками и плетеными корзинами; и если не удается зачерпнуть оную рыбу одной рукою, то они оглушают ее другой. Приливы в гавани постоянно достигают 6 футов, однако за пределами мысов, кои образуют бухту, поднимаются менее чем в половину этой высоты.

Здесь постоянно живут два миссионера, коих посылают сюда сроком на шесть лет насаждать христианские принципы, и в особенности способствовать обращению негров. Нынешние – венецианцы, простодушные люди, кои, как кажется, презирают свободные нравы и поведение мирян и выражают недовольство ими как рабами, ut color mores sunt nigri[220]. У них есть опрятный монастырский дом и разбитый при нем сад, каковой, собственным их трудом и прилежанием, изобилует не только некоторыми местными видами, произрастающими в сих землях, но и многими экзотическими и диковинными – в частности, плодом, размером крупнее, чем каштан, желтым, содержащим две косточки с мякотью, или вязким веществом, вокруг оных, каковое, когда его сосешь, превосходит по сладости сахар или мед и имеет свойство, после того, как его отведаешь, целый вечер придавать сладкий привкус любой жидкости, которую вы глотаете. Единственное бедствие, поражающее сей сад, – вредитель, называемый сухопутным крабом[221], ярко-красного цвета (в других отношениях похожий на морских), каковые в огромных количествах роются в здешней песчаной почве, подобно кроликам, и так же пугливы.

Остров представляет собою приятное чередование холмов и долин; холмы заросли пальмами, кокосовыми пальмами и хлопковыми деревьями, меж которыми водится множество обезьян и попугаев; долины покрыты плодородными плантациями ямса, кулалу, папайи, разнообразных овощей, ананасов, или шишкояблок, гуавы, бананов, пизангов[222], маниоки и индейского зерна[223]; выпасами с домашнею птицею, гвинейскими курами[224], утками-московитками[225], козами, свиньями, индюками и дикими быками, и при каждой плантации – небольшое поселение негров, кои под присмотром своих хозяев выращивают сии продукты и обменивают их или продают за деньги, очень во многом по таким же ценам, что и население Сан-Томе.

Приведу описание плодов и их свойств, ибо они произрастают не только на сем острове, но большею своею частью и по всей Африке.

Пальмы на берегах Африки многочисленны и могут считаться первою из ее природных диковин, потому что они поставляют туземцам еду, питье и одежду; они растут очень прямо до высоты в 40 и 50 футов, а на верхушке (только) имеют 3 или 4 пояса ветвей, кои раскидываются в стороны и образуют собою плотный зонт. Ствол очень грубый из-за шишек – то ли наростов, то ли рубцов от тех ветвей, кои были обрублены, дабы способствовать росту дерева и сделать его более плодоносным. Ветви крепко соединены с корою, которую можно разделить на волокна значительной длины и ширины; внутреннюю пластинку этой коры, как мне известно, в Бенине ткут, словно материю, а после того кроят и носят как одежду. Под ветвями и вплотную к стволу висят орехи, до тридцати гроздьев на одном дереве, и каждый тридцати фунтов весом, соединенные колючими перепонками и оттого не лишенные сходства с ежами. Из сих орехов добывают жидкость и приятное душистое масло, каковое употребляют в пищу и как соус по всему побережью, но главным образом в наветренной части Африки, где его в больших количествах сбивают, варят и снимают как сливки. Ниже, где прикрепляются ветви, делают надрезы для получения вина, называемого кокра, и поступают следующим образом: негры, кои большею частью проворные и ловкие парни, обвязывают себя и дерево кольцом из крепкой лианы и взбираются с превеликою ловкостью наверх. У основания ветви с орехами он делает надрез глубиною в полтора дюйма и, крепко привязав свою бутылку из тыквы-горлянки, оставляет ее, дабы туда стекал сок, что дает за ночь до двух или трех кварт. Когда тыква наполнится, он снимает ее и выбирает другое дерево; ибо, если дать вытечь слишком большому количеству сока, или в дневное время, его запасы недопустимо истощаются, и дерево портится. Жидкость, извлеченная таковым образом, имеет цвет

сыворотки, опьяняет, а за 24 часа скисает; но будучи свежедобытой, она приятнейшим образом утоляет как жажду, так и голод; именно из такого вина в Индии гонят арак. На самой верхушке пальмы растет кочан, называемый так, я полагаю, за некоторое сходство, которое находят в нем по вкусу с нашей капустою, и употребляется так же; оболочка его имеет пушок, из коего делается лучший трут, а из оплетки других частей сучат крепкие нити.

Кокосовые деревья имеют такое же устройство ветвей; но они не так высоки, как пальмы, орехи похожи, растут под ветвями и вплотную к стволу; млечную жидкость, которую они содержат (до полупинты и более), часто пьют для утоления жажды, но она к тому же очень питательна, и если перепробовать много орехов, можно заметить, что когда количество молока в оных велико, скорлупа и мякоть весьма тонки, и становятся тверже и толще пропорционально его убыли.

Хлопковые деревья, каковые тоже произрастают во всех частях Африки, так же как и на островах, достигают огромной величины, но все же не так быстро растут и обычно встречаются в виде кустарника пяти или шести футов высотою; они несут плод (если его можно так назвать) величиною примерно с голубиное яйцо, который, набухая и зрея на солнце, разрывается и открывает взору три ячейки, наполненные хлопком, в сердцевине коих находятся семена; в большинстве местностей негры знают, как его прясть, а здесь, в Никонго и на острове Сантьяго, – как ткать из него ткани.

Ямс – распространенный корнеплод, слаще, чем картофель, но не без сходства с оным. Кулалу – трава наподобие шпината. Папайя – фрукт, размером меньше, нежели самые маленькие тыквы. Все три годятся для варки и идут в пищу с мясом; последний из этих видов пищи англичане усовершенствовали, придавая ему вкус репы или яблок при помощи должной примеси масла или лаймов.

Гуава – плод величиною с пипин[226], с семенами и камушками внутри, грубоватого вяжущего вкуса, и хотя не так уж многое можно сказать ему в похвалу, в Вест-Индии он обычен в употреблении среди креолов (кои пробовали и то, и другое), отдающих ему предпочтение перед персиком или нектарином[227], что не удивительно, когда речь заходит о людях со столь деградировавшими вкусами, что они предпочитают жабу в скорлупе (как люди военные называют черепах) оленине и негритянок – утонченным английским леди.

Бананы и пизанги – плоды продолговатой формы, кои, по-моему, различаются только тем, что secundum major et minus[228], если вообще различаются; последние предпочтительнее и чем меньше размером, тем оказываются сочнее. Их обычно, очистив от кожуры, едят за трапезою вместо хлеба. Листья оного банана – превосходное слабительное, и я видел, как, будучи приложены снаружи, они лечат самые стойкие цинготные язвы.

Маниок – корень, который выпускает побеги примерно до высоты смородинового куста; из сего корня островитяне делают муку или крупу, которую продают по 3 реала за рув, и ведут значительную торговлю ею с кораблями, которые ее им заказывают. Чтобы ее приготовить, надлежит прежде отжать из него сок (который ядовит), что делают здесь при помощи пресса, а затем негритянки на грубом камне растирают его в зернистую крупу, которую запасают в домах или варят, как мы варим нашу пшеницу, и сие есть излюбленная пища у рабов; или делают из нее хлеб, нежный, белый и вкусный, для самих себя. Говоря о маниоке на сем острове, следует упомянуть, что леса изобилуют диким его видом – ядовитым и более смертоносным, каковой люди, неискусные в его приготовлении, иногда употребляют в пищу к собственной своей погибели; Здешние миссионеры уверяли меня, что часто проверяли сие на своих свиньях, и приписывают смертность наших моряков тому, что мы делаем то же.

Индейское зерно, так же, как маниоковая мука и рис, является обычным провиантом на наших невольничьих кораблях и предлагается здесь по 1 000 початков за два доллара. Это зерно вырастает до восьми или девяти футов в высоту на жесткой тростине, или пруте, выпуская затем через каждые шесть дюймов высоты по несколько длинных листьев; у него

всегда есть колос или, скорее, головка на верхушке, приносящая урожай сам-четыреста; и часто 2, 3 или больше таких колосьев бывает еще посреди стебля.

Здесь есть тамариндовые деревья; и другое, называемое кола, чьи плоды, или орехи (примерно вдвое больше каштана и горькие), португальцы жуют, дабы придать сладковатый вкус воде, которую пьют. Но сверх всего, мне показали кору некоего растения (названия коего я не знаю), каковая, по настоятельным утверждениям, имеет странное свойство увеличивать мужской член. Я не люблю подобных измышлений и не верю в силу какого-либо растения, но должен признать, что видывал у негров весьма выдающиеся виды таковых органов; однако, дабы у наших леди не появилось желания импортировать эту кору, должен сообщить, что они, оказывается, становятся менее бойкими, когда возрастают в размерах. Я, похоже, забыл коричные деревья; их здесь только одна аллея, каковая служит входом на виллу губернатора. Они разрастаются чрезвычайно хорошо, а кора не уступает нашей корице из Индии. Причина, по которой они и прочие специи в столь подходящей почве не получают дальнейшего разведения, возможно, кроется в опасении, что столь богатая продукция может возбудить у какого-нибудь могущественного соседа прихоть к сему острову.

У них две зимы, или, скорее, весны, и два лета. Зимы, каковыми считаются сезоны дождей, наступают в сентябре и феврале-марте и длятся по два месяца, возвращая земле ее тучность и плодородную силу, что позволяет ежегодно собирать двойной урожай малым потом и трудом.

Hic ver assiduum atque alienis aestas

s bis gravidae pecudes, bis pomis utilis arbos[229].

Первый их приход связан с травадос, т. е., внезапными и сильными порывами ветра, с громом, молниями и обильными ливнями, но короткими; а следующее за тем новолуние или полнолуние в эти времена года неизбежно приносит дожди, кои, раз начавшись, идут с очень небольшими перерывами, и самые холодные наблюдаются в феврале. Подобные дождливые сезоны бывают также на всем побережье Африки; если можно предложить какой-то общий способ исчисления времени их наступления, они происходят от хода Солнца, ибо случаются только периоды равноденствия; потому что, если в оные периоды равноденствия дождливые сезоны можно наблюдать по всему миру (а я склонен думать, что так оно и есть), то какая бы тайная причина ни воздействовала при таковом положении Солнца и ни производила их, она делает сие более эффективно в близлежащих широтах; и потому, по мере продвижения Солнца, дожди приходят в Видах и на Золотой берег в апреле, а в самую наветренную часть Гвинеи в мае. В другой сезон, когда Солнце возвращается на юг, в Северной Африке они более неопределенны и нерегулярны; но далее к югу они протекают сходным образом и идут на мысе Лопес в октябре, в Анголе в ноябре и т. д.

Здешний образ жизни у португальцев, с их крайнею экономностью и умеренностью, доходит до нужды и голода; известный пример в доказательство тому – прожорливость их собак, кои, находя дома совершенно пустые шкафы, от голода дичают и пропитания ради разрывают могилы умерших, как мне часто доводилось видеть; сами они тощие от скупости и той христианской добродетели, каковая часто является результатом самоотречения; и свой скот они выращивали бы в том же духе, если бы тот мог при том приносить им столько же денег или получал бы пропитание непосредственно от Провидения. Лучшие из них (за исключением, время от времени, губернатора) не наносят и не принимают визитов ради развлечения или отдыха; они каждый вечер встречаются на улице и садятся у дверей друг друга, и поскольку мало кто их них на столь маленьком острове имеет плантации на таком удалении от прочих, чтобы не видеться при желании каждый день, то темы их бесед в основном – как идут дела с неграми или землей, и после того они расстаются друг с другом, безмятежные, но голодные.

Негры у них не имеют тяжелых обязанностей, они довольно счастливы в рабстве; пища у них в основном растительная, которую больше ни на что не употребить, и по этому поводу не

возникает никакого ропота; а поскольку занятие их – домашнее хозяйство, будь то в услужении по дому, в саду, во время сева или посадки растений, то им не приходится делать ничего сверх того, что каждый человек предпочел бы ради здоровья и удовольствия; самая тяжелая из их работ – переноска своих патронов и их жен на плантации и обратно; сие они делают в гамаках, называемых в Видахе серпентинами[230], подвешенных на жердях, с пологом наверху, дабы укрыть переносимую таким образом персону от солнца и непогоды, и на каждом конце находится по рабу; и все-таки даже это, мнится мне, предпочтительней показной свободы, каковою располагает для себя и своих наследников человек, работающий на угольной шахте.

Негры в большинстве своем, заботами своих патронов, христиане, по крайней мере номинально, но, за исключением немногих, все еще придерживаются в своих траурных и увеселительных церемониях многих глупых языческих обычаев, и даже в какой-то мере, за счет численного своего преобладания, ввело их в употребление среди простолюдинов – мулатов[231] и португальской расы.

Если у сих цветных кто-то умирает, его родственники и друзья встречаются подле дома, где тело скромно кладется на землю и покрывается простынею(все, за исключением лица); они сидят вокруг, ужасающе плача и воя, не без сходства с тем, что, как говорят, делают наши сельские жители в Ирландии; сие оплакивание длится восемь дней и ночей, но с неодинаковою силою, ибо, поскольку друзья, кои составляют хор, приходят и уходят, устают и неодинаково взволнованы, тон ежедневно спадает и перерывы в приступах сей печали становятся дольше.

В увеселениях и праздниках они столь же смешны; таковые обычно устраиваются по поводу спасения какого-нибудь друга от кораблекрушения или другой опасности; они сходятся в большой комнате дома и начинают бренчать, под каковую музыку один из их компании временами горестно поет; остальные при том стоят кругом вдоль стен комнаты, внимательно следя за стенаниями, подхватывают их в свою очередь (по одному или по двое сразу), ступая по кругу, что называется танцем, все постоянно хлопают в ладоши и поминутно вскрикивают «абео», что означает не более, чем «ну, как ты?». И сие дурацкое веселье продолжается в доме три или четыре дня, и может длиться без перерыва по двенадцать или шестнадцать часов кряду.

Португальцы, в высшей степени воздержанные и умеренные в других вещах, необузданны в своей похоти; и, вероятно, выстраиваются в очередь к кабинету хирурга, что служит противоядием против напастей, причиненных неразборчивым сладострастием; большинство из них имеет венерические болезни, и с возрастом они становятся худыми и изнуренными; я видел здесь два случая венерических язв, разъевших тело до внутренностей, – зрелище, которое могло бы действенно убедить мужчин (полагаю я) в том, как благотворны ограничения, налагаемые законом.

Аннобоно – последний и самый малый по значению из трех островов; там масса плодов и провизии, кои меняют у кораблей на старую одежду и всякого рода мелочи; у них есть губернатор, назначаемый на Сан-Томе, и два или три пастора, из коих ни одного не слушают, и каждый живет по своему усмотрению, в невежестве и похоти.

Возвратимся к Дэвису; на следующий день после того, как он покинул Анамабо, рано утром, человек на верхушке мачты завидел парус. Надо отметить, что они держат хороший дозор, ибо, согласно их уставу, кто первым заметит парус – если то окажется добыча, – тот имеет право на лучшую пару пистолей на борту, помимо и сверх своей доли, каковыми они исключительно горды; и пара пистолей иногда передается от одного к другому за тридцать фунтов.

Они немедля пустились в погоню и скоро поравнялись с ним; корабль оказался голландским и, будучи меж Дэвисом и берегом, поднял все паруса, какие мог, намереваясь сесть на мель; Дэвис разгадал сей замысел и, поставив все малые паруса, догнал его, прежде чем тот смог его осуществить, и произвел бортовой залпом, после чего он тут же сдался и

попросил пощады. Она была дарована, ибо в уставе Дэвиса условлено было, что пощаду должно давать всякий раз, как ее попросят, под страхом смерти.

Сей корабль оказался очень богатой добычею, имея на борту губернатора Аккры со всем его имуществом, направляющегося в Голландию; там было денег на сумму 15 000 фунтов стерлингов, не считая ценных товаров, кои они все перенесли к себе на борт.

После этого нового успеха они вернули вышеупомянутым капитану Холлу и капитану Пламу их корабли, но усилили свою команду на 35 пар рук, все это были белые люди, взятые от сих двоих и со шлюпа Морриса; они также отдали голландцам их корабль после того, как ограбили, как было сказано.

Прежде чем они пришли к острову Принсипи, в одном из кораблей, а именно называемом «Король Джемс», открылась течь; Дэвис приказал перевести с него на борт своего корабля всю команду, со всеми вещами, еще пригодными к употреблению, и оставил его на якоре в Верхнем Камеруне[232]. Как только в пределах видимости показался остров, он поднял английский флаг; португальцы, увидев плывущий к ним большой корабль, выслали маленький шлюп, дабы выяснить, что сие может быть; когда с того шлюпа окликнули Дэвиса, он сказал им, что они – английский военный корабль, разыскивающий пиратов, и что они получили сведения, будто какие-то из них есть на этом побережье; после того они приняли его как желанного гостя и провели в гавань. Он салютовал форту, на что оттуда ответили тем же, стал на якорь прямо под прицел их пушек и спустил пинассу, такую, как на военных кораблях, приказав сесть в нее девяти матросам и старшине, дабы отвезти его на берег.

Португальцы, желая оказать ему высшие почести, выслали цепь мушкетеров, дабы встретить его и сопроводить к губернатору. Губернатор, не имея ни малейшего подозрения о том, кто он, принял его очень учтиво, пообещав снабдить всем, что способен предоставить остров; Дэвис поблагодарил его, сказав, что за все взятое заплатит король Англии; и так, обменявшись с губернатором несколькими любезностями, он снова вернулся на борт.

Случилось так, что туда пришел французский корабль, чтобы снабдить себя некоторыми необходимыми припасами, каковой Дэвису пришла фантазия ограбить; но чтобы придать делу видимость справедливости, он убедил португальцев, что тот торговал с пиратами и что он обнаружил у него на борту некоторое пиратское добро, каковое забирает для нужд короля; сия история так хорошо подействовала на губернатора, что он похвалил Дэвиса за усердие.

Через несколько дней Дэвис и с ним около четырнадцати человек тайно сошли на берег и двинулись вглубь материка к селению, где губернатор и другие начальники держали своих жен, намереваясь, как можно предполагать, заменить им их мужей; но были обнаружены, и женщины бежали в соседний лес, а Дэвис и остальные убрались на свой корабль, не исполнив задуманного; дело произвело некоторый шум, но, поскольку их никто не узнал, все вскорости утихло.

Отремонтировав корабль и приведя все в порядок, он обратился мыслями к главному делу, viz. разграблению острова, и так как не знал, где находятся сокровища, то изобрел военную хитрость, дабы получить их (как он полагал) малыми хлопотами, посоветовался по сему поводу со своими людьми, и им понравился замысел; план его состоял в том, чтобы преподнести в подарок губернатору дюжину негров, как бы в ответ на проявленную тем учтивость, и после того пригласить его на прием, со знатными людьми острова и несколькими поварами, к себе на корабль; в ту же минуту, как они взойдут на борт, их должны будут заковать в железа и держать так, пока они не заплатят выкуп в 40 000 фунтов стерлингов.

Но сия уловка оказалась для него роковой, ибо один португальский негр ночью уплыл от него на берег и раскрыл губернатору весь заговор, а также дал тому знать, что именно Дэвис покушался на их жен. Однако губернатор притворился, учтиво принял приглашение пиратов и обещал, что придет вместе с прочими.

На следующий день Дэвис сам сошел на берег, будто бы для того, чтобы с большим почтением сопроводить губернатора на корабль; тот принял его с обычною любезностью, и он с другими главными пиратами – которые, кстати, приняли титулы лордов и в качестве таковых взялись советовать или указывать своему капитану при каждом важном случае; а также сохраняли определенные привилегии, коих лишены были рядовые пираты, как то: хождение по шканцам, пользование большою каютою[233], хождение на берег по желанию и переговоры с противниками, т. е., с капитанами кораблей, кои они захватывали; так вот, Дэвис и некоторые из лордов пожелали прогуляться до дома губернатора и слегка подкрепиться, прежде чем пойти на корабль; они согласились на то без малейшего подозрения, но назад уже не вернулись; ибо там была устроена засада, и по данному сигналу по ним дали залп; все, кроме одного, упали, и тот один бежал обратно и спасся в лодке, и достиг корабля; Дэвису прострелили внутренности, но он сумел подняться и сделал слабую попытку бежать, но силы скоро покинули его, и он упал замертво; лишь когда его ранили, он понял, что на него напали, и тогда, вытащив свои пистоли, выстрелил из них в своих врагов; уподобившись тем бойцовому петуху, наносящему предсмертный удар, дабы не пасть неотомщенным.

Приложения

Приложение 1. Географические названия

Географические названия, приведенные в «Истории пиратов», помещены в алфавитном порядке и снабжены перекрестными ссылками (выделены курсивом). Где это возможно и необходимо, дана краткая справка о времени открытия местности и ее национальной принадлежности ко времени написания книги. Приводятся также современные названия и территориальная принадлежность местностей, островов и городов.

Абердин – город и порт на востоке Шотландии.

Аккра – город и порт на Золотом Берегу Гвинейского залива. С 1957 г. – столица Республики Гана.

Анамабо – порт Анамбо на Золотом Берегу Гвинейского залива, неподалеку от мыса Корсар. Ныне на побережье Республики Гана.

Ангола – до 1974 г. португальская колония в западной части Южной Африки. Во времена Дефо – один из крупнейших «поставщиков» рабов из Африки в Новый Свет, наряду с Невольничьим Берегом.

Ангуилья – остров северо-западной ветви архипелага Наветренных островов.

Аннобоно(Анна Бом, Аннобон) – маленький островок у западного побережья экваториальной Африки, входящий в группу островов Сан-Томе.

Антигуа – остров северо-западной ветви архипелага Наветренных островов.

Аполлония – небольшой мыс на Золотом Берегу Бенинского залива, примерно в 50 милях западнее мыса Три Пойнтс. Ныне неподалеку от границы побережий Ганы и Кот-Дивуар.

Баб-эль-Мандебский пролив – пролив между Северной Африкой и Аравийским полуостровом, соединяющий Красное море с Аравийским. Длина около 100 км, наименьшая ширина – 26 км. Считался одной из самых удобных точек для перехвата судов на торговых путях Индийского океана.

Багамские острова – группа островов в Вест-Индии севернее Больших Антильских и Виргинских островов. Были открыты Христофором Колумбом в 1492 г. Удобное стратегическое положение Багамских островов привело к образованию в 1713 г. на одном из них – Нью-Провиденсе крупнейшей пиратской базы Карибского моря, которая просуществовала до середины 1718 г. С 1783 г. – английская колония (хотя на некоторых островах архипелага английские поселения и губернаторы существовали уже в начале XVIII века). С 1973 г. – независимое государство.

Барбадос – остров группы Малых Антильских островов. Открыт испанцами около 1500 г. С 1625 г. – английская колония. В описываемое время считался столицей архипелага. С 1966 г. – независимое государство в составе британского Содружества.

Барнако – точнее, Бонака или Гуанаха – островок на юго-востоке Гондурасского залива, неподалеку от мыса Гондурас.

Бастаун – Бат, город на побережье залива Пемлико в Северной Америке, административный центр английского сеттльмента Северная Каролина (ныне в составе штата Северная Каролина, США).

Батавия – порт, крепость (1619 г.) и город (с 1621 г.) голландцев на о. Ява. Центр голландских владений в Малайском архипелаге. С 1949 г. – г. Джакарта. Ныне столица Индонезии.

Бенинский залив – часть Гвинейского залива, омывающая Золотой Берег и Невольничий Берег Верхней Гвинеи – один из основных португальских районов «добычи» чернокожих рабов для Нового Света. В настоящее время по берегу Бенинского залива расположены Гана, Того, Бенин, Нигерия.

Бермудские острова – архипелаг в Атлантическом океане у побережья Северной Америки. Колония Великобритании (по настоящее время).

Биддифорд – городок на юго-западе Англии, неподалеку от Плимута (графство Девоншир).

Боавишта – юго-восточный остров Наветренного архипелага островов Зеленого Мыса. Открыт в 1456 г. венецианцем Альвизе (Луиджи) да Кадамосто в ходе плавания к Западной Африке за рабами по патенту португальского принца Энрике.

Бомбей – один из крупнейших городов Индии, расположенный на западном побережье полуострова Индостан. Известен с XVI в. В 1530 г. был захвачен португальцами. В 1662 г. перешел во владение Англии. В начале XVIII в. был основной базой англичан на территории Могольской империи. Ныне столица штата Махараштра.

Бостон – город в провинции Массачусетс в Новой Англии (восточное побережье Северной Америки), на берегу Массачусетского залива. Основан в 1630 г. квакерами и протестантами, бежавших из Англии от религиозных гонений. Удачное положение и быстро развивающаяся торговля уже через несколько десятилетий сделали Бостон крупнейшим городом среди английских и французских колоний в Америке. В последней трети XVIII в. – один из центров борьбы английских колоний Северной Америки за независимость, где, в частности, произошло знаменитое «Бостонское чаепитие» 1773 г. Ныне столица штата Массачусетс (США).

Бошадор (Бохадор) – мыс на северо-западном побережье Африки неподалеку от Канарских островов. Первым южнее этого мыса вдоль побережья Африки продвинулся португалец Жил Ианиш в 1434 г.

Бразилия – крупнейшая португальская колония Нового Света на восточном побережье Южной Америки. Была открыта в 1500 г. После истребления большей части местного населения сюда в огромных количествах стали завозиться африканские рабы для работы на табачных, кофейных, сахарных плантациях. С 1822 г. – независимое государство. Как ни парадоксально, в этой стране, заселенной бывшими рабами, рабство было официально отменено только в 1888 г. – даже позднее, чем в США.

Бристоль – имеется в виду Бристль, городок невдалеке от побережья залива Св. Андрея на территории современного штата Флорида (США). Основан выходцами из английского города Бристоль.

Вест-Индия – общее название островов Атлантического океана между материками Северная и Южная Америки. В состав Вест-Индии включаются Багамские, Большие и Малые Антильские, Виргинские острова. Большей частью были открыты Христофором Колумбом в

1492—1502 гг. и ошибочно приняты им за Индию. Вест-Индией их стали называть, чтобы отличать от настоящей – Ост-Индии. Острова Вест-Индии на протяжении XVII – XVIII вв. служили ареной непрекращающейся борьбы за сферы контроля между англичанами, французами, испанцами и отчасти португальцами. Здесь не действовали мирные договоры, заключенные между этими странами в Европе, и пираты, количество которых сильно вырастало после очередной войны, при соблюдении определенных условий всегда могли рассчитывать на прикрытие в виде официальной каперской лицензии или королевской амнистии. И если договор о разделе американских земель в 1670 г. был все же подписан, на море действовали совсем другие правила.

Видах – город и порт на Невольничьем Берегу Африки (Бенинский залив). Во времена Дефо был одной из крупнейших баз работорговли. В настоящее время принадлежит Республике Бенин.

Виргиния – в начале xviii в. английская земледельческая колония (доминион) на восточном побережье Северной Америки, где выращивали главным образом табак и сахарный тростник. Первое поселение англичан в Виргинии было основано в 1607 г. В настоящее время входит в состав одноименного штата США.

Виргинские острова – группа мелких островов в Вест-Индии между Пуэрто-Рико и Наветренными островами.

Гавана – город на о. Куба, основан в 1515 г. С конца XVI в. – столица испанской колонии на острове. В настоящее время столица Республики Куба.

Гаити – один из Больших Антильских островов. В конце XV в. был захвачен конкистадорами, почти полностью истребившими местное население. Для работы на плантациях на остров стали завозить рабов из Африки. В конце XVII в. западная часть острова перешла к Франции, восточная до 1804 г. оставалась у Испании. Известен также под названиями Эспаньола, Сан-Доминго (французская часть – Санто-Доминго).

Гамбия(1) – река в Западной Африке, длиной около 1 200 км. Впадает в Атлантический океан. На протяжении 350 км от устья судоходна. Устье р. Гамбия открыл в 1446 г. Алвару Фернандиш – капитан одного из кораблей португальской экспедиции охотников за рабами под командованием Лансароти Писанья.

Гамбия(2) – крепость английской Королевской Африканской (Гвинейской) Компании на крайнем севере Верхней Гвинеи, в районе устья р. Гамбия. Постепенно расширяя свое присутствие на этом берегу, к середине следующего, XIX в. Англия захватила большую часть страны и объявила ее своей колонией. Ныне территория Республики Гамбия (в составе британского Содружества).

Гарденер – островок у северного побережья восточной оконечности о. Лонг-Айленд (ныне штат Нью-Йорк, США).

Гвинея – общее название прибрежных земель Западной Африки от Сенегала до Анголы, открытых и частично колонизованных Португалией. Условно разделялась на Верхнюю Гвинею (побережье от Гамбии на севере до Камеруна на юге) и Нижнюю Гвинею (Конго, Ангола). О характере развития этих колоний в описываемое время говорят названия северного побережья Гвинейского залива: Перцовый Берег, Берег Слоновой кости, Золотой Берег, Невольничий берег.

Генри – мыс, замыкающий с юга вход в Чесапикский залив.

Гернси – остров группы Нормандских островов (Ла-Манш).

Глазго – город и порт в заливе Клайд на западном побережье Шотландии.

Гоа – город в центральной части западного побережья Индостана. В 1510 г. был захвачен вторым португальским вице-королем Индии Афонсу Албукерки. С этого времени – столица португальских колоний в Индии. С 1961 г. в составе Республики Индия.

Гого – очевидно, арабский порт Галгох южнее г. Могадишо, на территории султаната Оббия (Северо-Восточная Африка). Ныне – побережье республики Сомали.

Гондурасский залив – залив Карибского моря у берега Центральной Америки.

Гранд Кайман (Большой Кайман) – крупнейший из трех Каймановых Островов, находящихся в Карибском море к северо-западу от Ямайки. Острова были открыты Колумбом в 1503 г., принадлежат Великобритании.

Гройн – английское калькированное название испанского города Ла-Корунья.

Девоншир – графство на юго-западе Англии, пограничное с проливом Ла-Манш.

Делавер – залив на атлантическом побережье Северной Америки, примерно в 30 милях севернее Чесапикского залива. Залив тянется вглубь материка примерно на 80 км, и там в него впадает река Делавер, судоходная на 10 миль вверх по течению. В 1682 г. недалеко от устья р. Делавер был основан г. Филадельфия. Ныне территория штата Пенсильвания (США).

Делагоа – бухта на Мономотапском берегу Юго-Восточной Африки, на одной широте с южной оконечностью Мадагаскара. С XVI в. эта территория находилась во владении Поргугалии. В настоящее время на берегу бухты расположена столица Республики Мозамбик – Мапуту (до 1976 г. Лоренсу-Маркиш).

Джемс-ривер – река в Виргинии, впадающая в Чесапикский залив.

Доброй Надежды мыс – один из самых южных мысов Африки. Открыт в июне 1488 г. португальцем Бартоломеу Диашем (ок. 1450—1500), который в поисках морского пути в Индию первым из европейцев обогнул Африку с юга. Название «Его величество мыс Доброй Надежды» было дано Диашем в знак надежды достичь этим путем Индии. Однако этот путь был настолько далек, что потребовалась испанская экспедиция Колумба, через четыре года открывшего «путь в Индию», чтобы португальские короли решились воспользоваться «надеждой» Диаша. В 1652 г. район мыса заняли голландцы и основали там поселение Капштадт (от голл. Каар – мыс) – будущую столицу Капской колонии.

Дон Маскарен – о. Реюньон (Маскаренские острова).

Дублин – столица и главный порт Ирландии.

Золотой Берег – часть Верхней Гвинеи на побережье Бенинского залива от точки примерно в 70 милях западнее мыса Три Пойнтс до устья реки Вольта. Открыт Жуаном ди Сантарен и Перу ди Ишкулар в 1471 г. Был колонизирован португальцами в 1481 г., в 1642 г. захвачен голландцами. По Бредскому миру 1667 г. часть побережья в районе мыса Корсар была передана англичанам, а в 1871 г. во владение Англии перешел и весь Золотой Берег. Ныне – береговые районы Республики Гана.

Инд – судоходная река в Китае и Индии. Впадает в северо-восточную часть Аравийского моря, у основания полуострова Индостан. Ныне устье Инда находится на территории Пакистана.

Иоганна – Анжуан, один из Коморских островов.

Ипсвич – город и порт в Восточной Англии (графство Суффолк).

Кавена – поселение на южном побережье о. Куба. Точное местонахождение не установлено.

Калабарский залив – залив Биафра, часть Гвинейского залива в районе Камеруна, ограниченная с севера устьем р. Нигер и Бенинским заливом, а с юга островами Сан-Томе и Принсипи. Открыт в 1472 г. португальцем Фернаном да По.

Каликут – город в центральной части Малабарского берега Индостана, столица одноименного княжества. Ныне г. Кожикоде (Республика Индия).

Камерун – в книге Дефо имеется в виду часть западного побережья Центральной Африки от острова Фернандо-По до островов Сан-Томе и Принсипи, которая тогда еще не была

колонизована ни одной из европейских стран. Пограничная территория между Верхней и Нижней Гвинеей. В настоящее время – береговой район Республики Камерун.

Каморин – см. Коморин.

Канарский берег (устар.) – центральная часть западного побережья Индостана, между Гоа и Малабарским берегом. Иногда считается составной частью Малабарского берега. Эта путаница заметна и у Дефо, который, говоря о пирате Ангриа (см. «Жизнь капитана Инглэнда»), называет Малабарским берегом район Бомбея, а несколькими страницами выше в той же биографии ограничивает Малабарский берег 12-м градусом северной широты и называет Канарский берег примыкающим к Малабарскому.

Карвар – город на западном побережье Индостана, на границе Гоа и Канарского берега.

Каролина – это название носили две английские провинции на юге атлантического побережья Северной Америки – Южная Каролина и Северная Каролина. Во времена Дефо представляли собой один-два городка на побережье и немногочисленные фермерские поселения в ближайшей округе. Поэтому название провинции часто отождествлялось с ее главным городом – резиденцией губернатора. Почти во всех случаях, когда в тексте говорится о Каролине без уточнения, подразумевается Южная Каролина или ее столица Чарлзтаун.

Кикветан – поселение в устье Джемс-ривер, в английском доминионе Виргиния. Современное название установить не удалось.

Кингстаун – Кингстон, город на юго-восточном побережье о. Ямайка. Основан англичанами в 1693 г., после землетрясения, уничтожившего Порт-Роял. С 1872 г. официальная столица Ямайки, хотя фактически город выполнял эти функции с момента основания.

Китайское море – очевидно, имеется в виду Южно-Китайское море, расположенное на западе Тихого океана у берегов Юго-Восточной Азии, между полуостровом Индокитай, островами Калимантан, Палаван, Лусон и Тайвань. В XVII – XVIII в. – зона колониальной экспансии португальцев и голландцев.

Кобенда – Кабинда, порт на западном берегу Африки северней устья р. Конго. В настоящее время – один из крупнейших портов Республики Ангола.

Колаба – город на мысу Алибаг (западное побережье Индостана) в нескольких милях южнее Бомбея. В описываемое время – резиденция могущественнейшего индийского пирата Ангриа.

Коммендо – поселение на Золотом Берегу Бенинского залива, между Саконде (Сукконда) и мысом Корсар. Ныне на территории Республики Гана.

Коморин, мыс – южная оконечность полуострова Индостан, современное название – мыс Кумари.

Коморские острова – архипелаг в Мозамбикском проливе Индийского океана у северной оконечности о. Мадагаскар. В описанное время острова были практически не заселены европейцами, и только в XIX – начале XX вв. их захватила Франция.

Конден – местонахождение не установлено. Возможно, Дефо имеет в виду арабский порт Аден восточнее Баб-эль-Мандебского пролива

Корк – город на юго-востоке провинции Минстер (Южная Ирландия), столица графства Корк.

Коромандельский берег – восточное побережье полуострова Индостан (Бенгальский залив).

Корсар (Корсо) – мыс на Золотом Берегу Бенинского залива, к западу от г. Аккра.

Кочин (Коччи) – город и порт на Аравийском мысу полуострова Индостан, на одной широте с самыми южными из Лаккадивских островов. Жители этого города, в пику враждебному им соседнему городу Каликуту, начали торговлю пряностями и тканями с

португальцами еще в 1500-м году. В 1505 г. первый португальский вице-король Индии Франсишку Алмейда основал в Кочине португальскую факторию, после чего город стал крупнейшим портом Малабарского побережья. В XVII в. португальцев вытеснили голландцы. Ныне город входит в состав штата Керала (Республика Индия).

Красное море – узкое водное пространство между юго-западным побережьем Аравийского полуострова и северо-восточным берегом Африки. По Красному морю проходило водное продолжение караванных путей из Аравии и Мавритании в Индию.

Куба – остров из группы Больших Антильских островов. Открыт Колумбом в 1492 г. и вскоре был колонизован Испанией. Вместо уничтоженного коренного населения испанцы стали ввозить сюда для работы на плантациях негров-рабов. В 1898 г. перешел во владение США, с 1902 г. – самостоятельная республика.

Кюрасао – остров группы Малых Антильских островов в Карибском море. В 1527 г. остров заняли испанцы, но в 1634 г. он был захвачен голландцами и по Вестфальскому миру 1648 г. окончательно отошел к Голландии. Во времена Дефо основной статьей экспорта был одноименный ликер.

Лаккадивские острова – группа коралловых атоллов в Аравийском море, неподалеку от Малабарского берега Индии. Растут кокосовые пальмы. Ныне – союзная территория Лакшадвип в составе Республики Индия.

Ла-Корунья – порт в Галисии (северо-запад Испании), столица одноименной провинции.

Ланстон – неустановленное поселение или город на Ямайке. Возможно, Дефо имел в виду Кингстон, который уже в начале XVIII в. фактически являлся столицей острова.

Лейс – Видимо, речь идет о графстве Лейиш провинции Ленстер (Восточная Ирландия).

Лонг-Айленд(1) – большой остров в непосредственной близости от атлантического побережья Северной Америки, рядом с которым был основан Нью-Йорк. Ныне входит в состав штата Нью-Йорк (США).

Лонг-Айленд(2) – остров центральной группы Багамских островов.

Лопес(Лопеш Гонсалвиш) – мыс на западном побережье экваториальной Африки, напротив о. Аннобон. Открыт ок. 1473 г. Ныне территория Габонской Республики.

Маврикий – остров архипелага Маскаренские острова. В 1598 г. был колонизирован голландцами, которые впоследствии его покинули. В 1715 (по Дефо – 1722) году вторично колонизирован французами. С 1810 по 1968 гг. – колония Великобритании. Ныне в составе государства Маврикий.

Мадагаскар – большой остров в Индийском океане, у юго-восточного побережья Африки, отделенный от нее Мозамбикским проливом. Был открыт Лоренсо Альмейдо в 1506 г., однако европейских колоний на острове не возникло. В конце XVII – начале XVIII вв. – главная пиратская база на торговом пути из Европы в Индию. В 1695 г. здесь была основана знаменитая пиратская Республика Мадагаскар – своеобразное коммунистическое государство, просуществовавшее четверть века. С 1896 г. – владение Франции, с 1960 г. – независимое государство.

Мадера (Мадейра) – архипелаг в Атлантическом океане к западу от Северо-Западной Африки. Открыт португальцами в XIV в. Владение Португалии. Основной предмет экспорта – вина. Самый крупный остров также называется Мадейра.

Мадрас – город и порт в Южной Индии. В начале XVIII в. – французский порт и крепость (другое название – форт Св. Георга) на юге Коромандельского берега. По Аахенскому миру 1748 г. отошел к Англии. Ныне столица штата Тамилнад (Республика Индия).

Май (Маю) – северо-восточный остров Подветренного архипелага островов Зеленого Мыса. Открыт в 1456 г. венецианцем Альвизе (Луиджи) да Кадамосто в ходе плавания к Западной Африке за рабами по патенту португальского принца Энрике.

Майотта – остров группы Коморских островов в Мозамбикском проливе. До 1841 г. остров не колонизовался, затем был захвачен Францией.

Майси, мыс – восточная оконечность о. Куба.

Малабарский берег(устар.) – южная часть западного побережья Индостана.

Мальфи – город Амальфи на побережье Салернского залива (Италия). В X – XI вв. город-государство Амальфи считался центром посреднической торговли между городами Италии и арабским Востоком. Кодекс морского права Амальфи был общепризнанным во всем Средиземноморье. Впоследствии пришел в упадок и утратил независимость. Входил в состав Неаполитанского королевства. Ныне на территории области Кампанья (Республика Италия).

Мартиника – остров в группе Наветренных островов Вест-Индии. Был открыт Колумбом в 1502 г. С 1635 г. началась колонизация острова французами, сопровождавшаяся, как и по всему Новому Свету, истреблением местных индейцев и ввозом чернокожих рабов из Африки. Власть над островом больше двух с половиной веков оспаривала у французов Англия, пока по Амьенскому миру 1802 г. Мартиника не была окончательно признана французским владением.

Маскаренские острова – архипелаг в Индийском океане к востоку от Мадагаскара, включающий в себя острова Реюньон, Маврикий и Родригес.

Маскат (Оман) – независимый имамат Оман в составе Арабского халифата. Расположен на юго-востоке Аравийского полуострова, на побережье Оманского залива и Аравийского моря. Столица – город и порт Маскат. В XVII – начале XVIII вв. Оман (Маскат) владел также частью земель восточной Центральной Африки на территории современной Танзании. К началу XIX в. был расчленен на имамат Оман, султанат Маскат и так называемый Пиратский берег (современные Объединенные Арабские Эмираты). В 1970 г. Оман и Маскат объединены в султанат Оман.

Мелинда – Мелинди (Малинди), порт на восточном побережье Центральной Африки, примерно на одной широте с Сейшельскими островами.

Мериленд – Мэриленд, английский сеттльмент на атлантическом побережье Северной Америки. Ныне в составе одноименного штата США.

Милфорд – город на юго-западе Англии (графство Монмутшир).

Мозамбик – территория на восточном побережье Южной Африки от бухты Делагоа на юге до широты острова Занзибар на севере. До появления европейцев здесь сложилось несколько раннеклассовых государств (крупнейшее – Мономатапа). В XVI в. это побережье колонизовала Португалия, однако захват внутренних районов завершила только в начале XX в. С 1975 г. – независимая республика.

Мокка (Моха, Моча) – арабский порт на юго-западе Аравийского полуострова, неподалеку от Баб-эль-Мандебского пролива. То же название носит близлежащая часть Красного моря.

Монмутшир – графство на юго-западе Англии.

Мономотапский берег – старинное название побережья Португальской Восточной Африки от мыса Дельгадо на севере до бухты Делагоа на юге. До начала португальской колонизации (XVI в.) здесь находилось несколько негритянских государств, крупнейшее из которых – Мономотапа – и дало название побережью. Ныне является береговым районом Республики Мозамбик.

Мохилла – Мохели, остров архипелага Коморские острова. Во времена Дефо европейских поселений на нем не было.

Мэйдстон – Мэдстон, столица графства Кент (юго-восточная Англия).

Наветренные острова – восточная группа Малых Антильских островов в Вест-Индии, образующая восточную границу Карибского моря. Во времена Дефо – колониальные владения

Англии, Голландии и Франции. Крупнейшие острова – Гваделупа, Мартиника, Доминика, Сент-Люсия, Сент-Винсент, Гренада, Антигуа.

Невис – остров северо-западной ветви архипелага Наветренных островов.

Негрил – мыс, западная оконечность острова Ямайка.

Николас, мыс – ближайшая к Кубе из двух западных оконечностей Гаити.

Никонго – Конго, формально относившаяся к северной части Нижней Гвинеи. В описываемое время, однако, эта территория еще не была колонизована, здесь существовало несколько негритянских государств. Ныне – территория республик Габон и Конго.

Новая Англия – колонии Великобритании на восточном побережье Северной Америки, на территории современных штатов Вермонт, Коннектикут, Массачусетс, Мэн, Нью-Хэмпшир, Род-Айленд (США). Эту область, открытую в 1583 г., в 1620 г. стали колонизировать бежавшие из Англии пуритане и квакеры. Еще через полвека, с изменением религиозной политики метрополии, Новая Англия стала официальной и «добропорядочной» заокеанской территорией Англии.

Новая Голландия – со времени открытия голландцем В. Янсзоном (1606 г.) и вплоть до XIX в. так называли часть северного побережья Австралии, которую в начале XVIII в. считали островом.

Новая Испания – испанское вице-королевство на территории Мексики, занимавшее всю колонизованную испанцами часть Северной Америки от Чихуахуа на севере до полуострова Юкатан на юге.

Нон – мыс на западной оконечности о. Ибица, относящегося к Балеарским островам (западная часть Средиземного моря).

Норт-Эдисто – река в Южной Каролине к югу от г. Чарлстона, служащая северной границей острову Эдисто.

Нью-Йорк – город на северо-востоке атлантического побережья Северной Америки, в устье р. Гудзон, неподалеку от о. Лонг-Айленд. Основан голландцами в 1626 г. (под названием Новый Амстердам), позднее был захвачен англичанами (окончательно в 1674 г.) и переименован. В 1785—1790 гг. – временная столица США. Ныне в составе одноименного штата США.

Ньюкасл-на-Тайне – столица графства Тайн-энд-Уир (Англия).

Нью-Провиденс – один из Багамских островов, в 200 милях западнее южной оконечности Флориды. В 1713—1718 гг. – основная пиратская база Карибского моря. Официально стал колонией Англии в 1783 г., однако фактически находился под контролем английского правительства уже в начале XVIII в.

Ньюфаундленд – провинция на северо-востоке Северной Америки, включающая в себя поселения на острове Ньюфаундленд и в северо-восточной части полуострова Лабрадор. Побережье было открыто в 1497 г. экспедицией Джованни (Джона) Кэбота. С 1713 по 1949 гг. – английская колония. С 1949 г. – провинция Канады.

Окрекок – узкий фиорд у побережья Северной Америки, к югу от одноименного острова, прикрывавшего залив Пемлико (сеттльмент Северная Каролина) от Атлантического океана. В 1846 г. штормами промыло еще два пролива – Гаттерас и Орегон. В настоящее время в составе штата Северная Каролина (США)

Оннор (Онор) – португальское название небольшого индуистского княжества Гонавар на Малабарском берегу, в 20 милях южнее Гоа. Ныне на территории Республики Индия.

Опорто (Порту) – город и порт в устье р. Дору, на атлантическом побережье Португалии. Столица округа Порту и провинции Дору-Литорал.

Ост-Индия – так называли Индию (точнее, ее прибрежные районы), чтобы отличать ее от Вест-Индии – островов Карибского моря. Во времена Дефо большая часть Ост-Индии была под контролем португальцев.

Очо – залив на северном побережье Ямайки. Точное местонахождение не установлено.

Португалия – во времена Дефо одна из самых богатых и могущественных стран мира, владевшая большими колониями в Южной Америке, Африке и Индии.

Пальмас – мыс в Западной Африке на побережье Гвинейского залива, возле устья р. Кавалли; условная граница Перцового Берега (побережье современной Республики Либерия) и Берега Слоновой Кости (современный Кот-Дивуар). Открыт в 1462 г. португальцем Перу ди Синтра.

Плимут – крупнейший английский порт на побережье Ла Манша (графство Девоншир).

Подветренные острова – группа островов (большей частью вулканических) у северного побережья Южной Америки, образующая юго-западную ветвь архипелага Малые Антильские острова. В XVIII в. принадлежали Голландии, в настоящее время частично перешли во владение Венесуэлы. Крупнейшие острова – Аруба, Кюрасао, Бонайре.

Пондишерри (Пондишери) – в начале XVIII в. – французская фактория на Коромандельском берегу Индостана (основана в 1674 г.). До 1954 г. – административный центр французских владений в Индии. Ныне столица союзной территории Пондишери (Республика Индия).

Порто-Белло (Пуэрто Бельо) – испанский серебряный порт в центре Панамского перешейка, на южном берегу Карибского моря. Основан в 1595 г. как пункт сосредоточения сокровищ Панамы и отправки их в Европу галеонами испанского Казначейского флота. Неоднократно захватывался пиратами (в 1596 г. – Ф. Дрейком, в 1601 г. – У. Паркером, в 1668 г. – Г. Морганом, в 1680 г. – Д. Коксоном), а в 1739 г. и английским флотом под командованием Э. Вернона. Последний раз Казначейский флот прибыл в Порто-Белло в 1737 г. После строительства Транспанамской железной дороги и Панамского канала (1848—1855) утратил свое значение. Ныне на территории Республики Панама.

Порто-Мария – бухта и порт на востоке северного побережья Ямайки.

Порто-Рико (Пуэрто-Рико) – остров в Вест-Индии, в группе Больших Антильских островов. В конце XV в. был захвачен испанцами, истребившими коренное население острова. В XVI в. сюда были завезены африканские рабы для работы на плантациях сахарного тростника. В 1898 г. перешел во владение США. В настоящее время – в составе одноименного государства, имеющего статус присоединившегося к США с правом самоуправления.

Порто-Санто – о. Порту-Санту в архипелаге Мадейра у северо-западного побережья Африки.

Порт-Роял – город на юго-западном побережье Ямайки к западу от Кингстона. Расположен на полуострове, образованном группой рифов и песчаных отмелей. Форт Порт-Роял был основан в 1655 г., после завоевания острова англичанами. С 1657 г. губернатор Порт-Рояла Э. д'Ойли стал привлекать буканьеров с о. Тортуга (владение Франции у северо-западной оконечности Гаити), выдавая им каперские лицензии для нападения на испанцев. С этой поры и фактически до 1680 г. Порт-Роял становится главной пиратской базой Карибского моря. Доходы от пиратства сделали его вторым по величине городом среди английских и французских поселений Нового Света (после Бостона) и сопоставимым по значению со многими портами Европы. В 1692 г. в результате сильного землетрясения город ушел под воду. Вместе с ним погибло 2 000 человек – половина его жителей. Оставшиеся окраинные районы Порт-Рояла уже не могли иметь серьезного значения. Постепенно функции главного города острова перешли к основанному в 1693 г. Кингстону, но еще в течение полувека эти два города фактически находились в положении «двух столиц».

Принсипи (Дель Принсипе) – второй по величине остров архипелага Сан-Томе и Принсипи в Гвинейском заливе Западной Африки.

Провиденс – см. Нью-Провиденс.

Рисвик (Рейсвейк) – местечко на западе Нидерландов, юго-восточнее Гааги. Известно главным образом благодаря подписанию там в 1697 г. мира между Францией и Аугсбургской лигой, которым завершилась война за Пфальцское наследство (1688—1697).

Род-Айленд – провинция Новой Англии на Атлантическом побережье Северной Америки, к северу от Нью-Йорка. Ныне один из штатов США.

Салем – город и порт в провинции Массачусетс (Новая Англия), немного севернее Бостона. Ныне на территории штата Массачусетс (США).

Сан-Николау – остров в центре Наветренного архипелага островов Зеленого Мыса. Открыт в 1456 г. венецианцем Альвизе (Луиджи) да Кадамосто в ходе плавания к Западной Африке за рабами по патенту португальского принца Энрике.

Санта-Крус – остров в архипелаге Антильские острова, расположенный к востоку от Пуэрто-Рико.

Сан-Томе – крупнейший из островов архипелага Сан-Томе и Принсипи в Гвинейском заливе Западной Африки. Архипелаг был открыт в 1472—1473 гг. одной из экспедиций, посланных Фернаном Гомишем, и к концу XV в. колонизован. С 1975 г. – Республика Сан-Томе и Принсипи.

Сантъяго-де-ла-Вега – городок на юго-восточном побережье о. Ямайка, между городами Порт-Роял и Кингстон.

Сантьягу (Сантьяго) – крупнейший остров Подветренного архипелага островов Зеленого Мыса, юго-западнее о. Маю. Открыт в 1456 г. венецианцем Альвизе (Луиджи) да Кадамосто в ходе плавания к Западной Африке за рабами по патенту португальского принца Энрике.

Св. Августина бухта – Сент-Огюстен, бухта на юго-западной оконечности Мадагаскара, в Мозамбикском проливе Индийского океана.

Св. Георга пролив – Южный пролив между Ирландским морем и Атлантическим океаном, разделяющий Ирландию и Англию на юге.

Св. Духа река – Эспириту-Санту, река на юго-востоке Африки, впадающая в бухту Делагоа.

Св. Елены – остров в Атлантическом океане к западу от Анголы. Открыт португальцем Жуаном де Нова в 1502 г. Колония Великобритании.

Св. Мария – небольшой островок у северо-восточного побережья Мадагаскара.

Св. Николая остров – см. Сан-Николау.

Св. Томаса остров – Сент-Томас, группа Виргинских островов.

Свилливантс – островок у входа в гавань Чарлстона на юге атлантического побережья Северной Америки…

Северная Каролина – английский сеттльмент на атлантическом побережье Северной Америки, в начале XVIII в. ограничивавшийся районом залива Пемлико. Ныне в составе одноименного штата США.

Сенегал – река в Западной Африке, впадающая в Атлантический океан на одной широте с островами Зеленого Мыса. Устье р. Сенегал открыл в 1445 г. португалец Нуну Триштан – капитан одного из кораблей экспедиции охотников за рабами под командованием Лансароти Писанья. Ныне является границей Мавритании и Республики Сенегал.

Сент-Винсент – остров в южной части Наветренных островов (архипелаг Малые Антильские острова) на востоке Карибского моря. Открыт Колумбом в 1498 г. До XVII в. находился во владении Испании, в XVII – XVIII вв. за право обладания островом боролись

Англия и Франция. С 1783 г. – английская колония. Ныне в составе независимого государства Сент-Винсент и Гренадины.

Сент-Кристофер – остров в северо-западной ветви архипелага Наветренных островов Карибского моря.

Спэниш-таун – один из Виргинских островов Карибского моря.

Сукконда – поселение Саконде на Золотом Берегу Гвинейского залива, несколькими милями восточнее мыса Три Пойнтс. Ныне – город и порт Секонди (Республика Гана).

Сурат – порт на западном побережье Индостана к северу от Бомбея, в устье р. Тапти. В 1613 г. здесь была основана первая английская торговая фактория в Индии.

Сьерра-Леон (Сьерра-Леоне) – полуостров и бухта на западе Африки, в северной части Верхней Гвинеи. Открыт в 1462 г. португальцем Перу ди Синтра. Юго-восточнее Сьерра-Леоне Синтра нашел на берегу стручковое растение «малагету», семена которого по вкусу напоминают индийский перец, поэтому весь берег получил название Перцового (ныне – побережье Либерии). В начале XVIII в. на побережье Сьерра-Леоне располагалось небольшое английское поселение, а с 1808 г. этот район стал английской колонией. Ныне территория Республики Сьерра-Леоне (в составе британского Содружества).

Телличери – город и порт на Малабарском берегу полуострова Индостан, к северу от Каликута.

Теркил – вероятно, имеется в виду один из островов Свон к северо-востоку от Гондурасского залива, в западной части Карибского моря.

Топсель, бухта – ныне пролив Бофорт, немного южнее залива Пемлико (Северная Каролина) на восточном побережье США.

Три Пойнтс – мыс на побережье Гвинейского залива, примерно в 70 милях восточнее условной границы между Берегом Слоновой Кости и Золотым Берегом (ныне – граница Кот Дивуар и Ганы). Название Три Пойнтс (букв. – «Три выступа») связано с формой мыса, представляющего собой три равных по длине и ширине выступа суши, разделенных такой же формы бухтами. Находится на территории современной Ганы.

Тюрнеф – остров у юго-западного побережья полуострова Юкатан.

Уильямсбург – городок, расположенный между устьями р. Джемс-ривер и Чесапикского залива в штате Виргиния (США). До образования США – столица доминиона Виргиния.

Утрехт – город и порт на р. Рейн, столица провинции Утрехт (Нидерланды).

Фиар, мыс (мыс Страха) – мыс на юге побережья Северной Каролины, примерно на 220 км севернее Чарлстона.

Филадельфия – город на северо-востоке Северной Америки. Основан в 1682 г. неподалеку от устья реки Делавер, впадающей в одноименный залив. Позднее был одним из центров Войны за независимость (1775—1783), с 1790 по 1800 гг. – временная столица США. Ныне на территории штата Пенсильвания (США).

Фландрия – одна из 17 исторических провинций Нидерландов. После образования Соединенных нидерландских провинций частично вошла в их состав, частично оставалась в составе Испании, а затем Франции. В настоящее время основная часть Фландрии входит в состав Бельгии, часть – в составе Франции и Нидерландов.

Флоридский залив – северо-восточная часть Мексиканского залива, у берегов полуострова Флорида (юго-восточная часть Северной Америки).

Формоза – мыс в устье р. Нигер (экваториальная Африка), разделяющий Бенинский и Калабарский заливы.

Харбор – остров северо-западной группы Багамских островов.

Чарлз – мыс, замыкающий с севера вход в Чесапикский залив.

Чарлзтаун(1) – Чарлстон, город и порт на побережье нынешнего штата Южная Каролина (юго-восток США). В начале XVIII в. фактически единственное крупное поселение этой колонии. Дефо в «Истории пиратов» нередко отождествляет Чарлзтаун со всем сеттльментом Южная Каролина.

Чарлзтаун(2) – город и порт на о. Невис (Наветренные острова).

Чесапикский залив – залив на восточном побережье Северной Америки, на территории доминиона Виргиния. Вход в залив ограничен мысом Чарлз с севера и мысом Генри с юга. В южной части Чесапикского залива и вдоль берега впадающей в него реки Джемс-ривер в начале XVIII в. группировались тогда еще немногочисленные поселения колонистов. Ныне в составе штата Виргиния (США).

Эдисто – островок у атлантического побережья Северной Америки, в 10 милях к югу от г. Чарлзтаун (Южная Каролина). От материка отделен устьем реки Северная Эдисто.

Эспаньола – см. Гаити.

Южная Каролина – британский сеттльмент на восточном побережье Северной Америки. В описываемое Дефо время фактически состоял из одного городка Чарлзтауна (Чарлстон) и окрестных ферм. В настоящее время в составе штата Южная Каролина (США).

Ямайка – остров группы Больших Антильских островов в Карибском море. Открыт Колумбом в 1494 г. и вскоре колонизован испанцами. В 1655 г. был захвачен Англией, а после заключения в 1670 г. Мадридского договора о разделе владений Нового Света официально стал английской колонией. С 1962 г. – независимое государство в составе британского Содружества.

Приложение 2. Морские термины

В данное Приложение включены названия судов, морских специализаций, линейных мер, специфических действий, деталей такелажа и т. п. понятий и терминов, связанных с морем, которые упоминаются в «Истории пиратов». Объясняемые слова расположены в сплошном алфавитном порядке и снабжены перекрестными ссылками (выделены курсивом).

Абордаж – высадка на борт корабля противника с целью его захвата. В абордажном бою пираты редко пользовались ненадежным огнестрельным оружием, предпочитая пики, абордажные сабли, крючья и тесаки.

Бак – носовая надстройка, нос корабля.

Баркас(барк) – узкая шлюпка без палубы вместимостью до 60-70 человек. Баркасы использовались на очень крупных кораблях. Как правило, были весельными (20 весел и более), но нередко дополнительно оснащались съемной мачтой и парусами.

Биллоп – судно невыясненного типа.

Бом-боут – лодка, служащая для доставки провизии, зелени и всяческих мелких вещиц для продажи на суда, стоящие в порту или на рейде в удалении от берега.

Боцман – старший унтер-офицер корабля.

Брандер – небольшое, обычно парусное судно, начиненное горючими и взрывчатыми материалами. Брандер пускали по ветру или течению в сторону неприятельского судна, чтобы его поджечь. Как правило, использовались во время морских сражений.

Брасы – несмоленые тросы, присоединенные к ноку (оконечности) рея, посредством которых рей поворачивают («брасопят») относительно киля судна. Для наименования каждого браса это слово прибавляется к названию того рея, при котором он находится (грота-брас, беген-брас, гика-брас и т. д.).

Брашпиль – лебедка с двумя барабанами на горизонтальном валу для подъема якоря.

Бриг – двухмачтовый океанский корабль (с начала XVIII в.), разновидность бригантины с увеличенной мощью парусного вооружения.

Бригантина – первоначально (с начала XV в.) маленькое парусно-весельное судно, очень популярное среди средиземноморских пиратов. Отсюда и его название (французский вариант итальянского brigantino – «разбойничий корабль»). Позднее этим словом стали обозначать двухмачтовый корабль, обычно с прямыми парусами на первой мачте и большим косым (т. н. «латинским») на второй.

Бушприт – мачта, устанавливаемая под острым углом (обычно 35°) на носу корабля со сложным вооружением. На бушприте поднимают особые паруса – кливера, позволяющие управлять передней частью такого судна.

Верповать – завозить на лодке вперед по фарватеру или на берег якорь (верп) и затем подтягивать корабль к нему, выбирая якорный канат. Верпование применялось в парусную эпоху при необходимости провести крупное судно по узкому, мелкому, неизвестному фарватеру.

Вооружение – то же, что оснащение корабля: вся совокупность реев и такелажа; совокупность парусов называют парусным вооружением. Вооружение всех мачт почти одинаково, и для того, чтобы различать снасти, их название присоединяется к названию мачты (грот-марс, крюйс-стеньга и т. д.).

Вытравить якорь – сбросить якорный канат, вместо того, чтобы поднимать якорь на борт. Наряду с обрезанием якорного каната довольно часто применявшийся пиратами прием, позволявший в случае необходимости быстро сниматься со стоянки. Поднимать якоря было делом тяжелым и очень долгим, и замешкавшееся на стоянке судно могло не успеть перехватить намеченную жертву или убежать от погони. К тому же, утраченные канаты и якоря легко восполнялись при очередном грабеже (а на мелких судах вместо якорей и вовсе иногда использовали камни).

Галеон(галион) – крупный океанский торговый или военный корабль XVI – XVIII вв., модификация карака. Двух – или трехпалубный, как правило, трехмачтовый, с квадратными парусами на передней мачте, треугольным «латинским» на бизани и небольшим квадратным парусом на высоко поднятом бушприте. На особо крупных галеонах устанавливали четыре мачты, на сравнительно небольших – две. Это были медлительные, неустойчивые и плохо управляемые суда, однако большие размеры и многочисленные тяжелые пушки делали их очень трудной для пиратов добычей. Корабли этого типа строили практически все морские государства Европы, однако английское слово galleon применялось только по отношению к испанским (сами испанцы предпочитали называть их nao или navio). Испания использовала тяжеловооруженные галеоны для дальних перевозок – в частности, для ежегодной транспортировки в Европу ценностей, добытых в Мексике и Перу (т. н. Золотой и Серебряный Казначейские флоты). Длина атлантических галеонов составляла 100—150 футов, ширина – 40 – 50 футов, грузоподъемность около 600 т.

Галера – в описываемое время купеческое судно или военный корабль с одной палубой, приводимое в движение веслами и парусами. В XVII – XVIII вв. для плавания в Атлантическом и Индийском океанах Англия строила специальные, т. н. атлантические галеры, которые и имеет в виду Дефо. Встречались они редко ввиду дороговизны и малой эффективности использования при высокой океанской волне. Парусное вооружение галеры было таким же, как у фрегата, но палуба, в отличие от него, была ровная, т. е., находилась на одном уровне по всей длине корабля.

Галиват – парусно-весельное судно (xviii в., Индийский океан), грузоподъемностью 40 – 70 т. Приводилось в движение 1 – 2 треугольными парусами и 20 – 40 веслами.

Галиот – большое голландское плоскодонное грузовое судно с одной мачтой, иногда с короткой дополнительной мачтой на корме, рассчитанное на каботажное (прибрежное) плавание. Парусное вооружение: гафельный парус, топсель (верхний треугольный или трапециевидный парус), стаксель (большой прямой или треугольный парус) и 1 – 2 кливера

(треугольные паруса для управления носовой части судна) на бушприте. Под этим же названием известна небольшая быстроходная пиратская галера XVI – XVIII вв. с латинским парусом и 12 – 23 веслами, однако ее использовали только пираты Средиземноморья.

Галс – направление, с которого дует ветер. Менять галс – менять угол движения лавирующего судна.

Гафельный парус – прямой парус, крепящийся к гафелю – шесту, отходящему от бизань-мачты в сторону кормы.

Гвинеец – на морском жаргоне тех времен так называли специально построенные для перевозки «живого товара» невольничьи суда. Название связано с тем, что подавляющую массу чернокожих рабов для своих американских колоний европейцы вывозили с западного побережья Центральной Африки, называвшегося тогда Гвинеей.

Гик – нижний прямой рей на бизань-мачте (ближайшей к корме), расположенный вдоль судна немного выше гака-борта (самой верхней части кормы).

Гика-брас – см. брас.

Граб – в XVIII в. в Индийском океане встречалось два варианта этих судов. Один, как и указывает Дефо, – трехмачтовый корабль с приподнятым носом и малой осадкой, грузоподъемностью около 150 тонн, построенный Британской Ост-Индской Компанией в Индии для охраны торговых путей. Другой – двухмачтовый, грузоподъемностью 150—300 тонн, – использовался местными пиратами.

Дрейфовать (ложиться в дрейф) – поставить паруса так, чтобы судно, не бросая якорь, почти не двигалось с места.

Кабельтов – традиционная морская линейная мера, равная 183 м.

Каноэ – лодка-однодеревка американских индейцев; то же, что пирога.

Каперство – узаконенный вид пиратства. Большая часть европейских государств вплоть до 1856 г. выдавала частным лицам т. н. каперские лицензии на право захватывать и грабить в военное время суда противника. Капер не имел права распоряжаться добычей до тех пор, пока она не будет в установленном законом порядке признана «законным трофеем» (т. е., захваченным в пределах прав, определяемых лицензией). 10 процентов добычи следовало отдать государству, а сверх того уплатить пошлины. С 1664 г. каперов начинают называть приватирами, и вскоре это слово становится общеупотребительным. Народы Средиземноморья называли каперов корсарами.

Карак (каракка) – крупнейшее парусное судно XVI – начала XVII вв., водоизмещением до 1 200 т, с очень высокими носовым и кормовым кубриками, квадратными парусами на фок – и грот-мачтах и латинским парусом на корме. На основе карака был разработан галеон, отличавшийся менее высоким баком (носовой надстройкой) и потому более маневренный.

К ветру (идти, приводить паруса) – поворачивать в направлении ветра.

Кеч – двухмачтовое судно с удлиненным бушпритом.

Коммандер – капитан военно-морского флота, звание, эквивалентное капитану I ранга; начальник экспедиции; также кавалер ордена 3 степени.

Коммодор – низшее адмиральское звание в британском флоте; командир соединения кораблей.

Конвой – охраняемый военными кораблями торговый караван.

Контрабандер – судно, перевозящее контрабандные товары.

Корабль – военное судно, в отличие от торгового; баркасы, даже военные, тоже не считаются кораблями. В более узком смысле к кораблям относят только военные суда двух высших классов – линейные корабли и фрегаты.

Кренговать – класть судно набок на отмели для чистки и ремонта днища.

Крюйт-камера – то же, что пороховой погреб: помещение для хранения пороха на корме или носу корабля.

Лавировать – идти на парусах против ветра. При этом судно идет под острым углом к направлению ветра одним галсом, затем поворачивает на другой галс, и такой зигзагообразный курс позволяет продвигаться вперед.

Леджес – полубимс. Бимс – поперечная балка, связывающая боковые ветки шпангоутов; бимсы поддерживают палубу и обеспечивают поперечную прочность судна.

Лига морская – старинная морская линейная мера, равная 3 морским милям, или 5, 58 км.

Лоцман – во времена Дефо так называли не только судовожатых в гаванях, но и опытных моряков, знавших пути к дальним странам и их побережья – в современной терминологии, штурманов дальнего плавания.

Люк – лаз с откидной крышкой с верхней палубы во внутренние помещения судна.

Марсовый – наблюдатель, дежурящий на особой площадке (марсе) в верхней части фок-мачты (передней мачты корабля).

Менч (от малаяламского «манджи») – большая плоскодонная лодка с одной мачтой, служащая на Малабарском берегу Индии для перевозки грузов в прибрежных водах.

Миля морская – традиционная морская линейная мера. 1 морская миля = 10 кабельтовам = 1 852 м.

Обрезать якорный канат – один из распространенных среди пиратов способов быстро сниматься с якорной стоянки. См. также вытравить якорь.

Остендер – судно, приписанное к одному из портов Ост-Индии. Часто остендерами называли только португальские суда из ост-индских портов.

Пассаты – устойчивые воздушные течения в тропических широтах над океанами. В Северном полушарии дуют преимущественно на северо-восток, в Южном – на юго-восток.

Пинасса (пинасс) – в xvi в. так называли легкий узкий парусно-весельный корабль 20 – 60 т водоизмещением. Позже так стали называть 8 – 16-весельные шлюпки со съемной мачтой.

Пинк – 2-3-мачтовое торговое судно xv – XIX вв. с плоским днищем, выпуклыми боками и узкой кормой, обычно с косыми (треугольными) парусами. Большие пинки с прямым парусным вооружением в XVII – XVIII вв. использовались в качестве торговых и военных кораблей (вооружение 20 – 38 пушек). В Атлантическом океане пинком часто называли любое небольшое судно с узкой кормой.

Питиагр – открытая плоскодонная шхуна, разновидность 2-мачтовой баржи, не приспособленная для самостоятельного плавания в открытом море. Использовалась в Испании, Америке и Вест-Индии в XVII – XVIII вв. В Карибском море питиаграми также называли большие пироги, выдолбленные из цельных бревен.

Полупалуба – дополнительная палуба, настланная не по всей площади корабля. Пираты сооружали полупалубы на захваченных торговых судах, чтобы размещать пушки.

Приватир – с 1664 г. синоним понятия капер, вскоре полностью его вытеснивший.

Приз – захваченное в бою судно, перешедшее в собственность победителя.

Реи – длинные, горизонтально расположенные бревна, подвешенные к мачтам или бушприту и служащие для крепления и растягивания парусов.

Рейд – морская стоянка в виду порта, но в отдалении от причалов.

Румбы компаса – деления компаса, обозначающие направления по странам света. Морской компас делится на 16 румбов: север, северо-северо-восток, северо-восток, востоко-востоко-север, восток и т. д. «По всем румбам» – морской эквивалент выражения «на все четыре стороны».

Сажень морская – традиционная морская линейная мера; то же, что фатом (см. Приложение *). Равна 1, 83 м.

Старшина-рулевой – на кораблях английских и англо-американских пиратов в XVIII в. лицо, отчасти контролировавшее действия капитана. Во время боевых действий капитаны пиратских кораблей, как и все морские капитаны, обладали неограниченной властью на борту. Однако в обычных условиях должны были в ряде случаев подчиняться старшине-рулевому. Во многих переводных книгах, издаваемых в России, «старшина-рулевой» не совсем корректно переводится как «квартирмейстер».

Сноу (шнява) – бриг с дополнительной трисель-мачтой позади грот-мачты. Сноу хорошо зарекомендовали себя в открытом море, будучи довольно быстроходными и остойчивыми судами.

Такелаж – смоленые канаты, используемые в вооружении парусного корабля. Различают стоячий такелаж – система жестко закрепленных канатов и тросов, поддерживающих мачты, и бегучий такелаж – тросы, движущиеся по блокам и шкивам и служащие для управления парусами.

Тендер – мелкое одномачтовое парусное судно.

Топ – верхняя часть мачты.

Траверз – перпендикуляр относительно курса судна; быть на траверзе – идти курсом, перпендикулярным определенной точке, в произвольном удалении от нее, но в пределах видимости.

Трисель – небольшой вспомогательный парус.

Фелука(фелюга) – узкое, быстрое одно – или двухмачтовое судно с треугольными парусами, иногда с веслами или с тем и другим. Были распространены в Средиземном и Красном морях и в Индийском океане, начиная со средних веков.

Флаг кормовой – обозначал национальную принадлежность судна. Пираты пользовались с этой целью самыми разнообразными флагами. В первой половине XVIII в. среди них был распространен красный (в военно-морской символике того времени красный флаг на грот-мачте – знак намерения сражаться, не давая и не принимая пощады) и черный флаги. Знаменитый «Веселый Роджер» использовался только английскими пиратами в первой половине 1720-х гг., и то далеко не всеми.

Фрегат – с конца xvii в. англичане стали так называть военные корабли класса, следующего за линейными кораблями. Фрегаты были трехмачтовыми, однопалубными, имели приподнятые шканцы и бак и несли от 24 до 38 пушек. Использовались как вспомогательные корабли при линкорах или как охотники на каперов и купеческие суда.

Чистка – освобождение днища судна от обрастаний (водоросли, рачки-балянусы, черви). Обрастания сильно замедляли скорость движения судна и портили обшивку. В тропических водах деревянные днища судов обрастали очень быстро и требовали чистки как минимум раз в несколько месяцев.

Шканцы – то же, что квартер-дек: командная площадка, расположенная в средней части верхней палубы от кормы до фок-мачты (передней мачты) корабля. На шканцах находятся вахтенные (дежурные) офицеры, установлены нактоуз с компасом и штурвал. Отсюда производится управление всеми действиями вахтенных матросов.

Шкипер – капитан торгового судна.

Шлюп – в конце xvii – начале xviii вв. самый распространенный тип океанского судна. Одномачтовый корабль водоизмещением до 100 тонн, с плавными обводами и особой формой такелажем, что повышало его скоростные качества.

Шлюпка – корабельная или портовая лодка.

Шпор – нижний конец мачты, который закрепляется в особом гнезде. От того, насколько жестко закреплены шпоры, зависит маневренность и безопасность судна, особенно при полной парусной нагрузке.

Штиль – отсутствие ветра. Команде парусного судна с ограниченными припасами, застигнутого штилем в открытом море, грозила смерть от голода и жажды.

Штурман – старший корабельный офицер, в обязанности которого входит следить за ходом корабля и рулевым управлением.

Шхуна – быстроходный двухмачтовый корабль водоизмещением до 100 т, с узким корпусом, малой осадкой и характерным парусным вооружением – двумя большими гафельными парусами, спускавшимися с топов мачт до кормы, и иногда дополнительно крупным носовым парусом, крепившимся к бушприту.

Ют – кормовая надстройка, корма.

Приложение 3. Меры веса, длины и объема

Упомянутые в тексте «Истории пиратов» старинные меры веса, объема и длины даются в алфавитном порядке и при необходимости снабжены перекрестными ссылками (выделены жирным курсивом). В тех довольно частых случаях, когда значение данной меры неоднозначно, приводятся только необходимые варианты. Если данная мера имела несколько национальных стандартов, имеются в виду только их английские значения.

Баррель (barrel) – мера жидких, сыпучих и некоторых твердых материалов (мыло, солонина и т. п.); варьируется от 140, 6 до 190, 9 л и равна, соответственно, 31 – 42 галлонам. Баррель для жидкостей = 36 стандартным галлонам = 163, 6 л.

Галлон (gallon) – мера жидкости. Английский стандартный галлон = 4 стандартным квартам = 8 пинтам = 4, 546 л.

Дюйм (inch) – мера длины, равная 2, 54 см.

Кварта (quart) – мера жидкости. Английская стандартная кварта = 1/4 галлона = 2 пинты = 1, 14 л.

Кабельтов(cable’s length) – морская линейная мера. 1 английский кабельтов = 100 фатомам = 600 футам = 183 м.

Лига (league) – линейная мера. Уставная (сухопутная, статутная) лига = 3 уставным милям = 4, 83 км; морская лига = 3 морским милям = 5, 58 км.

Миля (mile) – линейная мера. Уставная (сухопутная, статутная) миля = 8 фарлонгам = 1 760 ярдам = 5 280 футам = 1 609 м. Морская миля = 10 кабельтовам = 6 076 футам = 1852 м.

Пинта (pint) – мера жидкости. Английская пинта равна 0, 57 л.

Рув (roove) – мера веса, которая была распространена в Испании, Португалии, Испанской Америке. Стандартный рув был эквивалентен английскому квартеру, или 1/4 хандредвейта (11, 34 или 12, 7 кг). Также испанская мера жидкости, менявшаяся в разных местах и в зависимости от типа жидкости от 2, 6 до 3, 6 галлона.

Спен (span) – линейная мера, равная 9 дюймам, или 22, 86 см.

Фатом (fathom), или морская сажень – морская линейная мера. 1 фатом = 6 футам = 2 ярдам = 8 спенам = 1, 83 м.

Фунт (pound) – мера веса, равная 453, 59 г.

Фут (foot) – мера длины. 1 фут = 3 хендам = 12 дюймам = 30, 48 см.

Хандредвейт (hundredweight) – мера веса. Большой (длинный) хандредвейт = 112 фунтов = 50, 8 кг; малый (короткий) хандредвейт = 100 фунтов = 45, 36 кг.

Хогсхед (hogshead) – мера жидкостей, равная 52, 5 стандартным галлонам, или 238, 67 л; также бочка объемом от 240 до 530 л.

Ярд (yard) – мера длины, равная 3 футам, или 91, 44 см.

Приложение 4. Денежные единицы

В данном Приложении приводятся краткие сведения обо всех денежных единицах, упоминавшихся в тексте «Истории пиратов». Содержание драгоценных металлов в монетах приводится по состоянию на время, по возможности максимально приближенное к хронологическим рамкам книги. Характеристики монет, как правило, связаны друг с другом перекрестными ссылками (выделены курсивом), что позволяет получить представление о сравнительной стоимости призов и товаров, о которых сообщает Дефо. В случаях возможного двоякого толкования (дукат, тестон) приведены данные по обеим «подозрительным» монетам.

Доллар (от исп. dalero – талер) – испанско-мексиканская серебряная монета достоинством в 8 реалов. В Европе ее чаще называли песо или пиастр (в Италии). В 1710-е годы приблизительно равнялся английской кроне. Серебряный реал провинсиал 20-х годов XVIII в. имел уже несколько пониженное содержание серебра – 2, 55 г при весе монеты 3, 06 г., а позже реал стали чеканить из меди. В колониях Америки и Африки доллар (песо) служил основной денежной единицей. Это нашло отражение и в данной книге Дефо: во вставных документальных текстах («Письмо капитана Макрэ…», «Описание Сан-Томе…») денежные расчеты зачастую приводятся именно к доллару, а не к фунту стерлингов, хотя авторы текстов англичане.

Дукат (итал. ducato) – золотая монета (ducato d'oro), впервые выпущенная в Венеции в 1284 г., с XIV в. равнялась по весу флорину (3, 5 г при пробе 23, 5 каратов). Со временем название дуката почти по всей Европе стало синонимом золотой монеты, а подражания ему чеканили в ряде европейских стран. Дукатом называлась также серебряная монета (ducato d'argento), чеканившаяся в Венеции с 1562 г. При Карле II серебряный дукат стали называть пиастром, а к середине XVIII в. это название окончательно вытеснило первоначальное. Произошло это, видимо, потому, что по содержанию серебра дукат был практически эквивалентен песо. Скорее всего, в данной книге Дефо под дукатом подразумевает серебряную, а не золотую монету.

Крона (от лат. corona – корона) – английская золотая и серебряная монета. Золотую крону чеканили с 1526 по 1663 г., после чего она уступила место гинее. Серебряная крона, которая имеется в виду в книге, соответствовала талеру (доллару) и равнялась 5 шиллингам. В описываемое время вес кроны был равен 29, 8 г (27, 5 г серебра).

Муадор (от порт. moeda de ouro – золотая монета) – португальская золотая монета второй половины XVI – первой половины XVIII вв., первоначальным весом 3, 8 г (3, 5 г золота). С 1722 г. муадором стали называть 1/10 добры. Этот муадор (вес монеты 5, 38 г, золота 4, 9 г) равнялся по стоимости 1280 реалам или 160 долларам и считался одной из самых распространенных торговых монет. Около 1700 г. муадор был основной золотой монетой в Ирландии и Западной Англии, где равнялся 28 шиллингам.

Песо (от исп. peso – кусок) – испано-мексиканская серебряная монета. В результате колонизации Мексики Испания получила доступ к богатейшим залежам серебра, слитки которого перед транспортировкой в Европу делились на равные куски – «песо», или «корабельные песо», представлявшие собой грубо обработанные «промежуточные» монеты достоинством в 8 реалов. В Испании из этих монет-заготовок чеканили доллары. С 1537 по 1888 г. в Мексике и Испании из мексиканского серебра было выпущено более 3 миллиардов песо. Содержание серебра в монете, первоначально равное 25, 57 г, постепенно снижалось и к 1854 г. упало до 23, 36 г.

Полукрона – английская серебряная монета в 30 пенсов; см. крона.

Рупия (от санскр. rupya – обработанное серебро или rupa – скот) – индийская серебряная монета, введенная Шир-Шахом около 1540 г… Чеканилась из серебра 970-й пробы весом около 11, 53 г, почти не отклоняясь от этого стандарта вплоть до полной колонизации Индии

англичанами. В 1720 г. 1 фунт стерлингов был примерно равен 8 рупиям. Лакх рупий = 100 000 рупий.

Тестон (от итал. testa – голова) – серебряная монета, первоначально появившаяся в Италии в XV в. Среди многих подражаний – португальский тостао, вес которого в 1700 г. был 3, 46 г (3, 17 г серебра) и английский тестун стоимостью 12 пенсов. Название тестун уже к концу XVI в. было вытеснено названием шиллинг. Хотя Дефо и использует английский вариант названия этой монеты, речь, очевидно, все-таки идет о португальском тостао.

Фартинг (от англ. farthing – четверть) – самая мелкая медная английская монета достоинством 1/4 пенни.

Фунт стерлингов (от лат. pondus – тяжесть, вес) – английская денежно-весовая и денежно-счетная единица, которая вплоть до 1971 г. в точности повторяла денежно-весовую систему Карла Великого: 1 фунт стерлингов (L – libra) = 20 шиллингов (S – solidus) = 240 пенсов (D – denarius). Название связано с тем, что общий вес 240 серебряных пенсов (стерлингов) составлял первоначально 1 фунт (453, 59 г), что было эквивалентно 15, 47 г золота. В 1717 г. серебряное содержание фунта стерлингов составляло около 120 г, золотое – около 7, 5 г.

Шиллинг (от лат. solidus – крепкий) – английская серебряная монета (с 1504 г.) и одновременно денежно-счетная единица. Равнялся 12 пенсам, а 20 шиллингов, в свою очередь, составляли фунт. В XVII – XVIII вв. вес шиллинга составлял 6, 22 г (5, 75 г серебра).

Примечания

1

Великий Могол – титул верховного династического правителя Могольской (Монгольской) империи, крупнейшей державы Индии, которая образовалась после распада Делийского султаната в 1526 г. Династия Великих Моголов правила вплоть до 1761 г. В XVII в. империя Моголов включала в себя большую часть Индии. В XVIII в. распалась на ряд государств, которые в XVIII – XIX вв. были захвачены англичанами. В период, затрагиваемый «Историей пиратов», правили следующие Великие Моголы: Аурангзеб (1658 – 1707), Бахадур I (1707 – 1712), Джахандар-шах (1712 – 1713), Фаррук Сайяр (1713 – 1719), Махаммед-шах (1719 – 1748).

2

Пьеса Чарлза Джонсона (1679 – 1748). Поставлена в 1712 г. в театре Друри-Лейн, опубликована в 1713 г. Представляла собой переработку трагедии XVI в. с добавлением комических и сатирических элементов. В основу сюжета положены лондонские сплетни о капитане Эвери. Обращает на себя внимание то, что именно под именем Чарлза Джонсона Дефо выпустил в свет «Всеобщую историю пиратов».

3

В данном случае имеется в виду Государственный Совет – выборный исполнительный и законодательный орган английского правительства, в состав которого входили министры. С 1660-х годов подобные Советы, наделенные местными полномочиями, избирались во всех английских колониальных владениях и придавались назначаемым метрополией губернаторам колоний.

4

В сентябре-октябре 1697 г. в нидерландском селении Рисвик (Рейсвейк) был заключен мирный договор, которым завершилась война за Пфальцское наследство (1688 – 1697 гг.) между Францией и Аугсбургской лигой, в которую входили Англия, Голландия, Испания, Швеция и император «Священной Римской империи» Леопольд I.

5

Guarda del Costa (исп.) – береговая охрана.

6

Контрабандер – судно контрабандистов. Контрабандеры наносили немалый ущерб монополии торговых компаний, и в колониях с ними боролись не менее, а зачастую и более жестко, чем с пиратами.

7

Имеются в виду пушки крупных калибров, поскольку корабли экипировались по классу «фрегат». Вообще на корабли того времени устанавливали следующие виды пушек: полупушки (калибр 6, 75 дюйма, вес ядра 30, 5 английских фунта), петры (24 фунта), василиски (15 фунтов), сакары (3, 5 дюйма, 5 фунтов) и малые поворотные пушки – миньоны, фоконы (фальконеты), серпентины, рабаны (вес ядра двух последних – всего полфунта). От калибра пушек зависело количество орудийной прислуги.

8

То есть, был лейтенантом, вторым лицом на корабле. Описываемые события происходили в июне 1694 г.

9

Пунш – крепкий алкогольный напиток, появившийся в XVII в. Основу пунша составлял ром или спирт, к которому добавляли сахар, пряности и иногда лимон. Компоненты пунша смешивались в чашах и пили горячим или холодным из черпаков. Обычно пунш приготовлялся на дружеских вечеринках. Он был очень популярен в среде британских и американских моряков (в том числе и пиратов), от которых пристрастие к этому напитку переняли и сухопутные жители.

10

Искаженное голландское Mein Herr, – уважительное обращение, букв. «мой господин». В данном контексте Дефо использует его иронически. Вообще на протяжении всей книги заметно, что голландцы отнюдь не пользуются симпатиями автора.

11

Упомянув этот остров, Эвери уже одним этим сообщил капитану, что решил стать пиратом: в то время Мадагаскар считался основной пиратской базой Южной Атлантики, идеальной для перехвата судов, следующих вокруг Африки в Красное море и к Индии.

12

Согласно некоторым источникам, по дороге Эвери ограбил три британских судна у островов Зеленого Мыса и потопил два голландских корабля у острова Сан-Томе.

13

Точнее, корабль Эвери прибыл к острову Иоганна (Коморские острова).

14

По другим источникам, у Иоганны Эвери захватил французский пиратский корабль с добычей, причем большинство побежденных присоединилось к его команде. Команда второго шлюпа, видимо, – отколовшаяся часть команды Томаса Тью (о чем будет сказано ниже).

15

Вся добыча на пиратских судах делилась на части (доли), обычно из следующего расчета: рядовым членам команды – по 1 доле; младшим офицерам – от доли с четвертью до 1, 5; капитану и штурману по 2 доли (но иногда доля капитана доходила до 4 и даже до 8). За полученные в бою раны и увечья полагалась компенсация в фиксированных суммах, которые выплачивались до начала дележа. Конкретные размеры компенсаций и пропорции долей оговаривались в соглашении («договоре»), который при формировании команды подписывали все ее члены.

16

Ошибка Дефо. Как он и сам пишет в других местах книги, у Эвери был фрегат.

17

Дальнобойность пушек в те времена не превышала 300 шагов (около 200 м), а скорость стрельбы и точность попадания были очень малы. Поэтому пираты обычно использовали бортовые пушечные залпы только для устрашения жертвы, полагаясь исключительно на абордажный бой.

18

Эвери захватил «Ганг-и-Савай», самый крупный корабль Великого Могола, на борту которого находилось от 400 до 500 солдат и 80 пушек. Этот бой продолжался два часа, причем обе стороны потеряли убитыми много людей.

19

То, что на борту «Ганга» находилась дочь Великого Могола, скорее всего, легенда. Помимо 5 миллионов рупий в серебре и золоте – выручки торгового сезона на берегах Красного моря, – корабль вез обратно в Индию нескольких знатных женщин – паломниц, возвращавшихся из Мекки. Однако в сохранившемся отчете индийского историка, подробно описывающем захват этого корабля, не упоминается никаких родственников падишаха. Не говорится об этом и в других источниках.

20

В конце XVII – начале XVIII вв. англичане присутствовали лишь в немногих северных районах западного побережья Индии, в основном в Бомбее. После захвата «Ганга» индийские власти действительно захватили фактории Ост-Индской Компании и арестовали ее служащих, которые, по одним сведениям, от жестокого обращения вскоре умерли в тюрьме, по другим – были выпущены на свободу только через год.

21

Британская Ост-Индская Компания – акционерная торговая компания, основанная в 1600 г. английскими купцами для торговли с Ост-Индией (Индия и некоторые другие страны Южной и Юго-Восточной Азии). К началу XVIII в. превратилась в государственную организацию со своей армией и аппаратом колониального управления английскими владениями в Индии и их эксплуатации. Просуществовала до 1858 г. – года окончательного захвата Индии Англией.

22

По другим источникам, они двинулись сначала на остров Сокотра в Аравийском море.

23

К тому времени добыча была уже поделена на острове Реюньон, где осталось большинство французских пиратов. Другим пиратским кораблям были выделены небольшие суммы, а каждому члену команды Эвери досталось по тысяче фунтов стерлингов наличными, не считая драгоценностей. Эвери как капитан получил две доли.

24

Небрежность Дефо. Остров Провиденс (Санта-Каталина) в Карибском море, в 250 милях западнее Порто-Белло, был пиратской базой в 1630-е годы. В «Истории пиратов» же под этим названием фигурирует Нью-Провиденс – один из Багамских островов, в 200 милях к востоку от Флориды. Пираты использовали его как базу, с некоторыми перерывами, с 1670-х годов. В 1716 – 1718 гг. столица острова – город Нассау – стал крупнейшим пиратским гнездом обеих Америк. В 1717 г. оттуда на промысел в море выходило до 600 пиратов. Так продолжалось до июля 1718 г., когда на остров в сопровождении 3 военных кораблей прибыл новый губернатор – Вудс Роджерс, которому за короткое время удалось заставить пиратов прекратить разбой либо покинуть здешние воды.

25

Угнанный Эвери частный военный корабль имел на вооружении 46 пушек, то есть, относился к самым мощным фрегатам I ранга, чье огневое оснащение уступало только линейным кораблям.

26

Эвери, прибыв на Багамские острова (апрель 1696 г.), на самом деле передал сильно поврежденный штормами корабль губернатору Томасу Тротту в «придачу» к взятке в 2 000 фунтов стерлингов.

27

Большая часть команды Эвери разбежалась еще на Багамских островах, поскольку это была частная колония и Тротт не имел права предоставить пиратам королевское прощение. Купив с несколькими оставшимися членами команды шлюп, Эвери отплыл на нем в Ирландию, где следы его теряются. Несколько лет спустя 14 человек из его шайки арестовали и 6 из них повесили.

28

Тью, Томас – английский пират, действовавший в Атлантическом океане и Красном море. В 1692 г. стал совладельцем 8-пушечного шлюпа «Амити». Будучи направлен в Гамбию по заданию губернатора Багам, вместо этого занялся пиратством. Встреченные Эвери пираты были отколовшейся от Тью частью экипажа, как ниже говорит и Дефо. Сам Тью присоединился к эскадре Эвери уже в июне 1695 г., в Красном море, где и погиб во время нападения на индийскую Казначейскую флотилию.

29

Королевская Африканская Компания – точнее, Английская Гвинейская Компания: акционерная компания, созданная в 1631 г. для торговых операций в Западной Африке. Уставной капитал Компании на момент ее основания составлял большую по тем временам сумму в 45 000 фунтов стерлингов.

30

Описываемые события происходили в 1693 г. Французская фактория представляла собой базу охотников за рабами, а значит, составляла конкуренцию расположенной по соседству базе Гвинейской Компании – крепости Гамбия.

31

По другим источникам, по 1 200 фунтов на каждого члена экипажа. Сам Тью получил 8 000 фунтов, 5 000 из которых отправил своим партнерам на Бермуды, чтобы те приобрели ему плантации.

32

По другим источникам, сделав остановку на Мадагаскаре в октябре 1693 г., шлюп капитана Тью достиг Род-Айленда в апреле 1694 г. В ноябре того же года, получив от губернатора Нью-Йорка новую приватирскую лицензию, Тью вместе с Уильямом Уонтом и Томасом Уэйком вышел в плавание, направляясь к Красному морю, где, как уже говорилось, он соединился с Эвери и погиб в июне 1695 г.

33

Гагат – черный янтарь.

34

Хотя по мусульманским канонам правоверный имеет право иметь только четырех законных жен и восемь наложниц (если способен их содержать), у высокопоставленных вельмож Востока считалось престижным держать в сералях (гаремах) десятки наложниц. Самый большой сераль, по представлениям европейцев, был у турецкого султана: молва приписывала ему сотни наложниц и жен.

35

Длинноствольные кремневые пистоли были изобретены в 1542 г. в Пистойе (Италия) и впервые были с успехом применены в битве при Ренти (1554 г.). Поскольку пистоли были однозарядными, они всегда продавались парами. Кобур к ним не полагалось, и их носили, просто заткнув за пояс или перевязь. Дальнобойность пистоля начала XVIII в. – около 25 м. Мушкеты – фитильные (а с 1690-х гг. – и кремневые) гладкоствольные ружья, бывшие на вооружении многих европейских армий с 1550 по 1850 годы. При длине более метра и большом весе мушкеты, даже установленные на специальные рогатки, обладали очень невысокой точностью стрельбы: чтобы считаться снайпером в XVIII в., достаточно было попадать из мушкета в человека на расстоянии 100 ярдов. В абордажном бою мушкеты были очень неэффективны, поэтому пираты предпочитали холодное оружие.

36

Согласно древнегреческому мифу, царь Крита Минос заключил героя Тесея и его спутников в пещеру с запутанной системой переходов – Лабиринт, из которого невозможно было найти выход и где они должны были стать жертвой человекобыка Минотавра (по другой версии, Лабиринт был специально построен для Минотавра Дедалом). Дочь Миноса Ариадна, влюбившись в Тесея, дала ему клубок ниток. Закрепив конец нити у входа, Тесей углубился в Лабиринт, убил Минотавра, а потом, следуя обратно по нити, выбрался наружу.

37

Вудс Роджерс – английский капер (1679 – 1732), действовавший на Тихом океане и в Карибском море. Во время войны за испанское наследство организовывал посылку каперов в рейды против французских кораблей. В сентябре 1708 г. во главе флотилии из двух 300-тонных фрегатов «Герцог» и «Герцогиня» (капитан «Герцога» Вудс Роджерс, лейтенант Томас Довер; капитан «Герцогини» Стефан Кортни, лейтенант Эдвард Кук; лоцман Уильям Дампьер) отплыл из Ирландии к тихоокеанскому побережью Новой Испании. За время плавания захватил несколько испанских и французских кораблей. В феврале 1709 г. во время остановки у островов Хуан-Фернандес подобрал Александра Селкирка, впоследствии ставшего прототипом Робинзона Крузо. В мае напал на Гуаякиль (Эквадор), разграбил город и получил в качестве выкупа около 27 000 песо. 1 января 1710 г. у мыса Сан-Лукас (Калифорния) захватил меньший из двух манильских галеонов – «Дисэнганьо». 4 января попытался захватить больший галеон – «Бегонья», но после трехдневного сражения вынужден был отступиться. Во время этих сражений Роджерсу мушкетной пулей снесло большую часть верхней челюсти и осколком покалечило левую ногу. В октябре 1711 г. рейдеры вернулись в Англию. Чистый доход от добычи составил 100% от затраченных средств, хотя 2/3 всей суммы ушло на взятки. В 1712 г. Роджерс опубликовал книгу «Морское путешествие вокруг света», к редактированию которой, возможно, приложил руку Д. Дефо. В 1713 – 1715 гг. Роджерс командовал кораблем, перевозившим рабов из Африки на Суматру. Выступил с проектом создания законопослушной колонии на Мадагаскаре, который не получил поддержки. В конце 1717 г. плантаторы Багамских островов передали Роджерсу свои имущественные права сроком на 21 год. Он был провозглашен первым королевским губернатором и уполномочен амнистировать пиратов, сложивших оружие до сентября 1718 г. В июле 1718 г. при поддержке королевской флотилии и двух шлюпов Роджерс появился в гавани Нью-Провиденса. Вооруженное сопротивление ему оказал только корабль Чарлза Вейна, остальные пираты либо сдались, либо скрылись. Таким образом была разгромлена пиратская база на Нью-Провиденсе. В феврале 1720 г. Роджерс отбил попытку испанцев высадить на острове десант. В 1721 г. ездил по делам колонии в Лондон, где, вероятно, снова виделся с Дефо. Умер в Нассау в 1732 г.

38

De facto (лат.) – фактически, согласно сложившемуся положению вещей.

39

Один из подвигов древнегреческого мифического героя Геракла (Геркулеса) – победа над огромным Немейским львом, шкуру которого Геракл после того носил вместо плаща.

40

Помимо капитана, на кораблях (в том числе отчасти и на пиратских) были следующие офицеры: лейтенант (заместитель, первый помощник) или штурман (лоцман); шкипер (заведующий такелажем) и каптенармус (заведующий боеприпасами) или старшина-рулевой; подштурман, канонир, боцман и плотник; мичмана и старшие матросы.

41

То есть, после окончания войны за Испанское наследство (1701 – 1713 гг.). Утрехтским миром принято называть серию мирных договоров между воюющими сторонами (Франция, Англия, Испания, Пруссия и др.), подписанных в г. Утрехт (Нидерланды). По условиям мира, Англия получила особые привилегии в торговле с испанскими колониями, в т. ч. право асьенто – торговли рабами, а также территории в Северной Америке от Франции, Гибралтар и порт Маон на о. Менорка – от Испании.

42

В Вест-Индии креолами назывались потомки от связей португальцев или испанцев с африканскими рабынями.

43

Имеются в виду каперские свидетельства: официальные письменные полномочия от имени правительства, дававшие частным лицам право нападать на иностранные корабли и захватывать их и находящиеся на них грузы. Лицензии выдавались на время ведения военных действий различными европейскими государствами с начала XIII в. по 1856 г., когда возникли специализированные военно-морские силы (США практиковали выдачу каперских лицензий до конца XIX в.). Вплоть до 1680-х годов лицензии фактически служили официальным «прикрытием» обычного пиратства. Особняком в этой системе стоит выдача Англией и Францией каперских свидетельств в Карибском море. Губернаторы, соответственно, на Ямайке и Тортуге выдавали лицензии на каперство против Испании даже тогда, когда в Европе эти страны с Испанией не воевали: в соответствии с дипломатическим принципом «За этой чертой мира нет», в Карибском море европейские договоры о мире не действовали.

44

По некоторым данным, во время войны за Испанское наследство Джон Мартел действительно был капером.

45

Местонахождение порта не установлено. Возможно, Дефо имел в виду Гавану, однако в других местах книги он приводит общепринятое написание этого слова. Вообще говоря, написание имен собственных, а особенно географических названий, у Дефо не унифицировано, а зачастую довольно сильно искажено. В некоторых случаях (оговоренных в наших примечаниях) по этой причине не удается точно установить, о какой местности идет речь. Впрочем, это общее свойство беллетристики того времени, а у предшественника Дефо по «пиратской» теме – А. Эксквемелина – разнообразное написание географических названий встречается чуть ли не чаще, чем однообразное.

46

Мартел иронически намекает, что владельцам судна следовало вместо пушечной палубы разместить дополнительное количество груза, поскольку пушки все равно не уберегли галеру от захвата, а стоимость захваченного в этом случае была бы больше.

47

Кампешевое дерево (сандальное дерево, синий сандал) – небольшое тропическое дерево семейства бобовых. Названо по местности Кампеш (ныне штат Кампече, Мексика) на западе

полуострова Юкатан, где открыли и добывали кампешевое дерево. Из древесины кампешевого дерева изготавливают мебель и паркет, добывают краску.

48

То есть, крейсируя в районе сразу нескольких оживленных торговых путей акватории Карибского моря, между Наветренными и Большими Антильскими островами.

49

В теплых водах Карибского бассейна, Африки и Индийского океана деревянные днища кораблей быстро обрастали водорослями и раковинами рачков-балянусов, что резко снижало быстроходность (не говоря уже о том, что некоторые морские черви могли проточить насквозь обшивку!). Поэтому раз в несколько месяцев приходилось очищать подводную часть судна от обрастаний. Эта процедура включала в себя и обязательную заделку нанесенных морскими обитателями повреждений, так что в английском языке слово clean обозначает и чистку, и починку обшивки одновременно.

50

Имеется в виду начало января 1717 г.

51

Традиционное книжное сокращение латинского слова videlicet (а именно, то есть).

52

Существует версия, по которой капитан Мартел был в числе тех, кто ускользнул на шлюпе, и смог добраться до Нью-Провиденса, после чего его следы теряются.

53

Бристолем Дефо называет американский город Бристль (см. Приложение 1).

54

Имеется в виду война за Испанское наследство (1701 – 1713).

55

Хорниголд, Бенджамин – английский пират, действовавший в Атлантическом океане и Карибском море в 1716 – 1717 гг. Сдался по амнистии Вудсу Роджерсу в июле 1718 г., после чего участвовал в погонях за Джоном Огером и другими пиратами. Погиб около 1719 г. в кораблекрушении.

56

В сохранившихся письмах капитана и корабельном журнале «Скарборо» ничего не сообщается об этом сражении с пиратами.

57

Хэндс, Израэль – британский пират. Действовал в 1718 г. в Карибском море и Атлантическом океане. Второй по старшинству в шайке Эдварда Тича. После смерти Тича бежал с корабля и предстал перед судом в Виргинии. По-видимому, был помилован за дачу показаний против коррумпированных чиновников Северной Каролины. Имя Хэндса впоследствии использовал Р. Стивенсон в романе «Остров сокровищ», присвоив его второму боцману «Испаньолы» – «тому самому, который некогда был у Флинта канониром».

58

Название бостонского корабля напоминает о том, что Бостон, как и многие другие поселения Новой Англии, был основан английскими беженцами-протестантами. По всей видимости, корабль был назван так в честь правящего короля Англии Георга I (1714 – 1727) – первого представителя Ганноверской династии на британском престоле. Этот монарх не только не занимался делами государства, но даже не знал английского языка. Однако, как писал о нем У. Теккерей, «немец-протестант на троне оказался дешевле, добрее и лучше, чем католик

Стюарт, чье место он занял, и был предан Англии хотя бы настолько, чтобы предоставить ее самой себе».

59

Имеется в виду Большая Багамская Банка – обширная рифовая отмель к западу от Багамских островов, весьма опасная для мореплавания. Здесь было удобное место для пиратских действий, поскольку безопасный путь из Мексиканского залива и Карибского моря к атлантическому побережью Северной Америки проходил только по узкому Новому Багамскому Каналу (Флоридскому проливу), ограниченному с запада побережьем Флориды, а с востока – Большой Багамской Банкой.

60

Имеется в виду английский сеттльмент Южная Каролина.

61

Имеется в виду г. Чарлстон на побережье Южной Каролины, в то время главный, если не единственный, город этой провинции. Гавань Чарлзтауна с моря перекрывалась длинной песчаной отмелью – баром, что давало возможность даже одному кораблю полностью блокировать вход в гавань, находясь за пределами досягаемости береговых батарей.

62

Многие историки полагают, что странное для пирата поведение Тича во всей этой истории объясняется тем, что его матросам нужна была ртуть для лечения сифилиса.

63

То есть, выборного местного Совета при губернаторе.

64

Имеется в виду каперское свидетельство, дающее формальное право на захват судов противника в военное время. Каперские свидетельства давались только капитанам, Тич же, как подчеркивает Дефо, в бытность свою приватиром не достиг даже офицерской должности.

65

Хогсхед – старинная мера жидкостей; тростниковый сахар, добывавшийся в виде густого сиропа, перевозился в больших бочках, которые тоже назывались «хогсхеды». По всей вероятности, в данном случае Дефо имеет в виду бочки.

66

Река Ньюз, впадающая в залив Пемлико.

67

Ad valorem – сообразно цене, по стоимости (лат.).

68

После Войны за независимость (1775 – 1783) столицей штата Виргиния стал город Ричмонд, основанный в 1730-е гг.

69

В англиканской и протестантской церквях ридером назывался мирянин, проводящий богослужение вместо священника.

70

Именно пираты додумались использовать этот снаряд в качестве ручного наступательного оружия. Об использовании пиратами ручных гранат пишет А. Эксквемелин в книге «Пираты Америки». Согласно первому упоминанию в этом источнике, их применил штурмовой отряд Генри Моргана при взятии испанского города Пуэрто-Бельо в июле 1668 г. Тогда граната представляла собой глиняный сосуд с порохом и железными обрезками, в горлышко которого вставлялся фитиль.

71

Неточность Дефо. Бартоломью Робертс (наст. имя Джон) – английский пират, который действовал в Атлантике и Карибском море с июня 1719 г., когда корабль, на котором он служил, был захвачен Хоуэллом Дэвисом (см. его жизнеописание в этой книге). После гибели Дэвиса в засаде в конце июля того же года пираты выбрали Робертса капитаном. За время своей пиратской карьеры он захватил около 400 кораблей. В феврале 1722 г. был убит в бою с английским военным кораблем «Ласточка», поэтому не мог быть «захвачен», но остатки его команды действительно были взяты в плен.

72

До сих пор история капитана Тича в основном достоверна, а местами даже служит единственным источником информации о жизни этого пирата. Но далее Дефо-романист в очередной раз берет верх над Дефо-историком и создает утрированный образ злодея и по сути, и по наружности, в котором просматриваются любопытные параллели со знаменитым маркизом Жилем де Рэ по прозвищу Синяя Борода. Реальный Тич очень мало походил на этот портрет по наружности и сильно уступал его звериной жестокости.

73

Когномен (фамильное имя) «Цицерон» производят от латинского cicer (горох). По Плутарху, у первого в роду Цицеронов, взявшего себе такое прозвище, «вероятно, кончик носа был широкий и приплюснутый – с бороздкою, как на горошине» (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания»).

74

Дефо обыгрывает семантику слова «комета» (греч. cometes aster – волосатая звезда); появление на небосклоне кометы считалось предвестием войн, эпидемий и других массовых бедствий.

75

Ветвистый парик (букв. ramilie wigg – парик в виде поникших веточек) – название модного в Англии 20-х годов XVIII в. щегольского фасона мужских париков. Букли такого парика заплетались во множество косичек, перевитых лентами, что должно было придавать ему сходство с кроной плакучей ивы.

76

Бандальерой называлась деталь пехотной амуниции: разновидность перевязи, идущей крест-накрест через грудь.

77

Деталь, явно порожденная фантазией автора.

78

Едва ли не первое в литературе упоминание мифа о «пиратских сокровищах». Реальные пираты никогда не закапывали захваченные богатства. Они, как правило, быстро проматывали награбленное, а изредка вкладывали в покупку плантаций или помещали в надежное дело. Миф о «пиратских кладах» возник с легкой руки романистов XIX века, использовавших в качестве основы для сюжетной интриги идею карты с указанием места такого клада (первооткрывателем этого хода был Э. По – см. его рассказ «Золотой жук»). Впрочем, не исключено, что к возникновению легенды имело некоторое отношение и устное творчество самих пиратов.

79

Законное право на получение доли от стоимости захваченного приза имели не только официальные каперы, но и участники военных и карательных морских операций. Доля офицера при этом была значительно выше доли матроса. Так, в одной из каперских экспедиций 1708 г. причитающаяся команде доля добычи распределялась следующим образом: капитан – 100

фунтов; лейтенант, шкипер, каптенармус – по 80 фунтов; подштурман, канонир, боцман и плотник – по 40 фунтов; мичмана и старшие матросы – по 20 фунтов; матросы – по 10 фунтов стерлингов. Эти деньги выплачивались из причитающихся каперских 20% за вычетом налогов.

80

История состоятельного джентльмена Боннета, пустившегося пиратствовать из-за несчастливой семейной жизни, в барбадосских хрониках того времени не находит никакого подтверждения. Очевидно, это очередная выдумка Дефо.

81

Мыс Чарлз и мыс Генри, ограничивающие с юга и с севера вход в Чесапикский залив.

82

В данном случае имеется в виду о. Лонг-Айленд, расположенный возле поселения Нью-Йорк. Пираты Карибского бассейна севернее Лонг-Айленда практически не заходили.

83

Этот островок во времена Дефо был занят под садово-огороднические фермы.

84

То есть, перекрыв подходы к гавани Чарлзтауна. Во времена Дефо этот город часто ассоциировался с названием всего сеттльмента.

85

Имеется в виду англо-испанская война 1718 – 1720 гг.

86

То есть, в открытое море; мысы – мыс Чарлз и мыс Генри, расположенные по обеим сторонам входа в Чесапикский залив.

87

Черной патокой называли мелассу – некристаллизующийся сироп, получаемый при очистке сахара. Черная патока служила сырьем для изготовления рома.

88

Здесь и далее под Каролиной подразумевается г. Чарлзтаун (Южная Каролина).

89

В оригинале wiff (нецензурная форма от wife – жена): «использовать в качестве жены»; это слово из жаргона лондонских низов, применявшееся чаще всего в отношении продажной любви. Очевидно, пираты проделали во флаге дыру – «wiff», издевательски приглашая нападающих «прийти и всех трахнуть». Судя по обыденному контексту фразы, подобные шуточки не были чем-то особенно исключительным у воюющих сторон того времени.

90

Гарнизоны регулярных войск в колониях были обычно немногочисленны, а часто их не было вовсе. Поэтому караульную службу обычно несли члены добровольного городского ополчения – милиции.

91

Центиналами (от испанского centinela – часовой) называли часовых из числа членов городской милиции, в отличие от часовых (guard) – солдат регулярной армии.

92

Созданный в 1400-м году Адмиралтейский суд был призван решать все вопросы, связанные с преступлениями на море или связанные с морскими перевозками, в его компетенцию входило все, связанное с каперством, пиратством, трофеями и законностью захвата того или иного судна. Он мог приказать вернуть украденные товары, но сам дела пиратов не рассматривал, давая для этого поручение специальному суду в Лондоне. Эта

система оказалась неэффективной в борьбе с колониальным пиратством, и в 1700-м г. практически во всех колониях Англии была основана новая система вице-адмиралтейств, согласно которой Вице-Адмиралтейским судам присяжных, состоящим из чиновников и морских офицеров, разрешалось рассматривать дела пиратов на местах и выносить им приговоры. На первых порах некоторые колониальные вице-адмиралы были продажны, как и их английские предшественники (см., например, решения Вице-Адмиралтейского суда Северной Каролины в пользу Эдварда Тича – Черной Бороды, о которых пишет Дефо в его жизнеописании), но с 20-х гг. XVIII в. решения Вице-Адмиралтейских судов сделались более объективными.

93

Большое жюри – в английском судопроизводстве присяжные заседатели, решающие вопрос о предании обвиняемого суду или о прекращении производства его дела.

94

Малое жюри – суд из 12 присяжных.

95

На английском воровском жаргоне neddy – трость, налитая свинцом.

96

Millet (англ.) – просо.

97

Прозвище основано на игре смыслов: англ. liver – печень; eviscerate – потрошить, извлекать внутренности.

98

Игра слов: англ. timberhead – верхняя оконечность шпангоута (изогнутые брусья, прикрепленные к килю, к которым в свою очередь крепится обшивка судна); timber-headed – болван, дубина.

99

У Дефо два варианта написания этой фамилии: Мэннеринг и Мэнворинг.

100

В тексте у Дефо неверная ссылка: стиха с таким номером в Евангелии от Матфея нет. Поэтому здесь библейская цитата дается в вольном переводе. Остальные цитаты из Библии приведены в каноническом Синодальном переводе.

101

Имеется в виду следующий стих из Откровения Иоанна: «А вне – псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду».

102

Ошибка Дефо. Эта цитата взята не из Откровения, где главы с таким номером нет, а из Книги пророка Исаии.

103

То есть, Боннет получил европейское университетское образование. В светских университетах того времени, однако, богословие еще оставалось обязательной дисциплиной, к чему ниже и апеллирует судья в своей речи.

104

Судья проводит параллель между Священным Писанием и Великой Хартией вольностей – грамотой, подписанной английским королем Иоанном Безземельным в 1215 г. Великая Хартия вольностей ограничивала в интересах аристократии права короля, предоставляла некоторые привилегии рыцарям, свободным зажиточным крестьянам, городам.

105

Неточная ссылка. На самом деле – Книга Притчей Соломоновых 2; 14.

106

Уинтер, Кристофер – британский пират. Действовал в Карибском море в 1716 – 1718 гг. Захват шлюпа, на котором плавал Инглэнд, относится к 1717 г. Сдался кубинским властям во время кампании Вудса Роджерса по амнистированию пиратов острова Нью-Провиденс.

107

По амнистии, объявленной Вудсом Роджерсом в июне 1718 г. Поскольку пиратство было широко распространено в колониях и не особенно рьяно искоренялось местными губернаторами, а то и напрямую ими поощрялось, а действия судебных властей и редких карательных экспедиций были малоэффективны, практика «королевского помилования» была довольно часто используемой мерой борьбы с пиратами. Указы о помиловании действовали до определенной даты (обычно год со дня подписания). Любой пират, до истечения срока амнистии сложивший оружие и заявивший о желании сдаться на милость короля, получал специальное свидетельство о помиловании, по которому его владельца запрещалось преследовать за ранее совершенные пиратские действия. Однако если амнистированный бывал уличен в новых пиратских налетах, «пренебрежение королевской милостью» считалось отягчающим его вину обстоятельством. Амнистированные находились под определенным контролем губернатора, выдавшего свидетельство, и для выезда из колонии должны были получить разрешение, однако на практике это ограничение довольно просто было обойти. Многие амнистированные пираты нанимались в каперские рейды, а затем поднимали бунт и брались за старое.

108

Ла Буше, Оливье – французский пират. Действовал в Карибском море, Атлантическом и Индийском океанах в 1716 – 1721 гг. Известен также под именами Ла Буз и Ля Бу. В 1716 – 1717 гг. базировался на о. Нью-Провиденс и одно время был напарником (плавал в паре) Бенджамена Хорниголда. К берегам Западной Африки перебрался после появления на Багамах Вудса Роджерса. В 1719 г. промышлял у Видаха и недолго плавал с Хоуэллом Дэвисом и Томасом Коклином (об этом рассказывает Дефо). Затем отправился в Красное море, в 1720 г. потерпел кораблекрушение у острова Майотта. В начале 1721 г. Джон Тейлор поручил ему командование кораблем «Победа». Действуя в паре, Ла Буше и Тейлор захватили у о. Реюньон богатый португальский приз. Расставшись в декабре 1721 г. с Тейлором, Ла Буше отправился на Мадагаскар, по одной из версий, поселился на Реюньоне и через несколько лет был повешен.

109

Некоторая неточность Дефо. Португальцы появились на западном побережье Индостана еще в начале XVI в. и в 1505 г. основали факторию в Кочине – на юге Малабарского побережья, а затем захватили город-государство Гоа (1510 г.), сделав его плацдармом для дальнейшего проникновения на полуостров. В Сурате в 1613 г. была основана первая английская фактория в Индии, а Бомбей к 1710-м годам фактически уже перешел в руки англичан. Голландцы к 1720-м годам контролировали на Канарском берегу, к югу от Гоа, несколько второстепенных гаваней, а самая крупная голландская колония была в Кочине.

110

Псалом 22 (в славянской Библии – 21), стихи 13 – 14. Дефо обыгрывает смысловые оттенки слова round – «вкруг» в своем тексте и «окружили» в англиканском тексте псалма.

111

Морской жаргонизм, означающий, что ядра попали по ватерлинии пиратского судна.

112

Весла давали парусно-весельным кораблям по сравнению с парусными дополнительную маневренность и преимущество в скорости, что имело решающее значение при ставке на абордажный бой. Именно поэтому парусно-гребные галеры сохраняли свое военное значение даже в начале XIX века.

113

Как уже отмечалось, пушки на море были малоэффективны. Поэтому, для повышения вероятности попадания в цель, практически все пушки устанавливались вдоль бортов, а стрельба велась бортовыми залпами. На носу же устанавливали 1, в лучшем случае 2 фальконета (поворотные орудия малого калибра).

114

Потери Макрэ в этом бою, по свидетельству самого капитана, составили 37 человек убитыми и ранеными (хотя некоторые источники утверждают, что эта цифра относится только к убитым). Пираты потеряли более 90 человек.

115

Судно капитана Макрэ.

116

Имеется в виду Британская Ост-Индская Компания, на службе которой состоял капитан Макрэ. Упомянутые тюки были частью груза «Кассандры», общая стоимость которого, по некоторым документам, составляла 75 000 фунтов стерлингов.

117

Очевидно, речь идет о награде за уничтожение пиратов.

118

Беспрецедентная эпопея Макрэ благотворно сказалась на его карьере в Ост-Индской компании. Уже в 1721 г. он командует карательной эскадрой, сильно уменьшившей активность пиратов у побережья Индии и Аравии (о чем упоминается в этой главе). А с 1725 по 1730 год был губернатором Мадраса и с лихвой «возместил убытки», сколотив на взятках состояние в 800 000 фунтов стерлингов при жалованье 500 фунтов в год…

119

Нет оснований подвергать сомнению сам факт этого эпизода. В то же время довольно гротескное описание облика и поведения пирата заставляют предположить, что они вымышлены Дефо. Вообще говоря, одноногие пираты на протезе в реальности встречались реже, чем в литературе. Наиболее известные из них – француз Франсуа Ле Клерк (ум. 1563) и голландец Корнелис Джол (ум. 1641).

120

«Альманахом» в Великобритании назывался ежегодный календарь, издававшийся в виде книги. Помимо таблиц, содержащих дни месяцев, астрономические данные и вычисления, предсказания и юбилейные даты, в «Альманахе» помещали самую разнообразную полезную и интересную информацию, сопровождая ее многочисленными гравюрами (одну из таких гравюр и имеет в виду Дефо). В 1709 г. выпуск аналогичного издания – «Календаря» организовал в России сподвижник Петра I шотландец Яков Вилимович Брюс (1670 – 1735).

121

По давней морской традиции, капитан корабля обладал в море почти неограниченной властью. Однако у пиратов пост капитана был выборным, и в случае недовольства команды действиями своего капитана тот мог быть смещен, а на его место избирался другой человек. Американские пираты XVIII в. могли прибегать к этому средству чаще своих предшественников, потому что взяли за правило передавать капитанские полномочия, касавшиеся повседневных

вопросов, другому офицеру – старшине-рулевому, оставив власть капитана безусловной только во время боевых действий.

122

Амбра (от араб. анбар) – воскоподобная масса, образующаяся в пищеварительном тракте у кашалота. Высоко ценилась у арабов, а потом и у европейцев, как ароматическое вещество. Иногда амбру удавалось найти в воде или на берегу, куда ее выбрасывало прибоем. После очистки и сушки амбра приобретала цвета от черного, коричневого и серого до золотистого и белого (две последние разновидности считались самыми ценными).

123

Еловые или сосновые обрезки и доски.

124

Фунт – стандартный вес куска мяса для бифштекса. Чтобы вернее запугать пленника, пират намеренно усугубляет свою кровожадность, намекая, что не просто убьет его, но и съест.

125

Маврами в разговорной английской речи XVIII в. назывались все арабы Аравийского полуострова и северо-востока Африки.

126

В субтропических и тропических морях ветер днем дует со стороны суши, а ночью – со стороны моря.

127

Как говорит сам Дефо немного ниже, это был не флот Ангриа, а флот, посланный *против* Ангриа. Ангриа – индийский пират Канходжи Ангриа (ум. 1729 г.), основатель пиратской династии Ангриа. Идя по стопам отца, Канходжи Ангриа поступил во флот раджи Маратха, а в 1698 г. стал командующим флотом. Через некоторое время он отказался признавать власть раджи и стал самостоятельно управлять 240-мильной береговой полосой от Бомбея до г. Венгурлы – границы территории Гоа. В 1704 г. объявил Ост-Индской компании, что намерен захватывать все ее корабли, где бы он их ни встретил, и держал свое слово до самой смерти. В 1710 г. его армия захватила главные порты Компании – укрепленный остров Каранджа и порт Калаба близ Бомбея. Губернатор Бомбея Чарлз Бун в мае 1716 г. безуспешно атаковал один из портов Ангриа – Вижаядруг, в ноябре, столь же неудачно, – остров Каранджа. В ответ Ангриа блокировал Бомбей и снял блокаду только после получения выкупа – 70 000 рупий (8 750 фунтов стерлингов). В сентябре и октябре 1717 г. Ангриа успешно отбил атаки англичан на Вижаядруг и соседний с ним порт Деогар. В 1721 г. – атаку коммодора Мэтьюза на Колабу. После смерти Ангриа в 1729 г. власть над подконтрольными ему территориями Малабарского побережья перешла к его сыновьям Субхаджи (ум. в 1741 г.) и Маннаджи, а затем – к незаконнорожденному сыну Ангриа Туланджи (правил в 1743 – 1756 гг.). Справиться с последним Ангриа англичане смогли, только заключив союз с Маратхом, от которого за 60 лет до того откололся Канходжи Ангриа.

128

В оригинале bullbeggar – народное переосмысление каламбура bullbear – «боязнь папской буллы», т. е., «объект беспочвенного страха».

129

Корабли того времени зачастую не держали шлюпки на борту, а вели за собой на буксире. Обрезав буксировочные концы и бросив лодки, корабль мог получить заметное преимущество в скорости перед преследователем.

130

Ошибка Дефо. По другим источникам (а косвенно – и по ниже следующему тексту самого Дефо), попытка атаковать Ангриа, уже третья по счету с января 1716 г. – времени прибытия в Бомбей нового губернатора Чарлза Буна, – состоялась в декабре 1721 г. Для разгрома Ангриа из Лондона был специально направлен коммодор Томас Мэтьюз с четырьмя военными кораблями, который безуспешно атаковал Колабу соединенным англо-португальским корпусом, состоявшим из этих кораблей, 6 000 пехотинцев и кавалерии. Униженный невозможность справиться с индийскими пиратами, Бун в январе 1722 г. отбыл в Англию. Мэтьюз задержался в Индии до декабря 1723 г. Позднее он был уличен в торговле с пиратами.

131

Гайра – очевидно, название укреплений в Колабе, т. к. Мэтьюз, по документальным данным, атаковал именно Колабу.

132

Индиа Дива – форт на рифе Ойстер, прикрывающий вход в гавань города Карвар.

133

См. Приложение 2 («Морские термины»).

134

Ошибка или опечатка. Вероятно, речь идет о коменданте Карварского рейда, т. е., форта Индиа Дива, хотя из текста Дефо совершенно не ясно, при каких обстоятельствах пираты ухитрились захватить коменданта форта.

135

Арак – рисовая или пальмовая водка.

136

Неясное место. Леджес (полубимс) – поперечная планка, деталь каркаса шлюпки. Возможно, Дефо хотел сказать, что арак занимал в шлюпке место длиной в 90 полубимсов.

137

Имеется в виду губернатор Кочина.

138

Довод «палкой» (лат.) – т. е., убеждение насилием.

139

Дефо приводит не совсем точную цитату из басни Эзопа о двух собаках, одна из которых сторожила дом, а другая охотилась. Каждый раз, когда охотничья приносила домой добычу, хозяин бросал кусок и сторожевой. Когда охотничья стала попрекать сторожевую, что та ничего не делает и только отъедается на чужих трудах, сторожевая собака ответила: «Не меня брани, а хозяина: ведь это он приучил меня не трудиться, а жить чужим трудом».

140

Имеется в виду эпизод из «Дон Кихота», в котором шутник-герцог «пожаловал» Санчо Пансе губернаторство островом Баратария.

141

В день (лат.)

142

лайм – мелкоплодная разновидность лимонов.

143

Тропиками называют параллельные экватору линии, между которыми происходит видимое движение Солнца вокруг Земли. В Северном полушарии это тропик Рака (знак Зодиака, соответствующий 22 июня – 22 июля), в Южном – тропик Козерога (знак Зодиака,

соответствующий 22 декабря – 20 января). Область между тропиками именуется палящей зоной.

144

Темно-зеленая, почти черная древесина тропических эбеновых деревьев действительно очень твердая, хорошо полируется. В Европе из него делали мебель, музыкальные инструменты, гребни, безделушки. Фернамбуковое дерево (цезальпиния ежовая) растет и культивируется только в Бразилии. За тяжелую, желтовато-красную или темно-красную древесину с красивым рисунком его называют еще «бразильским красным деревом». Использовалось для изготовления мебели, отделки судов, получения красителя бразилина.

145

«Драконовой кровью» называют кроваво-красную смолу драконова дерева – причудливого растения рода драцена семейства лилейных, которое растет только на о. Сокотра в Аравийском море. Иногда все деревья, относящиеся к этому роду, ошибочно называют драконовыми деревьями. Видимо, Дефо имеет в виду один из видов рода драцена: у некоторых из них смола тоже красного цвета.

146

Фактория – европейская торговая контора со складами в колониальных районах.

147

Вероятно, имеется в виду порт Аден неподалеку от Баб-эль-Мандебского пролива.

148

Лакх (инд.) – 100 000, индийская старинная единица счета крупных величин чего-либо (обычно денег).

149

О Томасе Мэтьюзе см. выше, в комментарии к Ангриа.

150

Ироничный намек на уже упоминавшуюся неудачную атаку Мэтьюза на порт Колаба в декабре 1721 г.

151

Rio de Spiritu Sancto (португ.) – река Святого Духа.

152

Имеется в виду мыс Доброй Надежды с крупным портом Капштадт (ныне Кейптаун). В XVIII в. здесь находилась голландская Капская колония, позднее захваченная англичанами. Удобное местоположение на торговом пути вокруг Африки быстро сделало Капштадт одним из главных торговых портов континента.

153

Голландская Ост-Индская Компания – акционерная торговая компания, основанная в 1602 г. и просуществовавшая до 1798 г. Обладала монополией на мореплавание, строительство факторий и торговлю в пределах Индийского и Тихого океанов. Являясь основным инструментом создания нидерландской колониальной империи, захватила значительные территории в Юго-Восточной Азии и на юге Африки.

154

Охраняемый военными кораблями торговый караван.

155

Населенного пункта с таким названием на Ямайке обнаружить не удалось. Судя по контексту, Дефо имеет в виду Кингстон – фактическую столицу Ямайки того времени.

156

Асьенто (исп. asiento) – ввоз черных рабов в испанские колонии Нового Света, право на который Англия получила по Утрехтскому миру 1713 г.

157

Английская акционерная торговая компания, действовавшая в колониях на побережье Атлантического океана и специализировавшаяся на перевозке рабов из Африки в Новый Свет. Образована была, по всей видимости, после заключения Утрехтского мира.

158

Речь идет об испанском Серебряном флоте, вышедшем из Порто-Белло с грузом серебра и затонувшем во время урагана у юго-восточного побережья Флориды в июле 1715 г. Поскольку галеоны затонули на мелководье, спасательная экспедиция, снаряженная губернатором Гаваны, сумела поднять на поверхность большую часть груза. Английский пират Генри Дженнингс, собрав флотилию из трех кораблей, в 1716 году напал на караван со спасенным серебром и захватил сокровища на сумму около 350 000 песо. В каком качестве Вейн принимал участие в этом рейде, – капитана или рядового пирата, – не установлено.

159

Это был корабль Стида Боннета (см. «Жизнь майора Боннета»).

160

Имеется в виду залив Окрекок в Северной Каролине (см. «Жизнь капитана Тича»).

161

У атлантического побережья Америки два острова с таким названием: один в составе центральной группы Багамских островов, другой – около Нью-Йорка. К северу от Северной Каролины находится второй, который и имеется в виду в книге. Это рассуждение важно во избежание путаницы, потому что ниже Дефо, видимо, допускает географический «ляп».

162

То есть, в Наветренном проливе между Кубой и Гаити: мыс Майси – восточная оконечность о. Куба, мыс Николас – ближайшая к Кубе из двух западных оконечностей Гаити.

163

То есть, к островам Карибского моря, в то время как Вейн уже находится у берегов Больших Антильских островов, как было сказано выше. Вероятно, здесь у Дефо произошла географическая ошибка.

164

Вначале буканьерами называли охотников на свиней, нелегально промышлявших на острове Гаити. При этом многие буканьеры действительно занимались каперством, а то и прямым пиратством. После 1684 г., когда на английском языке под названием «Буканьеры Америки» был издан перевод знаменитой книги А. Экквемелина о карибских пиратах, слово «буканьер» стало в Англии общепринятым синонимом слова «пират». Это смешение понятий сделалось характерным для всех английских писателей, включая Дефо.

165

Ньюгейт – тюрьма в Лондоне.

166

С начала правления Якова II Стюарта (1685 – 1688) в Старой Англии для некоторых категорий преступников практиковалась замена смертной казни продажей в рабство на английские плантации Нового Света. Именно таким путем лондонский врач Питер Блад, герой романа Р. Саббатини, попадает в Америку, а затем на капитанский мостик пиратского корабля.

167

Дефо использует это имя как нарицательное. Далила – героиня библейской Книги Судей (см. Суд. 16; 4 – 22), возлюбленная силача Самсона. Уступая ласкам и просьбам Далилы,

Самсон рассказал ей секрет своей великой силы, и она тут же передала его врагам Самсона – филистимлянам.

168

Испанская береговая охрана. См. «Жизнь капитана Эвери».

169

Под материком здесь подразумевается побережье Кубы.

170

Порто-Мария – в начале XVIII в. гавань на востоке северного побережья Ямайки; далее пираты двинулись вдоль береговой линии к западу, чтобы не приближаться к столицам острова – Кингстону и Порт-Роялу, расположенным на юго-восточном берегу.

171

Фезерстон и Феверстон – очередное разночтение в написании фамилии.

172

Эспаньола – одно из названий острова Гаити.

173

Как уже говорилось, биография Тича (Черной Бороды) в изложении Дефо содержит множество вымышленных сюжетов, а характеристика самого Тича не соответствует действительности. Что касается биографий Мэри Рид и Энн Бонни, то исторически достоверным в «Истории пиратов» можно считать лишь то, что эти женщины действительно существовали, были захвачены в плен на судне пирата Рэкхэма и предстали перед судом.

174

Речь идет о жителях нидерландской части Фландрии, а не о голландцах вообще, потому что каждая из Соединенных нидерландских провинций, несмотря на общую государственность, в то время имела собственные войска.

175

Здесь становится очевидно, что Дефо сделал Мэри Рид участницей войны за Пфальцское наследство 1688 – 1697 гг. (см. примечание ** к «Жизни Эвери»). Таким образом, к моменту захвата команды Рэкхэма в 1720 г. ей должно было быть по меньшей мере около 40 лет, что никак не согласуется с рядом моментов «пиратской» части ее биографии. Одного этого было бы достаточно, чтобы усомниться в достоверности «до-пиратских» эпизодов жизни Мэри, которые Дефо, по-видимому, придумал только для того, чтобы обосновать сюжетный ход с ее трансвестизмом. Кстати говоря, эта глава книги заставляет задуматься, откуда у «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой появилась идея переодеться в мужское платье и пойти служить именно в кавалерию.

176

Как и «биография» Мэри Рид, эта глава представляет собой образчик назидательного рассказа о тяжелой доле бедной девушки, в котором видны явственные отголоски романа Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», вышедшего в 1722 году. Жизнь Красотки Энн (Энн Бонни), по сути, дала лишь толчок для сочинения сентиментальной истории ее матери. Возможно, это связано с тем, что даже современники Мэри Рид и Энн Бонни не располагали реальными фактами из их биографий до момента ареста.

177

Различные варианты сюжета с подменой любовницы женой под покровом ночи были широко распространены в европейской литературе, начиная с «Декамерона».

178

Ассизами называлась выездная сессия суда присяжных в провинциальных местностях Великобритании. Ассизы рассматривали тяжкие уголовные преступления (к которым

относились и кражи) и проводились единственной в каждом графстве судейской бригадой, объезжавшей всю его территорию. Поэтому в один и тот же городок суд прибывал не чаще 1-2 раз в год.

179

Известно, что реальная Красотка Энн до начала своей пиратской карьеры действительно вышла замуж за моряка по имени Джемс Бонни. Поскольку она очень скоро порвала с мужем, фамилия Бонни в пиратской среде превратилась в прозвище Красотка (англ. bonny – «веселый»; также «хорошенькая девушка»).

180

Подписание пиратского договора – первое действие желающего присоединиться к пиратской команде, без которого он не считался ее полноправным членом. Договор составлялся капитаном с согласия всей команды, прежде чем она начинала активные пиратские действия. В нем скрупулезно перечислялись права и обязанности капитана и команды, размер компенсации за боевые увечья, доли добычи. Таким образом, как ни парадоксально, пиратские команды формально ничем не отличались от легальных акционерных компаний.

181

Западные острова (Гебриды) вряд ли могли быть объектом промысла пирата Карибского бассейна. Судя по приведенным Дефо подробностям маршрута Дэвиса, речь может идти о северо-западной группе Багамских островов.

182

Ганнибал Барка (247 – 183 до н. э.) – полководец, возглавлявший войска Карфагена во время 2-й Пунической войны с Римом (218 – 201 г. до н. э.). Когда Сенат Карфагена приказал Ганнибалу вывести войска из Италии и вернуться в Африку (203 г. до н. э.), многие воины италийского происхождения, по свидетельству Тита Ливия, отказывались уезжать за море. В поисках убежища они собрались в храме Юноны на мысе Лацинии, но все до единого были перебиты пунийцами.

183

Остров Боавишта (острова Зеленого Мыса).

184

Маю (острова Зеленого Мыса).

185

Гамбия – крепость Английской Гвинейской Компании на северо-западе Африки, неподалеку от устья р. Гамбия. Междуречье Сенегала и Гамбии считалось северной границей Гвинеи (прибрежной Западной Африки до Анголы включительно, где действовали европейские отряды охотников за рабами); здесь располагались укрепленные французские и английские фактории, конкурировавшие между собой. К середине XIX века Англия полностью захватила район р. Гамбия, а Франция – район р. Сенегал. Во времена Дефо Гамбия была главной базой английской работорговли в Верхней Гвинее.

186

Французы стали постепенно проникать в район Сенегала уже в XVII в., хотя колонизовали его только в XIX-м (это была первая французская колония в Африке). В 1718 – 1719 гг. – время пиратской карьеры капитана Дэвиса – Англия и Франция не находились в состоянии войны, однако французы держали монополию на вывоз из Сенегала колониальных товаров, и потому вполне могли арестовать английское торговое судно: нарушение монополии торговые компании считали преступлением более тяжким, чем пиратство.

187

В оригинале – идиома to make the best of a bad market: «использовать наилучшим образом плохую ярмарку».

188

Ла Буз (Ла Бу): одно из прозваний французского пирата Ла Буше (см. Примечание ** к «Жизни капитана Ингленда»).

189

To catch a Tartar – английская идиома, означающая: «нарваться на противника, который тебе не по силам».

190

Коклин, Томас – английский пират. Действовал в Карибском море и Атлантическом океане в 1717 – 1719 гг.

191

Конструкция однопалубной торговой галеры не предусматривала специальных пушечных палуб. Построив полупалубы – то есть, настилы, не закрывающие все пространство от борта до борта, можно было установить пушки, не слишком сильно уменьшив при этом объем грузового трюма.

192

Фальконет – поворотная пушка малого калибра с весом ядра около 4 фунтов. Фальконеты обычно устанавливались на верхней палубе, в частности, на корме и на носу, чтобы хоть как-то прикрыть «мертвые зоны», недоступные для обстрела тяжелыми бортовыми пушками.

193

Неаполитанское королевство – государство в южной части Апеннинского полуострова, существовавшее с 1282 по 1504 гг. (с перерывом в 1442—1458 гг.). Город-государство Амальфи задолго до того, как вошло в состав Неаполитанского королевства, играл ключевую роль в морской торговле Средиземноморья.

194

«Первым умыслил магнит использовать в море Амальфи» (средневек. лат.). Дефо, по-видимому, цитирует какую-то средневековую поэму, посвященную мореплаванию.

195

Paulus Venetus – венецианец Поло (лат.). Речь идет об итальянском купце и путешественнике Марко Поло (ок. 1254 – 1324), который в 1271 – 1275 гг. совершил путешествие в Китай, где прожил около 17 лет. В 1292 – 1295 гг. вернулся морем в Италию, где был посажен в тюрьму и надиктовал там «Книгу Марко Поло» (1298), один из первых для европейцев источников знаний о Центральной, Восточной и Южной Азии.

196

И то, и другое появилось в Европе только в середине XV в. и связано, соответственно, с именами первопечатника Иоганна Гутенберга и монаха-алхимика Бертольда Шварца.

197

Кэбот (Кабот), Себастьян (ок. 1475 – 1557) – итальянский мореплаватель. В 1497 и 1498 гг. в составе экспедиций своего отца, Джованни (Джона) Кабота, дважды пересекал Атлантику и достигал Северной Америки в районе Ньюфаундленда. В 1526 – 1530 гг., состоя на службе у Испании, исследовал Ла-Плату, нижнее течение р. Парана, открыл низовья р. Парагвай.

198

Действительно, если географическую широту в начале XVIII в. определяли сравнительно точно, то долгота была слабым местом картографии того времени. Для иллюстрации приведем несколько примеров координат из «Науки мореплавания» Мэтью Норвуда (1692 г.): мыс Доброй Надежды – 25°33 восточной долготы (современные данные – 18°29 западной долготы

(41°57), мыс Бланко в Перу – 62°52ў западной долготы (81°10ў). Однако уточнение долгот было связано не с дальнейшим усовершенствованием компаса, а с развитием часового дела, т. к. долгота вычисляется по разнице между показаниями судового хронометра, выставленного по гринвичскому времени, и реальным положением Солнца в полдень относительно горизонта (4° равны одной минуте времени).

199

Non (лат.) – лишь, только, нет.

200

Дальше некуда (лат.).

201

Ошибка Дефо. Принц Энрике Мореплаватель (1394 – 1460), сын короля Жуана I Великого, основателя Ависской династии, королем не был. Организовал ряд морских экспедиций к северо-западному побережью Африки, положивших начало португальской колонизации материка. По его инициативе начался вывоз в Португалию африканских рабов.

202

Имеется в виду король Альфонс V Африканский (1438 – 1481) из Ависской династии. В 1458 – 1471 гг. захватил ряд североафриканских территорий.

203

Король Жуан II (1481 – 1495) из Ависской династии был инициатором Тордесильясского договора 1494 г. между Испанией и Португалией о разделе сфер колонизации Западного полушария. Линия раздела владений проходила от полюса до полюса по Атлантическому океану. Земли к востоку от линии признавались португальскими, к западу – испанскими. Договор был формально отменен только в 1777 г.

204

Имеется в виду папа Александр VI (1492 – 1503). В булле «Inter Caetera» от 4 марта 1493 г. он признал за королями Испании и Португалии исключительное право на владение всеми землями, открытыми в заморских экспедициях. Этот тезис был окончательно утвержден Тордесильясским договором (см. предыдущее примечание).

205

Лиссабонский купец-работорговец Фернан Гомиш в 1469 г. получил монополию сроком на 5 лет на торговлю с «Сенегамбией» (районом рек Сенегал и Гамбия). Капитаны кораблей Гомиша по условиям монополии исследовали весь северный берег Гвинейского залива: Суэйру да Кошта в 1470 г. проследил почти весь Берег Слоновой Кости до устья р. Комоэ, Жуан ди Сантарен и Педру Ишкулар в 1471 г. достигли Золотого Берега, Руй ди Сикейра в 1472 г. – Невольничьего Берега.

206

Мужской парик с двумя широкими «косами», спускающимися на грудь. В плане такой парик имел крестовидную форму.

207

Здесь: разрешение хозяина (средневек. лат). Дефо использует термин английского права, означающий право пользования чем-либо, полученное по соглашению с правообладателем.

208

То есть, португальские.

209

Табак в розницу продавался брикетами, которые укладывались друг на друга. Цена табака определялась высотой получившейся стопки.

210

Дефо приводит английское название этой монеты, однако, судя по всему, имеет в виду португальский тостао (см. Приложение 4).

211

По всей видимости, имеется в виду ожереловый попугай – птица среднего размера, с оперением ярко-зеленого цвета, переходящего кое-где в желтоватый. Гораздо больше была распространена торговля серыми попугаями (жако), однако они короткохвостые.

212

Хотя остров Сан-Томе и находится в т. н. «палящей зоне», экватор все же проходит немного южнее его южной оконечности, а город Сан-Томе находится в северо-восточной части острова.

213

Во времена Дефо пройтись по поводу компетентности врачей считались чуть ли не признаком хорошего тона.

214

Так в тексте. Речь идет о южном побережье Северной Африки, смыкающемся с западным побережьем Южной Африки, то есть, не обо всем континенте, а о побережье Гвинейского залива. Неточности в описании очертаний африканских берегов отчасти обусловлены представлениями картографов того времени.

215

Неточность Дефо. Последние два – не мысы, а поселения, расположенные между мысами Три Пойнтс и Корсар (Золотой Берег). Восточнее, на Невольничьем Берегу Бенина, прибой действительно достигает страшной силы, а море усеяно опасными мелями. Поэтому среди моряков Невольничий Берег получил еще одно «ласковое» название – Проклятые Лагуны.

216

Очевидно, речь идет об упоминавшемся выше «остроумном джентльмене», заметки которого в изложении от первого лица и, видимо, почти без переработки Дефо вставил в биографию Дэвиса.

217

Это западное побережье Южной Африки. Возможно, ошибка связана с тем, что на некоторых навигационных картах того времени все западное побережье Африки представлено в виде прямой линии и без указания стран света.

218

То есть, возле Сан-Томе и Принсипи. С южными ветрами, мешающими продвижению на юг, впервые столкнулся в этих краях еще Бартоломеу Диаш, который от 33° ю. ш. вынужден был взять курс в открытое море и две недели идти так, пока не смог повернуть к востоку.

219

Китовый ус, роговые пластины на верхней челюсти настоящих, или беззубых, китов. Во времена Дефо широко использовался в изготовлении дамских причесок, корсетов дамских платьев, различных мелких поделок.

220

Поскольку цвет[их кожи] обычно черный (лат.).

221

Сухопутные крабы различных видов широко распространены в тропических широтах. Живут большими колониями в норах, на удалении в несколько километров от берега, спускаясь к воде только в период размножения. Передвигаются с большой скоростью.

222

Пизанг – разновидность съедобных бананов.

223

Так во времена Дефо называлась кукуруза.

224

Цесарка.

225

Тропическая американская утка с небольшим хохолком и красными отметинами на голове.

226

Сорт яблок.

227

Разновидность персика с гладкой кожицей.

228

Вторые больше и хуже (лат.).

229

Здесь неизменно весна и лето во время любое,
Дважды приплод у отар, и дважды плоды на деревьях.

(Вергилий. Георгики, II. 150 – 151. Пер. с лат. С. Шервинского).

Знание произведений крупнейшего римского поэта-эпика Публия Вергилия Марона (70 – 19 гг. до н. э.), начиная еще со средних веков, входило в т. н. тривиум – обязательный минимум гуманитарного образования. Не сдав тривиум, нельзя было надеяться получить ни государственной должности, ни частной практики нотариуса или юриста.

230

От португ. serpentina – ленточка.

231

Мулат – потомок от связи европейца и негритянки.

232

Здесь имеется в виду северная часть побережья Камеруна, в районе горы Камерун и острова Фернандо-По.

233

Большая каюта – кают-компания, которой разрешалось пользоваться только офицерам.
